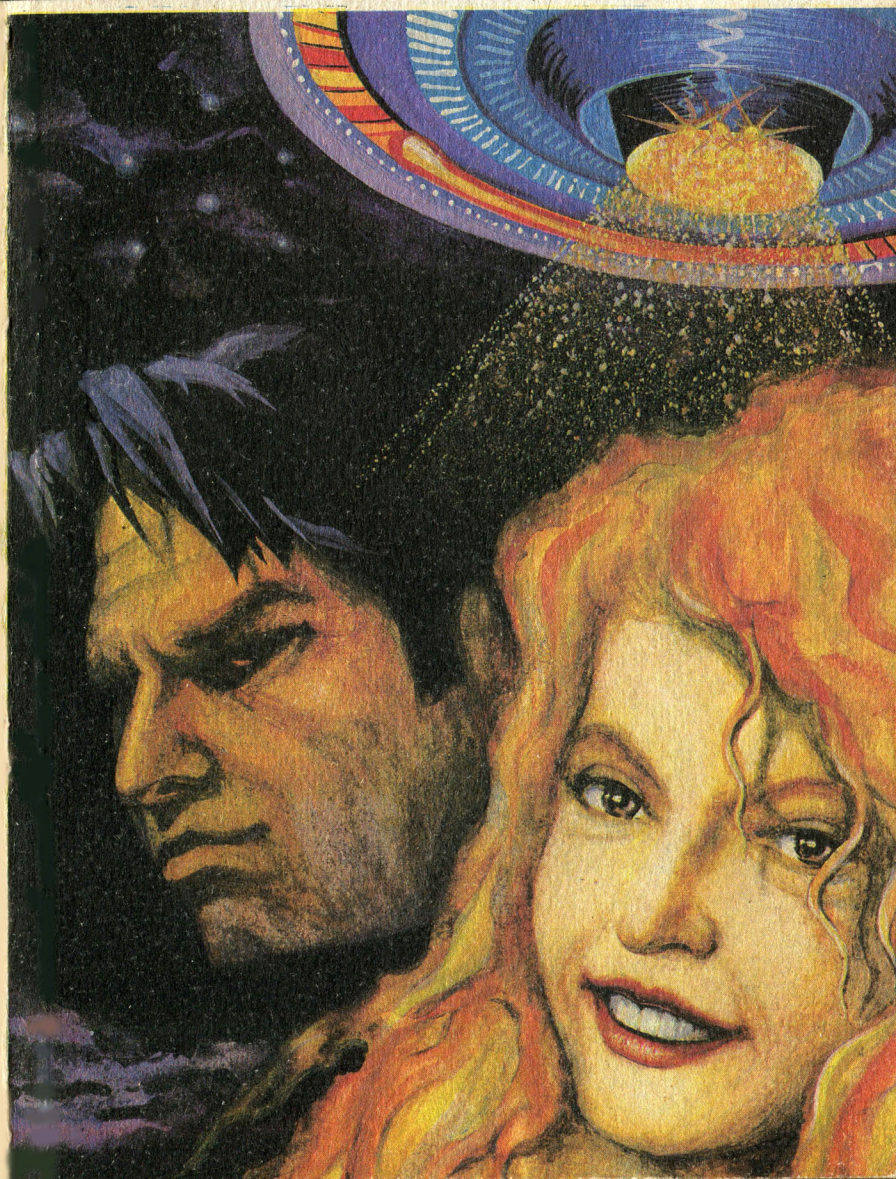

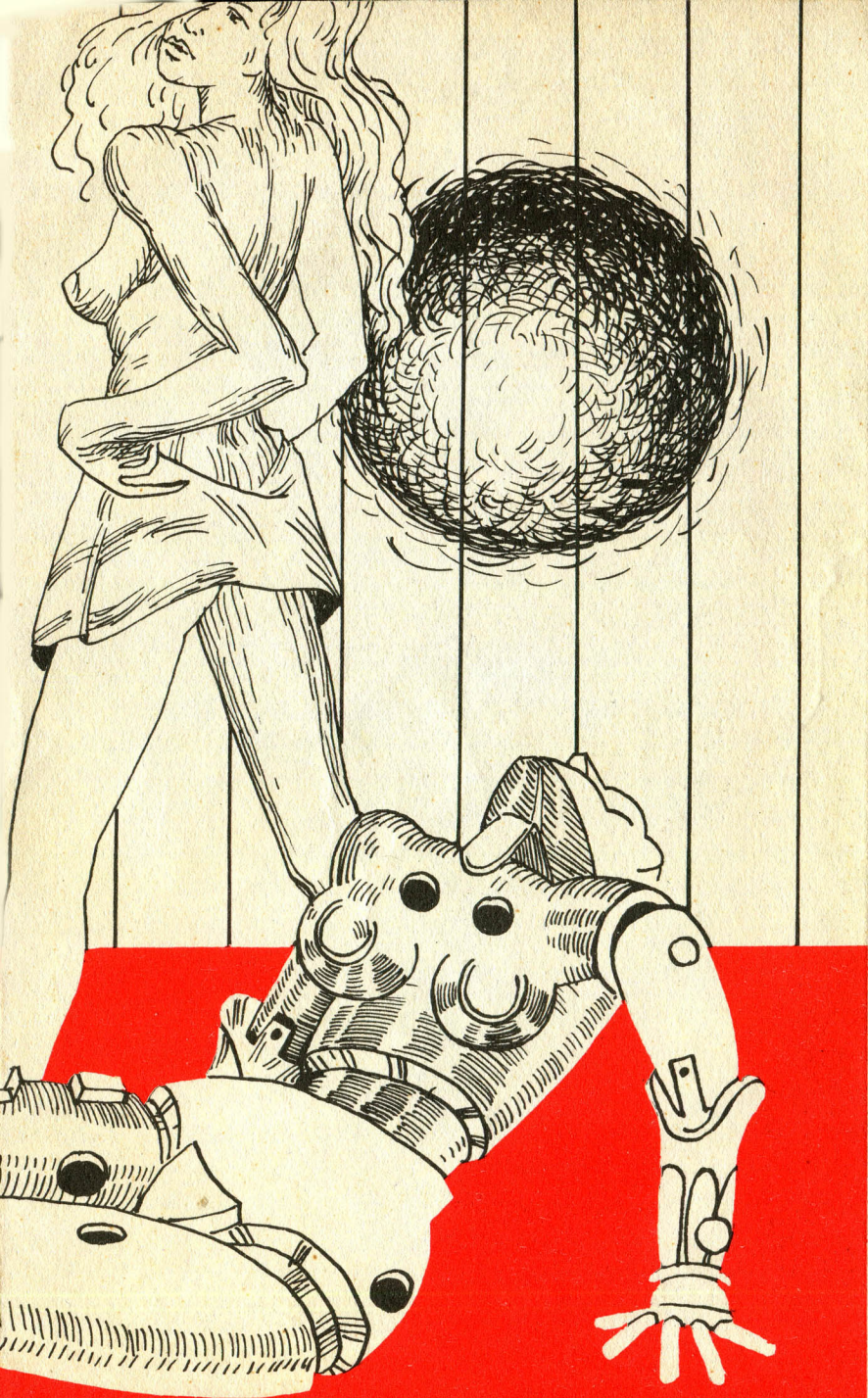
5 • 1993

ISSN 0130-6634

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

5 • 1993 (197)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

БОРНАН-19

Роман

2

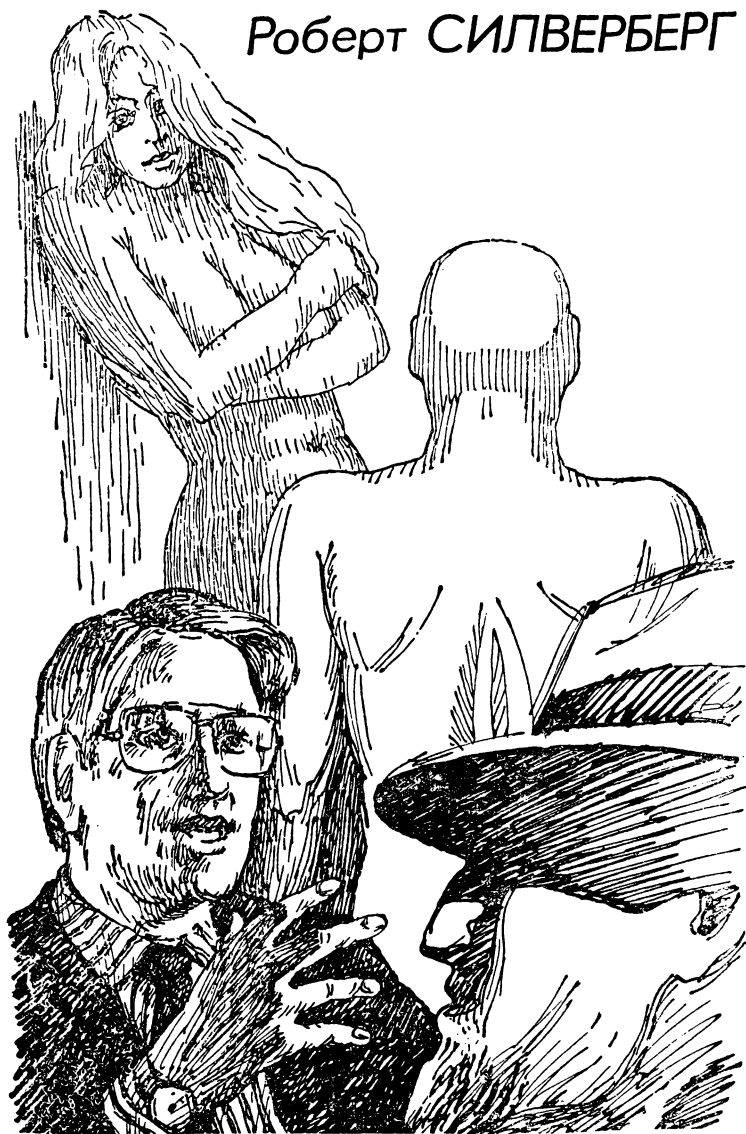
К. Хедли БАРКЕР

ТУЗ НЕСЧАСТЬЯ

Рассказ

157

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

ВОРНАН-19

Подобные воспоминания, полагаю, должны начинаться несколькими фразами о личном участии: я — человек, я был там, я страдал. И действительно, нет нужды преуменьшать мою роль в невероятных событиях последних двенадцати месяцев. Я близко сошелся с этим пришельцем из будущего. Я сопровождал его в бешеной круговерти путешествия по нашему миру. Я был рядом с ним в самом конце.

Но не в начале. Поэтому, излагая полную историю его пребывания на Земле, я вынужден предварить ее некоторыми сведениями о себе. Когда Ворнан Девятнадцатый прибыл в нашу эпоху, я находился столь далеко от этого экстраординарного происшествия, что узнал о нем лишь несколько недель спустя. Однако меня затянуло в созданный им водоворот, так же, как и вас, всех и каждого.

Меня зовут Лео Гарфилд. Сегодня, 5 декабря 1999 года, мне пятьдесят два. Я холост, бодр и здоров. Живу я в Ирвине, штат Калифорния, возглавляю кафедру физики в Калифорнийском университете. Мои научные исследования связаны с субатомными частицами, движущимися против потока времени. Лекций студентам не читаю. Я курировал дипломные работы нескольких выпускников, которых считаю своими учениками, но постоянных студентов в нашей лаборатории обычно нет. Всю сознательную жизнь занимался я указанными выше частицами, и мне удалось отправить в прошлое несколько электронов, сбив их с привычных орбит. Когда-то я полагал это значительным достижением.

Со времени прибытия Ворнана Девятнадцатого я зашел в своей работе в глухой тупик и отправился в пустыню, дабы преодолеть кризис. И не сразу узнал о пришествии Ворнана. Пишу об этом не для того, чтобы оправдаться, но излагаю факты. Я поселился в доме моих друзей в пятидесяти милях южнее Тусона*, жилище вполне современном, оборудованном всеми необходимыми средствами связи вроде спутниковых антенн или информационных экранов, не говоря уже о компьютерах. Так что при желании я, наверное, мог бы с самого начала не отстать от текущих событий. А если и отстал, то лишь потому, что не проявлял к ним ни малейшего интереса, но не из-за полной изоляции от окружающего мира. Днями долгие прогулки по пустыне помогали мне обрести душевное равновесие, по вечерам же я мог пользоваться благами человеческой цивилизации.

И к пришествию Ворнана я возвращаюсь лишь с одной целью — чтобы иметь исходную точку отсчета. Ибо к тому времени, когда я стал непосредственным участником этой истории, она была уже стара, как падение Византии или три-

* Город в юго-восточной части США.

умф Аттилы, и о появлении Ворпана мне рассказывали, словно о событии, дошедшем до нас из глубины веков.

Материализовался он в Риме, 25 декабря 1998 года, после полудня.

Рим? День рождения Христа? Естественно, день он выбрал сознательно. Новый Мессия, спускающийся с небес в святой город? Сколь банально! Какой дешевый эффект!

Позднее Ворпан настаивал, что произошло это случайно. Улыбаясь своей неотразимой улыбкой, он разглаживал большими пальцами кожу под глазами и говорил: «У меня был один шанс из трехсот шестидесяти пяти объявиться здесь в заранее выбранный день. Теория вероятности распорядилась сама, без моего участия. Да и что особенного в этом дне Рождества?»

— Родился Спаситель, — отвечал я, — давным-давно.

— Простите, спаситель кого?

— Человечества. Тот, кто пришел, чтобы искупить наши грехи.

Ворпан Девятнадцатый уставился на невидимую сферу, которая, казалось, всегда висела в нескольких футах от его лица. Наверное, ОН обдумывал понятия спасения, искупления греха, чтобы слова эти обрели для него какой-то смысл.

— Этот искупитель человечества родился в Риме?

— В Вифлееме.

— Окраина Рима?

— Не совсем. Так что, раз уж вы прибыли к нам на Рождество, вам следовало бы явиться народу в Вифлееме.

— Я бы так и сделал, если б стремился к этому. Но я ничего не знал о вашем святом, Лео. Ни дату его рождения, ни место, ни имя.

— Иисус забыт в вашем времени, Ворпан?

— Я очень невежественный человек, Лео, о чем вам постоянно и твержу. Я никогда не изучал древние религии. И оказался в этом месте и в это время по воле случая. — Тут по его лицу пробежала озорная улыбка.

Возможно, он говорил правду. Если б он желал изображать Мессию, Вифлеем подошел бы для этой цели куда больше. А уж выбирая Рим, он мог бы спуститься на площадь перед собором святого Петра в тот самый момент, когда папа Сикст благословлял верующих. Серебристое сияние, появившаяся в небе, медленно увеличивающаяся, по мере приближения, фигура, сотни тысяч людей, застывших на коленях в благоговейном трепете, и он, посланец будущего, улыбающийся, осеняющий всех знаком креста, желающий человечеству добра и счастья. Но Ворпан избрал иной путь. И коснулся земли у подножия Испанских ступеней*, рядом с фонтаном, там, где обычно толпятся состоятельные покупатели, направляющиеся к магазинам Виа Кондотти. Но на Рождество Пьяцца ди Спанья практически пуста, магази-

* Лестница в Риме.

пы Виа Кондотти закрыты, да и на Ступенях нет ни души. Вот и в тот день лишь несколько прихожан спешили в церковь Тринити деи Монти. В воздухе кружили снежинки, с Тибра дул пронизывающий ветер. В Риме было тревожно. Ночью апокалипсисты учинили дебош. Разнузданная толпа с раскрашенными лицами наводнила Форум, устроила дикие пляски вокруг развалин Колизея, бесчисленные парочки сменяли друг друга на памятнике Виктору Эммануилу*, дабы осквернить белизну мрамора яростным совокуплением. То был, пожалуй, едва ли не самый крупный взрыв безрассудства в Риме, хотя и несравнимый с тем, что обычно вытворяли апокалипсисты в Лондоне или, скажем, в Нью-Йорке. Однако разогнать их удалось лишь карабинерам, набросившимся на визжащую, обезумевшую толпу с дубинками-парализаторами. И чуть ли не до рассвета Вечный Город оглашали жуткие вопли. А потом наступило утро дня Рождества, миновал полдень и, пока я еще спал в тепле Аризонской пустыни, со свинцово-черных небес, в серебристом сиянии, сошел на землю Ворнан Девятнадцатый, гость из будущего.

Девяносто девять человек засвидетельствовали его пришествие. В основном их показания практически совпали.

Спустился он с неба. Все свидетели в один голос заявляли, что перемещался он по широкой дуге, верхняя точка которой находилась над церковью Тринити деи Монти (там его и заметили), обогнувшей Испанские ступени, чтобы упереться основанием в Пьяцца ди Спанья, в нескольких футах от похожего на корабль фонтана. В соответствии с законом всемирного тяготения, в момент касания земли скорость Ворнана Девятнадцатого составляла несколько тысяч футов в секунду, если его высадили из летательного аппарата, укрывшегося в тяжелых облаках, нависших над церковью.

Однако приземлился он на обе ноги, не испытав при этом никаких неудобств. Потом, как бы между прочим, он упомянул о «гравитационном нейтрализаторе», контролирующем его спуск, но не стал вдаваться в подробности, так что теперь мы и вовсе ничего не узнаем.

Приземлился он в чем мать родила. Правда, трое свидетелей отмечали наличие мерцающего сияния, прозрачного везде, за исключением области половых органов, где оно сгущалось до матовости, скрывающей срамное место пришельца. Речь, судя по всему, шла об эдаком набедренном нимбе. По странной случайности этими свидетелями оказались монахини, стоявшие у дверей церкви. Остальные девяносто шесть свидетелей настаивали на полной нагоде Ворнана Девятнадцатого. И большинство из них в мельчайших подробностях описали анатомию его наружных детородных органов. Со временем мы все узнали о выдающихся мужских

* Виктор Эммануил (1820—1878) — первый король объединенной Италии.

способностях Ворнана, но в тот момент свидетели отметили лишь внушительные размеры его «агрегата».

Возникала интересная коллизия. Привиделся ли монахи-ням нимб у чресел Ворнана? Или они сознательно выдумали его, чтобы соблюсти свою добродетель? А может, Ворнан устроил так, чтобы голым увидели его лишь те, кто не мог испытать при этом душевного потрясения.

Не знаю. Культ Апокалипсиса показал нам, что массовые галлюцинации возможны, поэтому я не могу отвергать первого предположения. Как и второго, ибо за две тысячи лет христианства священнослужители далеко не всегда говорили только правду. А вот к той версии, что Ворнан избавил монахи-нь от необходимости лицеизреть свою наготу, я отношусь скептически. Он никогда не старался поберечь чьи-либо нервы, да, пожалуй, и представить себе не мог, что человеческие существа надобно оберегать от столь удивительного зрелища, как человеческое тело. Кроме того, если он слыхом не слыхивал о Христе, где уж ему знать о монахи-нях и их обетах? Но я не намерен недооценивать его хитрости и полагаю, что Ворнан располагал техническими возможностями, позволяющими ему явиться перед монахи-нями в одном виде, а перед остальными — в другом.

Далее, как мы все знаем, монахи-ни в мгновение ока исчезли в церкви. Некоторые свидетели решили, что Ворнан — какой-нибудь маньяк-апокалипсист, а потому более не обращали на него внимания. Но многие, как зачарованные, не отрывали глаз от обнаженного пришельца, что бродил по Пьяцца ди Спанья. Сначала его заинтересовал фонтан, потом — витрины магазинов на дальней стороне площади, наконец, стоящие у тротуара автомобили. Зимний холод нико-им образом не беспокоил его. А когда на площади не осталось ничего достойного внимания, он двинулся вверх по лестнице. И успел подняться на пятую ступень, когда за ним, с перекошенным от негодования лицом, бросился полицей-ский, крича, что он должен спуститься и сесть в патрульную машину.

— Я не сделаю того, о чем вы говорите, — отвечивал Ворнан.

То были его первые обращенные к нам слова, начало апо-стольского послания варварам. Произнес он их по-английски. Многие свидетели слышали его и поняли, что он сказал, полицейский — нет, продолжая ругать его на итальянском.

— Я — путешественник из далекой эпохи, — произнес Ворнан. Опять же по-английски. — Я прибыл, чтобы позна-комиться с вашим миром.

Полицейский побагровел от ярости. Он не сомневался, что Ворнан — апокалипсист, причем апокалипсист американский, каковые считались самыми худшими из всех. Свой долг он видел в защите благопристойности Рима и святости дня рождения Младенца от эксгибиционистской вульгарности

сумасшедшего. И вид бледнокожих, удаляющихся от него ягодиц окончательно вывел из себя стража порядка. Он снял с себя плащ и устремился за Ворнапом с явным намерением укрыть его этим плащом от посторонних взоров.

Свидетели, все как один, утверждали, что Ворнап Девятнадцатый не обернулся, не тронул полицейского и пальцем. Последний же, настигнув пришельца, протянул руку, чтобы схватить его за правое плечо. Сверкнул сине-желтый разряд, раздался негромкий хлопок, полицейский отшатнулся, словно его ударило молнией. Потерял равновесие, упал, скатился по ступеням вниз, где и остался лежать. Зеваки подались назад. А Ворнап продолжил подъем и остановился на верхней площадке, чтобы поделиться с одним из свидетелей кое-какими сведениями о себе.

То был немецкий апокалипсист Хорст Клейн, девятнадцать лет от роду, принимавший участие в дебоше, учиненном на Форуме между полночью и рассветом. Слишком возбужденный, чтобы идти спать, он слонялся по городу в состоянии *post coitus* * депрессии. Юный Клейн, свободно владеющий английским, в последующие дни стал всеобщим знакомцем, регулярно появляясь на телеэкранах, раз за разом рассказывая об увиденном. Со временем о нем забыли, но свое место в истории он занял, и я не сомневаюсь, что он до сих пор делится воспоминаниями о минутах общения с Ворнапом и с жителями Мекленбурга или Шлезвига.

— Напрасно вы убили карабинера, — такими словами встретил Клейн подошедшего к нему Ворнана. — Они вам этого не простят.

— Он не умер. Оглушен, не более того.

— Выговор у вас не такой, как у американцев.

— Я не из Америки. Из Централити. Из будущего, понимаете? Нас разделяет тысяча лет.

Клейн рассмеялся.

— Через триста семьдесят два дня наступит конец света.

— Вы в это верите? Какой нынче год?

— Тысяча девятьсот девяносто восьмой. Двадцать пятое декабря.

— Мир просуществует еще по меньшей мере тысячу лет. В этом я уверен. Я — Ворнап Девятнадцатый, и здесь я — гость. И нуждаюсь в гостеприимстве. Я с удовольствием попробую вашу еду и питье. Я хочу носить одежду вашего времени. Меня интересует старинная техника секса. Где у вас дом половых сношений?

— Вон то серое здание, — Клейн указал на церковь Тринити деи Монти. — Там удовлетворят все ваши потребности. Только скажите, что вы прибыли из будущего. Из две тысячи девятьсот девяносто восьмого года, так?

— По вашему летосчислению, из две тысячи девятьсот девяносто девятого.

* После полового акта (лат.).

— Отлично. Им это понравится. Докажите, что конец света не наступит через год, и вам дадут все, что пожелаете.

— Мир будет существовать гораздо дольше, — со всей серьезностью изрек Ворнан Девятнадцатый. — Благодарю вас, друг мой, — и двинулся к церкви.

Со всех сторон к нему сбежались карабинеры. Не решаясь приблизиться меньше чем на пять ярдов, они взяли Ворнана в кольцо, чтобы не пустить его к церкви. Каждый держал в руках дубинку-парализатор. Один из полицейских кинул Ворнану плащ.

— Надень его!

— Я не говорю на вашем языке.

— Они хотят, чтобы вы прикрыли свое тело, — пояснил Хорст Клейн. — Их оскорбляет ваша нагота.

— У меня нормальное тело, без пороков и изъянов. Почему я должен прикрывать его? — удивился Ворнан.

— Они этого хотят, и у них парализаторы. Ими вам могут причинить боль. Видите? Вот эти серые палки, что они выставили перед собой.

— Могу я осмотреть ваше оружие? — дружелюбно обратился Ворнан Девятнадцатый к полицейскому, что стоял ближе всех, и протянул руку. Полицейский попытался. Но Ворнан оказался проворнее и вырвал дубинку из рук полицейского. Схватился он за свободный конец, а потому должен был получить чуть ли не смертельный энергетический удар, но даже не пошатнулся. Полицейские, с выпученными от изумления глазами, наблюдали, как Ворнан возится с дубинкой, водит рукой по металлическому набалдашнику. А потом, истово крестясь, подались назад.

Хорст Клейн прорвался сквозь разомкнувшееся кольцо и распростерся у ног Ворнана.

— Ты вправду из будущего?

— Разумеется.

— Как вы это делаете... касаетесь парализатора?

— Энергию силовых полей можно поглощать и преобразовывать. Вы это еще не умеете?

Юноша-немец привстал, дрожа всем телом, покачал головой. Поднял плащ полицейского и протянул Ворнану.

— Накиньте его на себя, — прошептал он. — Пожалуйста. Помогите нам привыкнуть к вам. Вам нельзя ходить голым.

Как это ни странно, Ворнан подчинился. Пусть и не без труда, но надел плащ, застегнул пуговицы.

— Так через год конца света не будет? — вновь спросил Клейн.

— Нет. Определенно нет.

— Так мне пудрили мозги?!

— Возможно.

По щекам юноши потекли слезы. С губ сорвался смешок. Кулаки забарабанили по каменным плитам. Дрожа, рыдая, смеясь, Хорст Клейн потерял веру в идеи апокалипсистов. А у человека из будущего появился первый апостол.

Глава 2

В Аризоне я ничего этого не знал. А если б и услышал о пришествии Ворнана, то расценил бы это сообщение как очередную человеческую глупость. Интенсивной работой и отсутствием результатов я загнал себя в тупик, а потому не обращал внимания на происходящее вне пределов моего черепа. Мозгу своему я предоставлял минимум пищи для размышлений, и в перечень излишеств попали в тот месяц и текущие события.

Мои хозяева во всем потакали мне. Им уже доводилось общаться со мной в периоды подобных кризисов, и они знали, как себя вести. Мне требовалось то очень хрупкое сочетание ненавязчивой заботы и ощущения уединенности, которое могли создать лишь люди, тонко чувствующие состояние души ближнего своего. И я не погрешу против истины, утверждая, что несколько раз Джек и Ширли Брайнт спасли меня от пучины безумия.

Джек работал со мной в Ирвине несколько лет, в конце восьмидесятых годов. Он появился у нас сразу же после окончания Массачусетского технологического института, где получил диплом с отличием, и, как и большинство выпускников этого института, прибыл к нам бледный и немощный, неся на себе печать жизни на востоке, где зимой холодно, а летом нечем дышать от жары. И я не без удовольствия наблюдал, как в нашем благодатном климате он распускается, словно бутон. При первой встрече Джеку было чуть больше двадцати. Высокий, но узкогрудый, с густыми, нерасчесанными волосами, всегда небритый, с запавшими глазами, тонкими, пребывающими в постоянном движении губами, он обладал стереотипным набором особенностей характера, привычек, свойственных молодому гению. Я читал его статьи по физике элементарных частиц. Блестящие статьи. Вы должны понимать, что в физике можно продвигаться вперед лишь благодаря интуитивным догадкам, возможно, озарениям, а потому нет нужды ждать старости, чтобы открывать новое. Ньютон предложил новую форму Вселенной еще юношей. Эйнштейн, Шредингер, Гейзенберг, Паули и прочие первопроходцы познакомили мир со своими открытиями, не достигнув и тридцати лет. Можно, конечно, как Бор, мудреть с годами, но и Бор проник в глубь атома совсем молодым. Так что, называя статьи Джека Брайнта блестящими, я не хочу сказать, что он подавал большие надежды. Суть в другом: он был гением безо всяких скидок на возраст, встал в один ряд с великими, еще не защитив диплома.

В первые два года, которые он провел в Ирвине, я искренне верил, что Джек совершит переворот в физике. Он обладал уникальным даром: интуиция безошибочно вела его к цели, сметая все сомнения и преграды. А кроме того, он достаточно хорошо знал математику и обладал должной настойчивостью, чтобы, следуя за интуицией, высветить истину во мраке непознанного. Его работа не имела непосредственной связи с моей. Мой проект обратимости времени переходил из теоретической в экспериментальную стадию, ибо я уже миновал этапы первичных расчетов и теперь постоянно пропадал на гигантском ускорителе элементарных частиц, пытаясь создать достаточно мощные энергетические поля, чтобы послать фрагменты атомов в прошлое.

Джек, наоборот, был чистым теоретиком. Его занимали атомные силы притяжения. Их наличие, разумеется, ни для кого не представляло тайны. Но Джеку удалось по-новому взглянуть на некоторые положения, вытекающие из экспериментов с мезонами, проведенных в 1935 году Юкавой*. По ходу дела он переосмыслил всю имеющуюся информацию по «клею», тем силам, что сохраняют атом единым целым. И у меня сложилось впечатление, что Джек находился на пороге одного из самых выдающихся открытий в истории человечества: осознания фундаментальных энергетических взаимоотношений, лежащих в основе мироздания. К чему, собственно, и стремятся все физики.

Как научный руководитель Джека, я, конечно, приглядывал за ним, просматривал черновики его докторской диссертации, но большую часть времени, естественно, уделял своей работе. Но постепенно до меня дошло, к чему может привести успешное завершение этих исследований. Его выкладки не выходили за пределы чистой физики, но в будущем могли приобрести сугубо практическое значение. Он уверенно шел к открытию высвобождения из атомов энергии сил притяжения и ее высвобождения не в виде взрыва, но контролируемого потока.

Сам Джек этого не понимал. Практическое приложение теоретических расчетов его не интересовало. В стерильной атмосфере математических уравнений у него не возникало даже мысли о том, к каким последствиям для фондовой биржи могли привести его труды. Я — понимал. Резерфорд в начале двадцатого столетия занимался чистой теорией, однако именно его работы привели к взрыву над Хиросимой. Ученые, не столь гениальные, как Джек, покопавшись в его расчетах, нашли бы, как высвободить энергию атома. Причем обошлись бы как без деления атома, так и без ядерного синтеза. Появлялась возможность черпать из атома энергию, словно воду из колодца. Если Джек доводил свою работу до

* Юкава Хидэки (1907—1981), японский физик, лауреат Нобелевской премии 1949 г.

логического конца, чашка земли могла бы питать мегаваттовый генератор. Несколько капель воды хватило бы для полета на Луну. То была сказочная энергия.

Но работу свою Джек не завершил.

На третий год пребывания в Ирвине он пришел ко мне, усталый, подавленный, чтобы сказать, что прерывает подготовку диссертации. Он, мол, дошел до той точки, где надо остановиться и обдумать достигнутое. А пока просит разрешения на участие в каких-либо экспериментах. Для того, чтобы сменить обстановку. Я, естественно, согласился.

Я ничего не сказал ему о том практическом потенциале, что таился в его исследованиях. Не считал себя вправе. Признаюсь, его решение приостановить работу над диссертацией вызвало у меня не только разочарование, но и облегчение. Я задумывался над тем, что могло произойти с нашим обществом через десять или пятнадцать лет, когда, благодаря Джеку, каждый дом получил бы неиссякаемый источник света и тепла, а транспорт и коммуникационные системы перестали бы зависеть от традиционных способов подачи энергии, когда рухнула бы привычная структура отношений труда и капитала. Социология — не моя специальность, но выводы, к которым я пришел, меня встревожили. И, будь я руководителем одной из транснациональных корпораций, я приказал бы незамедлительно убить Джека. Но я был физиком, а потому всего лишь заволновался.

Молчание, естественно, превращало меня в соучастника уничтожения созданной человечеством экономики. Я мог бы указать Джеку, что успешное завершение его работы даст каждому из нас доступ к дешевой, ничем не ограниченной энергии, разрушит саму основу человеческого общества, разобьет людей.

Джек бродил по студенческому городку, много времени проводил на ускорителе, словно впервые узнал, что в физике есть место не только теории, но и эксперименту, и не уставал радоваться своей новой игрушке. Ускоритель у нас был самый современный, с протонным контуром, с инжектором нейтронов, мощностью в триллион электрон-вольт. Бесцельность его занятий не укрылась от окружающих. Он откровенно убивал время.

Неужели лишь потому, что нуждался в отдыхе? Или осознал, к чему могли привести его исследования, и испугался?

В конце второго семестра безделья он попросился ко мне на прием.

— Лео, я хочу уйти из университета, — начал он.

— Ты получил более выгодное предложение? — удивился я.

— Глупость какая. Я ухожу из физики.

— Уходишь... из физики...

— И жепюсь. Вы знаете Ширли Фриш. Видели меня с ней. Свадьба через воскресенье. Гостей будет немного, но я хочу, чтобы вы пришли.

— А потом?

— Мы купили дом в Аризоне. В пустыне, неподалеку от Тусона. И переезжаем туда.

— И что ты будешь там делать, Джек?

— Размышлять. Может, начну писать. Мне хотелось бы найти ответ на некоторые философские вопросы.

— А деньги? Университетской стипендии...

— Я получил небольшое наследство, которое, спасибо адвокатам, давным-давно вложили в акции, приносящие высокие дивиденды. Есть деньги и у Ширли. Немного, но нам хватит. Мы отделяемся от человеческого общества. И я не хочу скрывать этого от вас.

— А как же твоя диссертация, Джек?

— Останется незаконченной.

— Но ты уже близок к фишишу.

— Я забрел в тупик. И не вижу выхода, — он поймал мой взгляд. Хотел ли он сказать, что не решается идти дальше? Вызвано его отступление научной неудачей или моральными колебаниями? Я хотел спросить. Ждал, что он заговорит сам. Он молчал. С натянутой улыбкой. Наконец разлепил губы. — Лео, думаю, что в физике мне не сделать ничего стоящего.

— Это не так. Ты...

— Видите ли, я даже не хочу делать что-либо стоящее.

— Однако!

— Вы меня простите? Останетесь моим другом? Нашим другом?

Я пришел на свадьбу. Один из четырех гостей. Невесту я встречал несколько раз. Двадцать два года, симпатичная блондинка, выпускница факультета социологии. Одному Богу известно, где Джек, денно и нощно корпящий над столом, познакомился с ней, но по всему чувствовалось, что они очень любят друг друга. Роста она была высокого, с золотистыми, рассыпанными по плечам волосами, кожей цвета персика, большими темными глазами, сильным, спортивным телом. Одним словом, красавица, ослепительная в белом коротком подвенечном платье. Церемония не заняла много времени, расписались они в муниципалитете, без церковного благословения. Потом мы сели за праздничный стол, а ближе к вечеру новобрачные покинули нас.

Месяц спустя они пригласили меня провести неделю в Аризоне.

Я подумал, приглашение послано для проформы, и вежливо отказался, полагая, что того от меня и ждут. Джек позволил, настаивая на моем приезде. Лицо его осталось таким же худым, но зелеповатый экран видеофона ясно показывал, что напряженность и усталость исчезли бесследно. Я согласился. Дом их, как выяснилось, располагался в полной изоляции, на милях вокруг простиралась пустыня. И тем не менее хозяева его имели возможность пользоваться всеми благами цивилизации. Ширли и Джека я нашел загорелыми,

радостными, излучающими любовь и покой. В первый же день они повели меня в пустыню и смеялись, как дети, стоило им увидеть зайца, пустынную крысу или длинную злепую ящерицу. Они опускались на колени, чтобы показать мне маленькие растения, едва вылезающие из земли.

Их дом стал для меня подлинным прибежищем. Я мог приехать в любое время, предупредив разве что за день, если у меня возникало такое желание. И хотя время от времени я получал от них официальное приглашение, они настаивали на ином порядке: я имел полное право приглашать себя сам. Им я и пользовался. Иногда мои поездки в Аризону разделяли восемь или десять месяцев, бывало, что я проводил у них пять или шесть уик-эндов кряду. Установившегося порядка не было. Необходимость увидеться с Джеком и Ширли полностью определялась моим настроением. Их же настроение никогда не менялось. Им всегда светило солнце. Я не припоминаю случая, чтобы они поссорились или хоть в чем-то разошлись во мнениях. И лишь когда в их жизнь ворвался Ворнан Девятнадцатый, между ними разверзлась пропасть.

Отношения наши становились все более близкими. Наверное, они видели во мне доброго дядюшку, ибо мне было уже под пятьдесят, Джеку — около тридцати, а Ширли всего-то двадцать с небольшим, однако связывало нас нечто большее, чем уважение и дружба. Чувство, что мы испытывали, я бы назвал любовью. Но без сексуальной компоненты, хотя я с удовольствием переспал бы с Ширли, если б встретился с ней в другой компании. Конечно, я находил ее привлекательной, и влечение к ней росло по мере того, как солнце выжигало из нее то очарование юности, что заставляло меня сначала видеть в ней девушку, а уж потом женщину. И хотя мы с Ширли и Джеком вроде бы образовали классический треугольник, наши отношения и близко не подходили к черте, за которой начиналось обычное прелюбодеяние. Я восхищался Ширли, но не завидовал, думаю, что не завидовал тому, что право на физическое обладание ею принадлежит Джеку. И поздним вечером, иной раз слыша доносящиеся из их спальни звуки, свидетельствующие о том, что с сексом у них нет проблем, я лишь радовался их счастью, пусть и ворочаясь в своей одинокой постели.

Близость наша росла, разрушая все барьеры. В жаркие дни, то есть практически постоянно, Джек взял за правило ходить голышом. Почему нет? Соседи не протестовали, благо, их не было, а с чего ему стесняться жену и ближайшего друга? Я завидовал его свободе, но не торопился последовать примеру Джека, полагая неприличным разоблачаться перед Ширли. А потому лишь ограничил свой наряд шортами. Вопрос, как говорится, был тонкий, а потому решили они эту проблему исключительно изящно. В один из августовских дней, когда температура зашкалила за сотню градусов, а

солнце разрослось вплобеа, мы с Джеком возились в саду, где они высадили растения пустыни. Когда Ширли принесла нам пива, я заметил, что она забыла надеть бикини, две полоски материи, что составляли ее одежду. Она словно этого и не замечала: протянула банку пива мне, потом Джеку, оба они держались непринужденно, словно ничего особенного и не произошло. Вид ее обнаженного тела, разумеется, возбудил меня, но лишь на несколько мгновений. Бикини, как мы все знаем, наряд чисто номинальный, не скрывающий ни формы ягодиц, ни контура груди, так что я мог представить себе Ширли голой. Но она тем не менее перешла границу, разделяющую людей одетых и обнаженных. Поначалу я отвел взгляд, ибо почувствовал себя в положении незваного гостя, заставшего хозяйку врасплох. Но быстро понял, что именно от этого ощущения ей хочется меня забыть, а потому, хоть и с усилием над собой, сделал решительный шаг ей навстречу. Пусть звучит это комично и напыщенно, но я пристально обозрел ее наготу, словно Ширли была не живым человеком, а статуэткой, призванной радовать взор, и я своим вниманием выказываю одобрение вкуса тех, кто показывает ее мне. Взгляд мой задержался на частях тела, что я не лицезрел ранее: розовые кружочки сосков, золотистый треугольник меж пог. Тело ее с пышными формами, сладострастное, загорелое, блестело на солнце. Удовлетворив свое любопытство, я поставил пиво на стол, поднялся и торжественно стянул с себя шорты.

После того как мы преодолели табу обнаженного тела, жизнь наша стала гораздо проще, потому что дом был довольно-таки мал. Скоро я воспринимал как должное, а они, похоже, пришли к этому выводу раньше меня, неуместность стыдливости в наших отношениях. И когда туристы, повернув не в ту сторону, однажды подъехали к дому, мы уже столь привыкли к нашей наготы, что даже не попытались прикрыться, а потом долго не могли понять, почему на лицах сидящих в машине людей отразилось изумление и что заставило их развернуться и укатить прочь.

Лишь одну тему мы обходили стороной. В наших разговорах мы не касались ни диссертации Джека, ни причин, побудивших его оставить физику.

Случалось, что мы говорили о моей работе. Он интересовался, как обстоят дела с перемещением частиц в прошлое, задавал вопрос-другой, которые помогали мне распутать текущие проблемы. Но, подозреваю, что вопросы эти задавались в лечебных целях, чтобы помочь мне преодолеть очередную кризис. Современные проблемы физики его не занимали. Во всяком случае, я не видел в доме знакомых зеленых дискет «Физикэл ревью» и «Физикэл ревью леттерс». Джек, судя по всему, полностью отсек себя от физики.

В своем затерянном в пустыне доме Джек и Ширли жили как в раю, всем довольные, ни от кого не зависящие. Они

много читали, собрали превосходную музыкальную библиотеку, приобрели оборудование для создания голографических скульптур. Этим главным образом увлекалась Ширли. Некоторые из скульптур мне очень нравились. Джек писал стихи, от их оценки я воздержусь, эссе о жизни пустыни, которые публиковали в журналах, а также заявлял, что работает над большим философским романом, рукописи коего увидеть мне так и не довелось.

Полагаю, что по натуре люди они были ленивые, и за это я их нисколько не порицаю. Они отказались участвовать в гонке, захватившей все человечество, имя которой — конкуренция, согласившись довольствоваться малым, даря друг другу любовь и радость общения. Они покидали пустыню не чаще, чем два раза в год, наведывались на несколько дней в Нью-Йорк, Сан-Франциско или Лондон, а затем спешили назад, в свое уютное гнездышко. Трое или четверо их друзей изредка навещали их, но я с ними ни разу не сталкивался, да и никто из них, похоже, не сошелся с Джеком и Ширли так тесно, как я. Большую часть времени они проводили вдвоем, и столь узкий круг общения вполне их устраивал. Они обманули меня. Внешне они казались такими простыми, эдакими детьми природы, гуляющими голышом по пустыне, недоступные суровости мира, который они покинули. Но их уход от цивилизации диктовался причинами, куда более серьезными, чем я мог вообразить. И хотя я любил их и чувствовал, что я с ними, а они — со мной единое целое, то было не более, чем заблуждение. По существу, Джек и Ширли были инопланетянами, ушедшими от мира потому, что не являлись составной его частью. И потому возврат к цивилизации, отказ от уединения не принес им ничего хорошего.

В рождественскую неделю, когда Ворнан Девятнадцатый спустился с небес на Землю, я отправился в пустыню по необходимости. Работа стала для меня адом. Отчаяние поглотило меня. Пятнадцать лет я прожил на грани успеха, но за гранью этой может открыться не только сияющая вершина, но и пропасть. Именно такое произошло и со мной. С каждым шагом вершина все удалялась от меня, и мне уже казалось, что не вершина это, а всего лишь мираж, и все, что я делаю, не стоит подобных усилий. Такие сомнения возникали у меня неоднократно, и я знал, что бессмысленно принимать их всерьез. Наверное, время от времени каждый из нас должен испытывать страх, а не зря ли прожита жизнь, кроме, возможно, тех, кто действительно прожигает ее, но, к счастью для них, даже не подозревает об этом.

Когда моя работа зашла в тупик, я бросился за помощью к Ширли и Джеку.

Прибыл я уже ближе к вечеру. Позади остались колдобины, овраги, выжженная солнцем земля. Слева поднимались

окрашенные в пурпур горы с вершинами, укутанными облаками. Нас разделяла каменистая пустыня, девственность которой нарушал лишь дом Брайнгов. Принадлежащую им землю окаймлял ров, в котором никогда не плескалась вода. Я остановил машину рядом с ним, заглушил мотор и зашагал к дому.

Его построили лет двадцать тому назад из красного дерева и стекла. Два этажа, солярий во дворе. В подвале атомный реактор, питающий энергией кондиционеры, нагреватели, электролизеры, световые приборы.

Ширли я нашел на солярии. Она создавала очередной голографический шедевр. Какую-то фантастическую птицу. Увидев меня, радостно вскрикнула, вскочила, шагнула ко мне, протягивая руки. Я обнял ее, и на душе стало легче.

— Где Джек? — спросил я.

— Пишет. Скоро придет. А пока позволь отвести тебя в твою комнату. Выглядишь ты ужасно.

— Для меня это не новость.

— Мы быстро приведем тебя в чувство.

Она подхватила мой чемодан и направилась к дому. От волнующего покачивания ее ягодич настрояние у меня еще более улучшилось. Я у друзей. Дома. В тот момент мне казалось, что я смогу жить с ними не один месяц.

Я прошел в свою комнату. Ширли уже все приготовила. Застелила постель, зажгла лампу на столике у кровати, рядом положила блокнот, ручку и диктофон, на случай, если мне в голову придут идеи, достойные того, чтобы зафиксировать их на бумаге или на магнитной ленте. Появился Джек. Сунул мне банку с пивом.

Вечером Ширли угостила нас превосходным обедом, а потом, когда в пустыне уже заметно похолодало, мы уселись в гостиной, чтобы поговорить. Разумеется, не о моей работе. Они чувствовали, что меня от нее воротит. Нет, мы обсуждали апокалипсисов, этот странный культ судного дня, взбудораживший столько умов.

— Я пристально слежу за ними, — заметил Джек. — Такое случается каждые десять веков. Как только тысячелетие близится к концу, человечество охватывает паника. Людям начинает казаться, что вот-вот наступит конец света. То же самое было и в девятьсот девяносто девятом году. Поначалу в это верили только крестьяне, но потом к ним присоединились и священники. Мир захлестнули религиозные оргии, да и не только религиозные.

— Но ведь наступил тысячный год с рождения Христова? Мир выжил, а что стало с культом?

Ширли рассмеялась.

— Наверное, тех, кто верил в конец света, постигло жестокое разочарование. Но люди не учатся на ошибках прошлого.

— И как же, по мнению апокалипсисов, погибнет мир?

— В огне, — ответил Джек.

— Кара божья?

— Нет, они ожидают войны. Верят, что ведущие державы уже к ней готовы, и в первый же день третьего тысячелетия на землю посыплются ракеты.

— Но мир живет без войны уже более пятидесяти лет. А атомное оружие в последний раз применяли в тысяча девятьсот сорок пятом году. Не разумнее предположить, что мы нашли пути решения международных конфликтов, позволяющие обойтись без крайних средств?

— Закон нарастающей катастрофы, — не согласился со мной Джек. — Увеличение статического напряжения вызывает разряд. Локальных-то войн было предостаточно: Корея, Вьетнам, Ближний Восток, Южная Африка, Индонезия...

— Монголия и Парагвай, — добавила Ширли.

— Да. В среднем малая война начинается каждые семь-восемь лет. И каждая из них способствует поиску мотива для развязывания последующей, ибо многим хочется проверить на практике те выводы, что сделаны из уроков войны предыдущей. И растущее напряжение должно вылиться в Последнюю войну. Которая начнется и закончится первого января двухтысячного года.

— Ты в это веришь? — спросил я.

— Лично я? Нет, конечно. Я лишь излагаю теорию. Никаких признаков приближающейся катастрофы я не уловил. Но, надо признать, что всю информацию я получаю с экрана телевизора. Тем не менее идеи апокалипсистов заворачивают многих. Ширли, давай посмотрим запись чикагского грома.

Ширли вставила в гнездо видеокассету. Дальняя стена гостиной превратилась в экран, расцвела многоцветьем красок. Я увидел небоскребы Лейк-шор-драйв и Мичиганского бульвара. Странные фигуры, запрудившие автостраду, толпящиеся на берегу, у самой кромки ледяной воды. С разрисованными лицами и полуобнаженными телами. Но нагота их, в отличие от естественной, невинной наготы Джека и Ширли, была агрессивной, грязной, оскорбительной, калейдоскоп болтающихся грудей и вертящихся задниц. Цель ставилась одна — шокировать общество. Персонажи Хиеронимуса Босха * сошли с полотен, чтобы потрясти обреченный мир. Ранее я не обращал внимания на это движение. Я даже вздрогнул, когда девушка, еще подросток, остановилась перед камерой, задрала юбку и помочилась на лицо другого апокалипсиста, лежащего на земле без чувств. Я видел групповые совокупления, причудливо переплетенные тела трех, четырех человек. Невероятно толстая старуха шла по берегу, громкими криками подбадривая молодых. Сваленная в кучу

* Босх, Хиеронимус (ок. 1460—1516) — нидерландский живописец.

мебель вспыхнула огромным костром. Полицейские поливали толпу пеной, но держались в стороне.

— Мир захлестывает анархия, — пробормотал я. — И давно такое творится?

— С июля, Лео, — ответила Ширли. — Ты не знал?

— Я слишком много работал.

— В действительности все началось гораздо раньше, — поправил жену Джек. — В девяносто третьем, может, в девяносто четвертом году. В Америке объявилась секта, с тысячу человек, не больше, призывающая всех молить Господа Бога о спасении, ибо до конца света осталось совсем немного. Поначалу на них не обращали внимания, но с недавних пор все изменилось. Ситуация вышла из-под контроля. И число людей, полагающих, что все дозволено, раз конец света близок, растет с невероятной быстротой.

Меня передернуло.

— Всеобщее безумие?

— Похоже, что так. На всех континентах крепнет уверенность в том, что год спустя, первого января, с неба посыплются бомбы. А потому ешь, пей и веселись. Мне даже не хочется думать о том, что будет твориться в следующую рождественскую, последнюю неделю существования мира. Возможно, только мы трое и уцелеем, Лео.

Еще несколько секунд я в ужасе смотрел на экран.

— Выключи эту мерзость.

Ширли хохотнула.

— Как ты мог ничего не слышать о них, Лео?

— Я вообще ни о чем не слышал, — экран померк. Неразрисованные чикагские дьяволы продолжали прыгать перед глазами. Мир сходит с ума, думал я, а я этого и не заметил.

Глава 3

На Рождество проснулся я поздно. Джек и Ширли наверняка встали гораздо раньше. Мне никого не хотелось видеть, даже их, а потому, пользуясь предоставленным мне правом, я прошел на кухню и набрал программу завтрака. Они чувствовали мое настроение и держались подальше. Отошла в сторону сдвижная панель автоповара. Я достал бокал сока и гренок. Поел, заказал черный кофе, потом поставил грязную посуду в моечную машину, включил ее и отправился на прогулку. Один. Вернулся я три часа спустя, умиротворенный тишиной и покоем девственной природы. День выдался слишком холодный, чтобы загорать или работать в саду. Ширли показала мне свои скульптуры. Джек почитал свои стихи. Я поделился с ним теми проблемами, что возникли у меня по работе. На обед мы ели жареную индейку, запивая ее ледяным белым вином.

Последующие дни принесли мне желанное успокоение.

Я отдыхал телом и духом. Гулял по пустыне один, иногда — с ними. Они сводили меня к древнему индейскому поселению. Джек разгреб песок, чтобы показать обломки посуды — белая обожженная глина, испещренная черными точками и полосками. Мы прошли меж фундаментов, сложенных из грубо отесанных камней, скрепленных раствором из глины.

— Это работа папаго? — поинтересовался я.

— Сомневаюсь, — покачал головой Джек. — Надо еще разбираться, но я уверен, что папаго такое не по зубам. Моя версия — это поселение древних хопи, ему не менее тысячи лет. Ширли привезет мне нужные материалы, когда поедет в Тусон. В банке данных этой информации нет.

— Но ее же нетрудно получить. Достаточно заказать в Тусонской библиотеке необходимые статьи, их найдут по каталогу в других библиотеках и перешлют прямо в твой компьютер. Глобальная информационная система для того и создавалась, чтобы любой человек, не выходя из дома, мог...

— Я знаю, — прервал меня Джек. — Но не хочу гнать волну. Потому что за нужными мне книгами может пожаловать археологическая экспедиция. Так что мы все добудем старым, испытанным способом — непосредственно из библиотеки.

— И давно вы нашли эти развалины?

— Уже с год. Торопиться нам некуда.

Я позавидовал его свободе, отстраненности от привычной едва ли не любому из нас каждодневной гонки.

Время текло незаметно. Мы весело отпраздновали наступление 1999 года, и я даже напился. Сковывающее меня напряжение исчезло бесследно. В первую неделю января в пустыне потеплело, и днем мы часами загорали на солнце.

Прошло уже почти десять лет с той поры, когда Джек оставил университет и увез Ширли в пустыню. С наступлением нового года всегда хочется подвести итоги годам ушедшим, и мы не могли не признать, что не изменились за это время. Остались такими же, как и в конце восьмидесятых годов. Хотя мне было за пятьдесят, выглядел я гораздо моложе, с черными волосами и лицом, не изборожденным морщинами. За сохранение молодости мне, правда, пришлось заплатить немалую цену: в первую неделю 1999 года я ни на йоту не продвинулся к цели по сравнению с первой неделей года 1989-го. Я по-прежнему пытался экспериментально подтвердить мою теорию, суть которой состояла в следующем: время движется в двух противоположных направлениях, и по крайней мере на субатомном уровне его можно повернуть вспять. Целое десятилетие я искал все новые и новые пути, безо всякого результата, но слава моя постоянно росла, и меня все чаще прочили в лауреаты Нобелевской премии. Будем считать, что я вывел закон Гарфилда: когда физик-теоретик приобретает известность, эффектив-

ность его работы падает до нуля. Для журналистов я превратился в мага, который вот-вот подарит людям машину времени. Но сам-то я знал, что уперся в стену.

Общение с друзьями дарило мне только радость. Я настолько пришел в себя, что на второй неделе пребывания в Аризоне уже мог обсуждать с Джеком некоторые проблемы, связанные с моей работой. Он слушал внимательно, но суть моих мыслей улавливал с трудом, а иногда просто не понимал, о чем речь.

Главная сложность заключалась в аннигиляции антиматерии. Попробуйте переместить электрон прстав времени, и заряд его изменится. Он станет позитроном и мгновенно найдет свою античастицу. Найдет, чтобы исчезнуть. Триллионная доля секунды, и крохотная вспышка с выделением фотона. И мы могли доказать, что электрон движется против времени, лишь послав его в пространство, полностью лишенное материи.

Мы попали в ту же ловушку, даже если бы располагали мощностями, позволяющими послать в прошлое более тяжелые частицы — протоны, нейтроны, ядра гелия. Частицы эти аннигилировали бы до того, как наши приборы успевали зафиксировать их движение против времени. И вопреки ожиданиям прессы, не могло быть и речи о путешествии в прошлое. Человек, посланный туда, превратился бы в супербомбу, при условии, что он останется в живых при переходе в антиматерию. Так как этот теоретический постулат казался неизбежным, мы старались создать свободное от материи пространство, объем абсолютной пустоты, куда мы могли направить частицу, движущуюся против времени. И вот здесь-то наши желания расходились с нашими возможностями.

— Вы можете создать абсолютную пустоту? — спросил Джек.

— Теоретически да. На бумаге. Превысив пороговую величину неразрывности пространства-времени, мы сможем послать в разрыв движущийся в прошлое электрон.

— Но как зафиксировать его движение?

— Не знаю. На этом мы и застряли.

— Естественно, — пробормотал Джек. — Как только в вашем пространстве окажется что-либо еще, помимо электрона, оно уже не будет абсолютно пустым, и последует аннигиляция. Но тогда получается, что вы не можете следить за собственным экспериментом.

— Назовем это Принципом неопределенности Гарфилда, — вздохнул я. — Контроль за экспериментом приводит к его мгновенному завершению. Сам видишь, мы увязли по уши.

— А вы пробовали создать это пространство?

— Нет еще. Сначала мы хотим понять, что с ним делать. Эксперимент стоит больших денег. Не хотелось бы тратить их впустую.

Джек подошел ко мне, похлопал по плечу.

— Лео, Лео, Лео, а у тебя не возникало желания пере-
квалифицироваться в брадобреи?

Мы рассмеялись и пошли на солярий, где читала Ширли. Небо сияло голубизной. Редкие облака застыли над горными вершинами, солнце, большое и жаркое, припекало полетному. На душе у меня было легко и привольно. За эти две недели я сумел дистанционироваться от своей работы, а потому возникшие проблемы казались далекими и не имеющими ко мне никакого отношения.

Беда в том, что я давно уже не мог предложить ничего нового. А различные комбинации известных методов не помогали. Мне требовался человек, который смог бы свежим взглядом взглянуть на мои затруднения и в озарении подсказать мне правильное решение. В этом мне мог бы помочь Джек. Но Джек ушел из физики. По собственной воле соорудил стену между собой и наукой.

Увидев нас, Ширли села, широко улыбнулась. Тело ее блестело от пота.

— Что выгнало вас из дома?

— Отчаяние, — ответил я. — Стены рушились на голову.

— Тогда присядьте и погрейтесь на солнышке. — Она нажала кнопку выключения радио. Я даже не заметил, что оно работало, пока не исчез звук. — Я слушала последние новости о человеке из будущего.

— О ком? — переспросил я.

— О Ворпане Девятнадцатом. Он приезжает в Соединенные Штаты!

— Я никак не возьму в толк, о чем ты говоришь...

Джек бросил на Ширли короткий взгляд. Впервые я увидел, что он недоволен женой. И не мог не заинтересоваться его мотивами. Неужели они что-то скрывали от меня?

— Чепуха все это, — вставил Джек. — И напрасно Ширли...

— Может, вы все-таки объясните мне, что к чему?

— Он — живой ответ апокалипсистам. Заявляет, что прибыл из две тысячи девятьсот девяносто девятого года как турист. Появился в Риме в чем мать родила на Испанской лестнице. Когда его попытались арестовать, сшиб полицейского с ног, прикоснувшись к нему кончиком пальца. И сейчас все носятся с ним как с писаной торбой.

— Глупая мистификация, — пожал плечами Джек. — Какому-то идиоту надоели вопли о том, что в следующем январе наступит конец света, и он решил прикинуться гостем из будущего. А люди ему верят. В такие мы живем времена. Когда истерия — образ жизни, толпа готова бежать за любым лунатиком.

— А вдруг он действительно путешественник во времени! — воскликнула Ширли.

— Если это так, я хотел бы с ним встретиться, — вмешался я в перепалку супругов. — Возможно, он сможет ответить на мои вопросы насчет аннигиляции отправленной в прошлое материи. — Я было засмеялся, но оборвал смех. И действительно, что я нашел смешного в словах Ширли? — Ты прав, Джек. Конечно, он шарлатан. Почему мы должны попусту тратить время, говоря о нем?

— Потому что очень возможно, Лео, что он тот, за кого себя выдает. — Ширли встала, золотистые волосы рассыпались по плечам. — Ты бы послушал, как звучат его интервью. Он говорит о будущем так, словно действительно прибыл оттуда. Даже если предположить, что он просто очень умен, личность эта незаурядная. И я хотела бы с ним встретиться.

— Когда он объявился?

— На Рождество.

— То есть я уже был здесь? И вы мне ничего не сказали?

Ширли пожала плечами.

— Мы думали, что ты следишь за выпусками новостей, но не считаешь эту тему достойной внимания.

— Я с самого приезда не включал телевизор.

— Тогда придется тебя просветить.

На лице Джека отражалось недовольство. Обычно между ними царило согласие, а тут явно чувствовалось, что он недоволен желанием Ширли повидаться с путешественником во времени. Странно, подумал я. Апокалипсисты его интересуют. Так с чего относиться иначе к другому виду иррационального поведения?

Я же испытывал к пришельцу двойственные чувства. Путешествия во времени манили меня. Но, с другой стороны, я положил жизнь на доказательство их невозможности, а потому едва ли мог восторгаться известием о том, что можно попасть из будущего в прошлое. Неудивительно, что Джек старался оградить меня от этого известия, полагая, что мне ни к чему лишнее напоминание о проблемах, заставивших меня покинуть Ирвин. Но теперь я уже излечился от депрессии, и словосочетание «путешествие во времени» не сводило меня с ума. Наоборот, мне хотелось побольше узнать об этом шарлатане. Он очаровал Ширли с экрана телевизора, а все, что нравилось Ширли, занимало и меня.

Одна из ведущих телекомпаний показывала в тот вечер документальный фильм о Ворнани Девятнадцатом, в самое лучшее время, отводимое для наиболее популярных программ, что свидетельствовало об огромном интересе широкой публики к этому событию.

Мы уселись в пневмокресла, и после очереди рекламных роликов диктор предупредил: «Часть того, что вы сейчас увидите, смоделировано компьютером». Камера показала нам Пьяцца ди Спанья в рождественское утро, с редкими

фигурками прохожих. Возникла яркая дуга, по которой и спустился с небес на каменные плиты Ворнан Девятнадцатый. С созданием подобных движущихся картинок компьютеры в наши дни справляются без труда. Так что, если где-то происходит что-либо, достойное внимания, отсутствие телекамеры никого не смущает. Компьютерная графика восполнит эту оплошность. Я даже спросил себя, а сумеют ли будущие историки отличить действительные съемки от их имитации? Впрочем, вопрос этот становился актуальным при условии, что мир переживает первое января следующего года.

Дабы обойти противоречия в показаниях свидетелей относительно нимба, скрывающего половой орган Ворнапа, компьютерщики показали прищельца сзади, с голыми ягодницами. Вроде бы большинство стояло на том, что Ворнан явился им в чем мать родила. Но руководство телекомпания не хотело вызывать недовольства верующих тем, что отмахнулось от показаний трех святых сестер.

Я наблюдал, как Ворнан Девятнадцатый ходит по площади, поднимается по лестнице. Полицейский, бросившийся к нему с плащом, вызвал у меня улыбку. Она, правда, исчезла, когда бедняга покатился вниз по ступеням от невидимого разряда.

Последовала беседа с Хорстом Клейном. Блестяще смонтированная, ибо Клейна снимали «в натуре», а Ворнана — рисованным. Молодой человек говорил за себя, компьютер — за Ворнана, теми словами, что вспомнил Клейн.

Новая сцена. Большая комната с высоким лепным потолком. Флуоресцентные лампы освещают лица дюжины мужчин. Ворнан Девятнадцатый в полицейском участке, куда пришел добровольно, ибо никто не мог коснуться его, не получив удара током. Шел допрос. На лицах мужчин отражались скепсис, враждебность, удивление, злость. И здесь помогла компьютерная графика. Ибо никто не удосужился заснять на пленку реальный допрос.

Говоря по-английски, Ворнан Девятнадцатый повторил все, сказанное ранее Хорсту Клейну. Полицейские своими вопросами всячески старались запутать его, вывести на чистую воду. Не обращая внимания на их враждебность, Ворнан легко парировал все их выпады. Откуда он? Из 2999 года. Как попал сюда? Посредством временного транспорта. Почему именно к нам? Хотел лично ознакомиться с жизнью средневекового общества.

Джек фыркнул.

— Мне это нравится. Мы для него — средневековье!

— Звучит убедительно, — отметила Ширли.

— Все это выдумали компьютерщики, — сказал я. — Пока мы не слышали ни единого слова, произнесенного им самим.

Но мы слышали. И очень скоро. Суммируя события десяти дней, комментатор описал, как Ворнана поселили в самом

роскошном номере одного из отелей на Виа Венето, где теперь он принимает всех, кто пожелает увидеться с ним, как он заказал одежду у самых знаменитых портных Рима. Осталось, правда, неясным, чем он собирался расплачиваться за нее. Более всего меня поразило, с какой доверчивостью приняли римляне его историю. Неужели они поверили, что он прибыл из будущего? Или таким образом хотели показать, что ценят удачный розыгрыш?

На экране появились апокалипсисты, пикетирующие отель, в котором поселили Ворнана Девятнадцатого, и тут я понял, почему его затея удалась. Ворнан знал, что предложить нашему встревоженному миру. Принимая на веру его выдумку, люди принимали будущее. Апокалипсисты, наоборот, стригали его. Я смотрел на них: гротескные маски, разрисованные тела, крики, плакаты. РАДУЙТЕСЬ! КОНЕЦ СВЕТА БЛИЗОК! В ярости потрясали они кулаками, бросали в стены отеля бутылки с краской, и на сером камне вспыхивали красные и синие пятна. Человек из будущего хоронил их культ. А большая часть человечества, которой надоела вся эта болтовня с неминуемой катастрофе, приняла Ворнана с распростертыми объятьями, видя в нем свою надежду. В век апокалипсиса люди готовы поверить в любое чудо.

— Вчера вечером в Риме, — продолжал комментатор, — Ворнан Девятнадцатый провел свою первую пресс-конференцию. Присутствовали репортеры тридцати крупнейших информационных агентств.

Экран засветился, и пошел репортаж с конференции. На этот раз съемка, а не компьютерная имитация. Впервые я увидел Ворнана живьем.

И был потрясен.

Другого слова я подобрать не могу. Попутно отмечу, что до того момента я воспринимал его не иначе как шарлатана. С пренебрежением относился к его высказываниям и презирал тех, кто по каким-либо мотивам решил ему подыгрывать. Тем не менее его появление на экране сразу поколебало мою уверенность в собственной правоте. Слишком уж раскованно он держался, всем своим видом показывая, что не лжет ни единым словом.

Телосложение хрупкое, рост — ниже среднего, узкие, покатые плечи, длинная женственная шея, гордая посадка головы. Выступающие скулы, волевой подбородок, крупный нос. Череп, пожалуй, великоват, высокий лоб. Лицо необычное, но из тех, что можно встретить на городских улицах.

Волосы землистого цвета, коротко подстриженные. Глаза серые. Возраст неопределенный, от тридцати до шестидесяти. Кожа без единой морщины. Светло-синяя рубашка, светло-вишневый шейный платок. Чувствовалось в нем хладнокровие, благородство, интеллигентность и... пренебрежение. Он папоминал мне сиамского кота. Источаемой сексуальностью и некоторой женственностью, свойственными всем кош-

кам, независимо от пола. Не вызывало сомнений, что Ворнан знает толк в сексе, умеет получить и подарить удовольствие. Подчеркиваю, что здесь я излагаю лишь свои первые впечатления, никак не связанные с моим последующим близким общением с Ворнаном.

Характер человека зачастую определяется по его губам и глазам. Именно в них сосредоточилась сила Ворнана. Тонкие губы, большой рот, безупречные зубы, ослепительная улыбка, сверкающая, как маяк в ночи, полная безмерного тепла и заботы. Исчезала она так же внезапно, как и появлялась, и тогда все внимание переключалось на его глаза, холодные, буравящие насквозь. То были две наиболее характерные черты Ворнана: его умение требовать и получать любовь, выражаемое неотразимой улыбкой, мгновение спустя сменяющееся отстраненностью от ближнего своего, проявляющейся в ледяном взгляде.

Камера задержалась на его лице достаточно долго, чтобы продемонстрировать его умение привлекать к себе всеобщее внимание. Затем прошла по комнате, показывая репортеров. Я узнал по меньшей мере шестерых. То есть звезды журналистики сочли возможным потратить свое время на Ворнана. Одно это указывало, сколь сильное впечатление произвел он на наш мир за те несколько дней, что я прохлаждался в пустыне в компании Джека и Шпрли. А камера тем временем двигалась дальше, демонстрируя технические достижения нашего века: звукозаписывающее оборудование, консоль компьютера, балку с динамиками и микрофонами под потолок, датчики трехмерности изображения, лазерный лазер, используемый вместо прожектора. Обычно вся эта механика остаётся за кадром, сейчас же их сознательно выдвинули на авансцену, дабы показать, что и мы, пусть и дикари, кое-что умеем.

Пресс-конференция началась вопросом, заданным с четким лондонским произношением: «Мистер Ворнан, будьте так любезны, скажите нам, чем вызвано ваше появление здесь?»

— С удовольствием. Я отправился в прошлое, чтобы своими глазами увидеть, как жили люди в начале технократической эры. Отправная точка моего путешествия, как вы уже знаете, две тысячи девятьсот девяносто девятый год. Я намерен посетить центры вашей цивилизации и вернуться назад с полным отчетом о моем путешествии, дабы ознакомить моих современников с тем, что узнаю я сам.

Говорил он легко и свободно, безо всякого акцента. На таком же абсолютном правильном английском отвечали и компьютеры с устройствами речевого вывода. Из этого следовало, что языку его обучала машина. Впрочем, и в двадцатом веке точно так говорил по-английски финн, баск или узбек, изучивший язык по магнитофонному курсу. Мелодичный голос Ворнана ласкал слух. Мне он понравился.

— Расскажите нам о мире будущего.

— Что вас интересует? — улыбнулся Ворнан.

— Население.

— Точно не знаю. Наверное, несколько миллиардов.

— Вы уже достигли звезд?

— Разумеется.

— Как долго живут люди в две тысячи девятьсот девяносто девятым году?

— Пока не умрут, — с очередной улыбкой ответил Ворнан. — Точнее, пока не захотят умереть.

— А если не захотят?

— Полагаю, будут жить. Не знаю.

— Какие государства играют ведущую роль в две тысячи девятьсот девяносто девятым году?

— Государств у нас нет. Есть Централити и отдельные поселения. Более ничего.

— Что такое Централити?

— Добровольное сообщество граждан, живущих в одном месте. В некотором смысле, большой город, хотя функции у него более широкие.

— И где он расположен?

Ворнан чуть нахмурился.

— На одном из основных континентов. Я забыл ваши названия.

Джек повернулся ко мне.

— А может, выключим? И так ясно, что он врет. Уходит от любого прямого вопроса.

— Оставь, — Ширли, как зачарованная, смотрела на экран.

Лицо Джека закаменело, и я пришел к ней на помощь.

— Да, да, давай немного посмотрим. Забавно, знаешь ли.

— ...только один город?

— Да, — кивнул Ворнан. — И живут там те, кто предпочитает общество уединению. Экономическая необходимость не принуждает нас сбиваться в кучу. Каждый из нас независим. И меня изумляет ваша привычка залезать друг другу в карман. Взять, к примеру, деньги. Без них человек голодает, ходит голый и босый. Я прав? Вам недостает независимости от производства. Я не ошибусь, если скажу, что вы еще не открыли преобразование энергии.

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под преобразованием энергии, — ответил ему голос с сильным американским акцентом. — Человечество умеет получать энергию с той поры, как на Земле запылал первый костер.

— Я имею в виду эффективное преобразование энергии, — в голосе Ворнана слышались назидательные нотки. — Полное использование энергии, содержащейся в одном... да, да, в одном атоме. Вам это недоступно?

Я искоса глянул на Джека. Пальцы его сжали подлокотники, лицо перекосило от напряжения. Я отвел взгляд, понимая, что этими переживаниями Джек ни с кем не хотел делиться.

Однако в словах Ворнана хотя бы частично содержался ответ на вопрос, мучивший Джека чуть ли не десять лет.

Когда я вновь посмотрел на экран, Ворнан уже не обсуждал преобразование энергии.

— ...Путешествие по миру. Я хочу перепробовать все, чем славна эта эпоха. И начну с Соединенных Штатов Америки.

— Почему?

— Процесс упадка предпочтительнее наблюдать в его развитии. Изучение гибели цивилизации надо начинать с наиболее мощного компонента. Мне кажется, что хаос, надвигающийся на вас, исходит из Соединенных Штатов, а потому я хочу уловить его симптомы, — говорил он бесстрастно, словно лектор, объясняющий студентам какую-то рутинную тему. Вроде бы развал нашего общества представлялся вопросом решенным, а потому и не стоило зря растрачивать эмоции. А затем сверкнула улыбка, дабы помочь журналистам побыстрее забыть мрачную суть слов Ворнана.

Пресс-конференция вскорости завершилась. На вопросы о мире, из которого он прибыл, и о методе перемещения во времени Ворнан отвечал общими фразами. Иногда уточнял, что подробностями поделится в другой раз. Часто прямо заявлял, что не знает. Особенно уклончивыми были его ответы на вопросы относительно нашего ближайшего будущего. Мне показалось, что он был куда худшего мнения о нашем техническом уровне, и его удивило, что у нас есть электричество, не говоря уже об атомной энергии и полетах в космос. Он не пытался скрыть своего пренебрежения к нам, но, странное дело, оно не вызывало негодования. И когда редактор ведущей газеты Канады спросил: «Как по-вашему, чему из сказанного вами мы можем верить?» — Ворнан улыбнулся.

— Да хоть ничему не верьте. Мне это без разницы.

Едва передача закончилась, Ширли повернулась ко мне.

— Вот ты и увидел человека из будущего, Лео. Что ты о нем скажешь?

— Забавно.

— Он тебя убедил?

— Глупость какая! Совершенно ясно, что это чей-то рекламный трюк, хотя и сделано все блестяще. А парень этот — само очарование.

— Это точно, — Ширли посмотрела на мужа. — Джек, дорогой, ты не будешь возражать, если я проведу с ним ночь, когда он придет в Штаты? Я уверена, что за тысячу лет они открыли в сексе много нового, так что, возможно, он кое-чему меня научит.

— Как смешно.

Лицо Джека почернело от ярости. Ширли даже отпрянула. И меня удивила его реакция на достаточно невинную шутку. Они столько лет прожили душа в душу, а потому ее игривое предложение не должно было вызвать такой всплеск. И тут я понял, что причина не в ее словах, а совсем в другом:

Джек все еще не отошел от короткой фразы Ворнана насчет извлечения энергии из атома. Его описания децентрализованного мира, где у людей нет экономической необходимости держаться вместе.

— С вашего разрешения, я вас покину, — Джек развернулся и быстро вышел из гостиной.

Глава 4

— Пойдем в пустыню, — предложил Джек. — Я хочу поговорить с тобой, старина.

С показа пресс-конференции Ворнана Девятнадцатого прошло два дня. Более мы не включали экран, и возникшая было напряженность исчезла. На завтра я собирался вернуться в Ирвин. Меня ждала работа, а кроме того, я чувствовал, что Джеку и Ширли надо побыть вдвоем, дабы сгладить обозначившиеся разногласия. Эти два дня Джек практически все время молчал. Из головы не выходили слова Ворнана. Так что его приглашение удивило и обрадовало меня.

— А Ширли пойдет?

— Нужды в этом нет. Прогуляемся вдвоем.

Мы оставили ее загорать на солариум, а сами зашагали по едва видимой тропе.

Мы как раз поравнялись с огромными валунами, когда Джек остановился и повернулся ко мне.

— Лео, ты задавался вопросом, почему я ушел из университета?

— И не раз.

— Но я же все объяснил.

— Ты говорил, что зашел в тупик. Что тебе скучно, что ты потерял веру в себя и в физику и хочешь уединиться с Ширли в любовном гнездышке. Кажется, даже собирался начать писать.

Джек кивнул.

— То была ложь.

— Я знаю.

— Во всяком случае, не вся правда. Я действительно хотел приехать сюда и отгородиться от мира. Но вот насчет тупика я лгал. Проблема заключалась в другом. Мне хотелось упереться в глухую стену. Но я видел перед собой прямую дорогу к завершению исследований. Я получил все ответы, Лео. Все до единого.

У меня задергалась левая щека.

— Как же ты смог остановиться, зная, что до финиша рукой подать?

— Смог, — он сел, прислонился спиной к валуну, набрал горсть песка, который струйками потек у него между пальцев. На меня он не смотрел. — Я принес себя в жертву или струсил? Как по-твоему, Лео?

— Хотелось бы услышать твое мнение.

— Ты знал, к чему может привести моя работа?

— Я понял это раньше тебя. Но не собирался объяснять тебе, что к чему. Решение зависело только от тебя. А ты никогда не показывал, что представляешь себе практическое приложение своих исследований. Насколько я мог судить, тебе казалось, что изучение сил сцепления атома — вопрос сугубо теоретический.

— Я так и думал. По крайней мере, первые полтора года.

— А потом?

— Я познакомился с Ширли, помнишь? Она ничего не понимала в физике. Изучала социологию, историю. Я начал рассказывать ей о своей работе, используя самые простые понятия. Занятие это мне очень помогло. Я научился выражать словами смысл уравнений. И, наконец, я сказал, что пытаюсь понять, каким образом атом остается единым целым. «То есть ты хочешь научиться разбирать его на части без взрыва?» — спросила она. «Да, — согласился я. — Тогда мы сможем брать любой атом и выкачивать из него энергию. Сколько захотим». Ширли как-то странно посмотрела на меня. «А экономическая основа нашего общества разлетится вдребезги».

— Ранее тебе не приходила в голову такая мысль?

— Нет, Лео. Никогда. Я же прибыл к вам прямо из института. Прикладная наука меня не интересовала. Ширли прочистила мне мозги. Я взялся за специальную литературу, Ширли прочитала мне цикл лекций по основам экономики. И я понял, что кто-то еще, взяв мои уравнения, сможет найти способ высвобождения неограниченного потока энергии. В полном соответствии с формулой Эйнштейна. Энергия равна массе, помноженной на квадрат скорости света. Я запаниковал. Я не мог взять на себя такую ответственность. Не мог перевернуть мир. Сначала я хотел пойти к тебе и спросить, что же мне делать.

— Так почему не пошел?

— Я бы слишком легко отделался. Переложил ношу ответственности на тебя. А потом до меня дошло, что ты, должно быть, уже осознал, куда я гребу. И заговорил бы первым, если б не полагал, что разобраться во всем я должен самостоятельно. Потому-то я запросил отдыха, сославшись на усталость, и крутился на ускорителе, обдумывая ситуацию. Я вспомнил Опенгеймера, Ферми, других создателей атомной бомбы и спросил себя, как бы я поступил на их месте. Они работали во время войны, стремились спасти человечество от действительно страшного врага, но и их обуревали сомнения. Я же никого ни от чего не спасал. Но выводил уравнения, которые могли разрушить денежные отношения. А на них зиждился мир. Я уже казался себе врагом человечества.

— Если удастся извлечь энергию атома без взрыва, исчезнут голод, жадность, монополии, — заметил я.

— Но все это предварят пятьдесят лет хаоса, пока будет устанавливаться новый порядок. И вину за все возложат на Джека Брайнта. Лео, я не мог пойти на такое. Не мог взять на себя такую ответственность. Потому-то и покинул университет. Собрал вещички и пересел сюда. Я совершил преступление против знания, чтобы избежать большего преступления.

— И ты чувствуешь за собой вину?

— Конечно. Последние десять лет моей жизни я воспринимаю как наказание за побег. Тебя интересует, какую книгу я пишу, Лео?

— Еще бы.

— Автобиографическое эссе. О том, над чем я работал в университете, как осознал, к чему может привести успешное завершение моих исследований, почему остановился, не дойдя до цели, что чувствовал, обосновавшись в пустыне. Книга, если так можно выразиться, о моральной ответственности науки. Между прочим, я включил в нее полный текст моей диссертации.

— На тот день, когда ты прекратил работу над диссертацией?

— Нет, — покачал головой Джек. — Полный текст. Я же говорил тебе, что ясно видел ответы на все вопросы. Диссертацию закончил пять лет назад. Все изложено на бумаге. Имея миллиард долларов и хорошо оснащенную лабораторию, любая корпорация сможет преобразовать мои уравнения в энергетическую установку размером с грецкий орех, которая будет работать вечно на нескольких песчинках.

Мне показалось, что подо мной дрогнула земля. Заговорил я после долгой паузы.

— Почему ты затронул эту тему только сейчас?

— Меня подтолкнула эта глупая передача. Интервью с человеком из две тысячи девятьсот девяносто девятого года, его болтовня о децентрализованном мире, в котором каждый человек независим от других, благодаря полному использованию энергии атома. Я словно заглянул в будущее, будущее, которое возникло не без моего участия.

— Но ведь не веришь же ты...

— Не знаю, Лео. Трудно, конечно, представить себе человека, свалившегося на нас из далекого будущего. Я не сомневался, что Ворнан — шарлатан, пока он не начал описывать децентрализацию.

— Идея полного использования атомной энергии обсуждается давно, Джек. Этому парню могло хватить ума воспользоваться ею. Так что из увиденного и услышанного нами по телевизору отнюдь не следует, что он прибыл к нам из две тысячи девятьсот девяносто девятого года, где всю используют твои уравнения. Извини, Джек, но, боюсь, ты переоцениваешь собственную уникальность. Ты ухватился за одну из футуристических идей и принял ее за реальность.

Так что не стоит думать, что его случайная фраза...

— А если все это правда, Лео?

— Если ты так встревожился, почему бы тебе не сжечь рукопись?

Глаза его изумленно раскрылись, словно я предложил ему отрубить себе руку или ногу.

— Я не могу.

— Ты защитишь человечество от хаоса, виновником которого уже видишь себя.

— Рукопись надежно спрятана, Лео.

— Где?

— В подвале. Я построил сейф и соединил систему блокировки с пультом управления реактором. Если кто-то попытается открыть сейф, не зная шифра, будут подняты графитовые стержни, и дом взлетит на воздух. Так что нет нужды уничтожать рукопись. Она никогда не попадет в чужие руки.

— Однако ты принимаешь за аксиому, что где-то в будущем она-таки попала в чужие руки, раз в две тысячи девятьсот девяносто девятом году мир уже полностью перешел на предложенный тобой способ добывания энергии.

— Не знаю, Лео. Безумие какое-то. Мне кажется, что и я уже схожу с ума.

— Давай предположим, что Ворнан Девятнадцатый — тот, за кого себя выдает, и приведенная им схема преобразования энергии используется в две тысячи девятьсот девяносто девятом году. Нет возражений? Да, мы не знаем, та ли это схема, что предлагаешь ты. Но вдруг? Допустим, ты сожжешь рукопись. Твое деяние изменит будущее, и экономическая модель, о которой рассказал нам Ворнан, не будет реализована. Он сам может исчезнуть в тот момент, когда твою книгу охватит огонь. Вот тогда мы получим убедительное доказательство того, что ты спас мир от ужасной судьбы, уготованной ему твоими стараниями.

— Нет, Лео. Даже если я сожгу рукопись, сам-то я останусь. Я смогу восстановить все расчеты по памяти. Сожженные книги ничего не докажут.

— Есть препараты, стирающие память...

По телу Джека пробежала дрожь.

— В это я не верю.

В ужасе я смотрел на него. Только сейчас я понял, что Джек одержим навязчивой идеей. Куда подевалась спокойная уверенность? Джек не находил себе места. А что, если этот шарлатан действительно посланец далекого будущего? И в фундаменте тамошнего общества лежит выдвинутая и разработанная им идея?

— Могу я тебе чем-нибудь помочь? — спросил я.

— Да, Лео.

— Говори, я сделаю все, что ты попросишь.

— Найди возможность лично встретиться с Ворнаном Де-

вятнадцатым. Ты же известный ученый. У тебя обширные связи. Переговори с ним с глазу на глаз. Выясни, водит он нас за нос или нет.

— Разумеется, водит.

— Выясни это, Лео.

— А если окажется, что он и впрямь из будущего?

Глаза Джека блеснули.

— Расспроси его о том, как живут в его эпохе. Пусть побольше расскажет о получении энергии из атома. Обязательно узнай, кто предложил этот способ преобразования энергии и когда. Может, он появится только через пятьсот лет. Кто-то откроет его самостоятельно, независимо от меня. Вырви из него правду, Лео. Я должен знать.

Что я мог ему сказать?

Джек, у тебя поехала крыша. Тебе пора обратиться к психоаналитику. Мог ли я выставить диагноз паранойи? И потерять самого близкого друга. Но не хотелось мне и потворствовать безумию Джека, обещая переговорить с Ворнаном. Ну, доберусь я до него, ну, смогу встретиться с ним наедине. Мне не хотелось пересиливать себя, прикидываясь, что я верю хоть одному слову этого шарлатана.

Я мог обмануть Джека. Выдумать разговор с Ворнаном, который успокоил бы его.

Но то было бы предательство. А черные глаза Джека молили о помощи.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал я.

Он крепко пожал мне руку. И мы двинулись в обратный путь.

Наутро, когда я собирал вещи, в мою комнату вошла Ширли. В облегающем тело тонком платье, подчеркивающим великолепную фигуру. И я, уже привычный к ее обнаженному телу, словно увидел вновь, как она прекрасна. Но что я мог, кроме как сожалеть, что наши отношения так и останутся платоническими.

— Что он рассказал тебе вчера?

— Все.

— Насчет рукописи? О том, чего он боится?

— Да.

— Ты сможешь помочь ему, Лео?

— Не знаю. Он хочет, чтобы я встретился с этим человеком из две тысячи девятьсот девяносто девятого года и все у него выяснил. Боюсь, это будет непросто. И возможно, не принесет пользы, даже если мне удастся поговорить с ним.

— Он — как натянутая струна, Лео. Я очень тревожусь за него. Знаешь, с виду-то он такой здоровый, но постоянные мысли о рукописи разъедают его изнутри. Он потерял связь с реальным миром.

— А ты не задумывалась над тем, чтобы прибегнуть к помощи специалистов?

— Я не решаюсь, — прошептала Ширли. — Не смогу об-

ратиться к нему с таким предложением. Он переживает кризис, но думаю, мы справимся с ним сами. Я не уверена, что это болезнь. Пока. Может, вернувшись, ты сможешь убедить его, что человек этот — мошенник, и ему сразу полегчает. Ты попытаешься?

— Обязательно, Ширли.

Внезапно она оказалась в моих объятьях. Уткнулась лицом в ложбинку между щекой и плечом. Тугие шары ее груди уперлись в мою грудь, ногти вонзились в спину. Она дрожала и рыдала. Я крепко прижимал ее к себе, пока сам не начал дрожать, но совсем по другой причине. Тогда я мягко отстранил ее от себя. А час спустя я уже трясся по проселочной дороге, держа путь в Тусон. Там меня ждала транспортная платформа, чтобы доставить в Калифорнию.

В Ирвин я прибыл под вечер. Приложил большой палец правой руки к контактной пластине замка, дверь открылась. В доме не жили три недели, а потому на меня дохнуло затхлым запахом. С радостью оглядел я лежащие повсюду бумаги и дискеты. Сложаясь из комнаты в комнату, я чувствовал себя школьником, вернувшимся домой в последний день лета. Каникулы кончились, аризонское солнце сменилось калифорнийскими туманами.

После нажатия на клавишу окна стали прозрачными, и я долго смотрел на пакатывающие на берег волны, узкую полосу песка, ключья тумана на соснах. Вентиляторы гнали в дом смолистый соленый воздух. Я поставил кассету в музыкальный центр, и из тысяч крошечных динамиков, упрятанных в стены, полилась симфония Баха. Потом налил в бокал коньяка, сел в кресло. Мир и покой окутали мою душу. Понутру меня ожидала беспельная работа. Мои друзья столкнулись с едва ли разрешимыми проблемами. Мир сотрясали шабаши апокалипсистов, а теперь вот появился посланец из будущего. Однако во все времена по земле бродили лжепророки, люди преодолевали казавшиеся непреодолимыми трудности, а сомнения и душевное смятение были постоянными спутниками творцов добрых дел. Ничто не ново под луной.

Тут я вспомнил, что не подключил видеофон. Исправился, и, как выяснилось, напрасно.

Мои сотрудники знали, что в Аризоне я, как говорится, лишен права переписки. Все вопросы решала мой секретарь, не консультируясь со мной. Если возникало действительно что-то очень важное, она оставляла запись в блоке памяти моего домашнего видеофона, чтобы я ознакомился с ней сразу по приезде.

— Доктор Гарфилд, я звоню пятого января. Сегодня вам несколько раз звонил некий мистер Сэнфорд Крейлик из аппарата Белого дома. Мистеру Крейлику позарез нужно поговорить с вами, и он настаивал на том, чтобы я соединила его с Аризоной. Никаких возражений он не хотел и слышать, поэтому мне пришлось приложить немало усилий, прежде

чем он понял, что беспокоить вас нельзя. Тогда он попросил передать вам его просьбу как можно скорее позвонить ему в Белый дом, в любое время дня и ночи. Он сказал, что на карту поставлена безопасность страны. Номер...

На том запись обрывалась. Я никогда не слышал о мистере Сэпфорде Крейлике, но, разумеется, помощники президента приходили и уходили. За последние восемь лет то был четвертый звонок из Белого дома, с тех пор, как я вошел в когорту ученых мужей, считающихся гордостью нации. Мой профиль появился на обложке еженедельного журнала для слабоумных. В сопроводительной статье указывалось, что я продвигаю вперед рубежи науки и моими стараниями физика поднимется на небывалую высоту. Тогда-то я и приобрел статус знаменитости. Иногда меня просили подписаться под официальными заявлениями, в которых по разным поводам высказывалась забота или тревога о благе человечества. Меня вызывали в Вашингтон, чтобы объяснить упитанным конгрессменам, почему необходимо выделять бюджетные ассигнования на строительство новых и модернизацию действующих ускорителей. Меня включили в состав комитета, присуждающего ежегодную премию Годдарда* лучшему из астронавтов. Выпадали годы, когда я даже выступал на конгрессах AAAS**, пытаюсь объяснить океанографам или археологам, что делается на моем рубеже науки. Должен признать, что со временем мне все более нравилась эта шелуха. Не из-за растущей известности, но как повод отвлечься от работы, которая уже не приносила такой удовлетворенности, как прежде. Помните закон Гарфилда: обычно ученые переходят в разряд знаменитых, когда уже не могут двинуть науку вперед. Перестав выдавать результат, они утешаются поклонением псевжд.

Звонок Крейлика заинтриговал меня. В столице сейчас обедали. Крейлик сказал, что я могу звонить в любое время. Что ж, испортим ему аппетит. Пусть его вытащат из-за стола одного из ресторанов, что выстроились вдоль Потомака. Я набрал номер Белого дома. На экране появился отпечаток президентской печати, и механический голос пожелал узнать, что мне угодно.

— Я хотел бы поговорить с Сэпфордом Крейликом.

— Один момент.

Пауза затянулась не на момент, но на три минуты, пока компьютер отыскивал Крейлика. В кабинете его, естественно, не оказалось. Наконец, передо мной предстала мрачная, уродливая физиономия молодого мужчины с надбровными дугами, которые могли бы сделать честь неандертальцу.

* Годдард, Роберт (1882—1945), американский ученый, один из пионеров ракетной техники.

** American Academy of Arts and Sciences — Американская Академия наук и искусств.

Я сразу успокоился, ибо ожидал, что мне придется иметь дело с одним из гладких, скользких подхалимов, которых полным-полно в Вашингтоне. Крейлик же, я понял это с первого взгляда, не имел с этой породой ничего общего. Уродливость говорила в его пользу.

— Доктор Гарфилд, я так надеялся, что вы позвоните! — с ходу начал он. — Вы хорошо отдохнули?

— Превосходно.

— Ваш секретарь заслуживает медаль за преданность, профессор. Я даже пригрозил, что пришлю к ней национальную гвардию, если она не соединит меня с вами. Она отказалась.

— Мои сотрудники предупреждены, что я сдеру кожу с любого, кто нарушит мой покой, мистер Крейлик. Чем я могу вам помочь?

— Могли бы вы завтра прилететь в Вашингтон? Все расходы будут оплачены.

— По какому поводу на этот раз? Конференция по проблемам выживания в двадцать первом веке?

Крейлик заулыбался.

— Не конференция, доктор Гарфилд. Мы хотели бы воспользоваться вашими услугами. Предлагаемая нами работа займет несколько месяцев, и справиться с ней можете только вы.

— Несколько месяцев? Вряд ли я смогу...

— Ситуация критическая, сэр. Не думайте, что я преувеличиваю, как принято среди государственных служащих. Вопрос жизни и смерти.

— Можете вы сообщить мне подробности?

— Не по телефону.

— Вы хотите, чтобы я незамедлительно вылетел в Вашингтон, чтобы поговорить с вами незнамо о чем?

— Да. Я сам приеду в Калифорнию. Дело не терпит отлагательств, мы и так потеряли много времени.

Я демонстративно, чтобы Крейлик заметил мое движение, потянулся к клавише, выключающей видеофон.

— Если вам нечего больше сказать, мистер Крейлик, боюсь, нам остается лишь попрощаться.

Он сдался.

— Намереетесь ли вы приехать?

— Возможно.

— Вам известно, что несколько недель тому назад появился некий человек, утверждающий, что прибыл из будущего?

— В самых общих чертах.

— Мы хотим, чтобы вы задали ему несколько вопросов по определенным темам. Я...

Похоже, судьба заранее уготовила мне встречу с Ворнаном Девятнадцатым. Сначала Джек умолял меня увидеться с ним, теперь государственный чиновник обращался ко мне с той же просьбой. Поистине, мир сходил с ума.

Экран видеофона обманчив. У меня сложилось впечатление, что Крейлик невысокого роста, хрупкого телосложения. Наяву же передо мной предстал гигант за два метра, массивность фигуры которого в значительной мере скрадывала уродливость лица. Он встретил меня в аэропорту. Перед самым полуднем, по вашингтонскому времени.

Пока мы мчались по автостраде в Белый дом, Крейлик не переставал убеждать меня в важности порученной мне миссии, попутно благодаря за содействие. Не касаясь, однако, самого задания. Вскоре мы нырнули под землю, и машина остановилась в просторном гараже под Белым домом. После досмотра ничего запрещенного на мне не нашли, и мы поднялись на лифте. Я уж подумал, а не сам ли президент будет инструктировать меня, но скоро выяснилось, что встреча с ним мне не грозит. Меня провели в зал оперативного управления с рядами мерцающих экранами компьютеров.

В зал быстрым шагом, чуть ли не бегом, вошел невысокий мужчина, с коротко стриженными седыми волосами. Пиджак с подложенными плечами, позвякивающие хромированные пластинки на груди, рукавах, штанинах. Похоже, этот господин не отставал от моды.

— Маркус Кеттридж, — представился он. — Помощник президента по особым поручениям. Рад, что вы с нами, доктор Гарфилд.

— Как наш гость? — полюбопытствовал Крейлик.

— Он в Копенгагене. Отчет прислали полчаса тому назад, — Кеттридж повернулся ко мне. — Может, мы сначала посмотрим пленку?

— Дельная мысль, — согласился я.

Кеттридж разжал кулак. На ладони лежала крошечная видеокассета. Он вставил ее в гнездо проектора, и тут же засветился настенный экран. Ворнан Девятнадцатый гулял по садам Тиволи, перекрытым прозрачным куполом, защищающим исторический памятник от превратностей датской погоды. Походка у него была упругая, как у танцора. Его сопровождала блондинка гигантского роста, лет девятнадцати от роду, с пышной копной волос и мечтательным взглядом. Коротенькие шорты и узкая лента на необъятной груди составляли весь ее наряд. С тем же успехом она могла бы ходить и голой. Рука Ворнана лежала на ее талии. Изредка он поглаживал монументальные ягодички блондинки.

— Девушка — датчанка, — прокомментировал Кеттридж. — Зовут ее Улла, фамилию не помню. Вчера он подцепил ее в зоопарке Копенгагена. Ночь они провели вместе. Он везде ведет себя так — эдакий император, величайшим повелением приглашающий девушек в свою постель.

— Не только девушек, — пробормотал Крейлик.

— Верно, верно. В Лондоне он отдал предпочтение молодому парикмахеру.

Я продолжал наблюдать за Ворнаном. Его сопровождала небольшая свита: десяток полицейских с дубинками-парализаторами в руках, несколько чиновников, еще человек шесть, по виду репортеров.

— Как вам удастся оградить его от журналистов? — спросил я.

— Достигнута договоренность, — ответил Кеттридж. — Шесть репортеров представляют все средства массовой информации. Они меняются каждый день. Идея принадлежит Ворнану. Он сказал, что не против популярности, но не любит, когда вокруг толпа.

Ворнан тем временем подошел к павильону, в котором танцевала датская молодежь. С экрана на нас обрушилась оглушительная музыка, мы видели, как дергаются юноши и девушки, летают их руки и ноги. То была одна из новейших дискотек, с полом из движущихся дорожек. Так что, танцуя на месте, человек перемещался по всему залу, меняя партнеров. Ворнан какое-то время смотрел на танцующих, а затем увлек свою даму на движущиеся дорожки.

Ворнан и датчанка встали друг против друга, поймали ритм танца. Особых способностей для этого не требовалось. Вулгарные движения живота, сопровождаемые криками и хлопками. Так танцевали уже добрых сорок лет. Девушка встала, широко раздвинув ноги, чуть согнулась в коленях и откинула назад голову. Ее огромные конические груди нацелились на усыпанный зеркалами потолок. Ворнан согнул колени, растопырил локти, как парии вокруг, и начал танцевать. А движущаяся дорожка уже унесла его от Уллы.

Похоже, чуть ли не все девушки знали, кто он такой. Тому свидетельство их изумленные лица и вскрикивания. Появление на их дискотеке мировой знаменитости сбивало девушек с ритма. Одна просто застыла и девяносто секунд, пока движущаяся дорожка не переместила Ворнана к ее соседке, во все глаза смотрела на него. Поначалу все шло более-менее пристойно, пока, сменив семь или восемь партнеров, Ворнан не оказался перед темноволосой, пухлой девчушкой лет шестнадцати. При виде пришельца из будущего ее охватил ужас, и она попятилась назад, к краю движущейся дорожки. Тут же сработал предохранительный датчик, и звякнул звонок, предупреждающий об опасности. Но девушка словно ничего не слышала и продолжала пятиться. А потому ноги ее оказались на дорожках, движущихся в разных направлениях. Она упала, юбка задралась, обнажив розовые бедра. Правой рукой, ища поддержки, она схватила за ногу стоявшего рядом парня.

Он тоже упал, а затем мы увидели, как реализуется «эффект домино», потому что падающий хватался за соседа, что приводило к новым падениям. На ногах удержались

лишь несколько человек, в том числе и Ворнан Девятнадцатый, с улыбкой наблюдавший за всеобщей сумятицей. Рухнула, как подрубленный дуб, и его спутница, великанша-блондинка. Движущиеся дорожки остановились. Многие девушки плакали, оцарапав колени о шершавую поверхность дорожек. Одна потеряла юбку и теперь лежала, свернувшись калачиком. А Ворнан? Ворнан уже стоял у стены, на твердом полу. Рядом возвышалась и блондинка.

— У него талант разрушителя, — прервал молчание Кеттридж.

Крейлик рассмеялся.

— Это еще цветочки по сравнению с тем, что он патворил вчера в Стокгольме, когда нажал не ту кнопку и шведский стол начал вращаться.

Экран погас. Кеттридж, без тени улыбки на лице, повернулся ко мне.

— Доктор Гарфилд, через три дня этот человек станет гостем Соединенных Штатов. Мы не знаем, сколь долго пробудет он у нас. Мы намерены контролировать его поездки по стране, чтобы избежать происшествий, которые он, пусть не по злой воле, инициировал ранее. Одному из них вы были свидетелем. План у нас следующий: образовать комитет из пяти-шести ведущих ученых, которые будут... направлять нашего гостя. По существу, они должны стать его надсмотрщиками, охранниками и... шпионами.

— На официальном уровне Соединенные Штаты признают, что он из две тысячи девятьсот девяносто девятого года?

— На официальном уровне, да, — кивнул Кеттридж. — И потому с ним будут носиться как с писаной торбой.

— Но... — я запнулся.

— Лично я, доктор Гарфилд, полагаю, что он — ловкий мошенник, — вставил Крейлик. — Того же мнения, насколько мне известно, придерживается и мистер Кеттридж. Но мошенник очень умный, с богатым воображением. Однако, ради спокойствия общества, решено принимать Ворнана Девятнадцатого за того, за кого он себя выдает, пока не будет доказано обратное.

— О Господи, но почему?

— Вы слышали о движении апокалипсистов? — спросил Крейлик.

— Да. Не могу сказать, что пристально слежу за ним, но...

— До сей поры самое ужасное деяние Ворнана привело к тому, что несколько датчанок попадали на задницы и ободрали колени. А вот апокалипсисты приносят значительный урон. Они бунтуют, грабят, рушат. Несут хаос в наше общество. И мы должны сдерживать их, пока они не уничтожили мир.

— То есть, встречая с распростертыми объятиями самозваного посланца будущего, вы выбиваете из рук апокалип-

систов главный козырь, ибо они уверяют всех, что первого января наступит конец света.

— Абсолютно верно.

— Отлично. Цель вашей политики мне понятна. Но хорошо ли на массовое безумие отвечать сознательной ложью?

Кеттридж выпрямился в небольшой свой рост.

— Доктор Гарфилд, долг правительства — поддерживать стабильность в управляемом им обществе. Покуда есть такая возможность, мы стараемся не нарушать Десять заповедей. Но мы оставляем за собой право использовать все наличные средства, дабы уберечь страну от социальных катаклизмов, включая и массовое уничтожение вражеских сил. Последнее, куда более ответственное дело, чем достаточно невинный обман. Короче, мы готовы пойти на компромисс с совестью, если этим сможем остановить безумства апокалипсистов, признав в Ворнани путешественника во времени.

— Кроме того, — добавил Крейлик, — пока ничем не доказано, что он — мошенник. И вполне возможно, что наша совесть будет чиста.

— Для вас такая возможность, что бальзам на рану.

И тут же я пожалел о сорвавшейся с языка колкости. На лице Крейлика отразилась вполне понятная обида. Не он определял эту политику. Одно за другим правительства, напуганные апокалипсисами, признавали в Ворнани Девятнадцатом посланца будущего, и Соединенные Штаты лишь последовали примеру других. И опять же, решение принималось на самом верху. Крейлик и Кеттридж были простыми исполнителями, и я не имел никакого права упрекать их в аморальности. Как справедливо отметил Крейлик, никто еще не доказал, что Ворнан — шарлатан. А пользу он мог принести, и немалую.

Кеттридж потеревил пальцами металлические пластинки и заговорил, не глядя на меня.

— Мы понимаем, доктор Гарфилд, что в академических сферах моральные принципы абстрагируют от реальной жизни, но тем не менее...

— Хорошо, — прервал я его. — Будем считать, что я не прав. Я лишь хотел высказать собственную точку зрения. Поехали дальше. Итак, Ворнан Девятнадцатый прибывает в Соединенные Штаты, и мы раскатываем перед ним красную ковровую дорожку. А чего вы хотите от меня?

— Прежде всего вы — ведущий специалист по физическим процессам, связанным с движением материи во времени, — ответил Крейлик. — И мы хотели бы знать, существует ли теоретическая возможность путешествия в прошлое и как этого можно добиться.

— К такой возможности я отношусь скептически, потому что пока нам удавалось отправить в прошлое лишь отдельные электроны. При этом они обращались в позитроны, частицы, массой равные электрону, но с противоположным за-

рядом, и мгновенно аннигилировали. Я не вижу способа избежать превращения материи в антиматерию при ее перемещении против времени. А потому, прежде чем поверить Ворнану Девятнадцатому, нужно разобраться, как такая масса может перейти в антиматерию и почему, достигнув заданного времени, она не аннигилирует, но...

Крейлик вежливо откашлялся. Я смолк.

— Извините, похоже, я выразился недостаточно ясно. Мы не ждем от вас объяснений. Мы хотим, доктор Гарфилд, чтобы в ближайшие сорок восемь часов вы изложили все на бумаге. Вам будет оказано всемерное содействие. Президент хочет ознакомиться с вашими тезисами.

— Хорошо. Вам нужно что-нибудь еще?

— Да. Мы бы хотели видеть вас в составе комитета, который будет встречать и сопровождать Ворнана Девятнадцатого в его поездке по Соединенным Штатам.

— Меня? Почему?

— Вы — известный ученый, и ваше имя ассоциируется в глазах общественности с путешествиями во времени, — на этот раз ответил Кеттридж. — Разве этого недостаточно?

— Кто еще войдет в комитет?

— Я не вправе называть имена, даже вам, — насупился Крейлик. — Но даю слово, что все они — видные ученые, занимающие высокое положение в научном мире.

— То есть, — раскусился я его хитрость, — ни один из них еще не согласился, но вы надеетесь уговорить всех.

На лице Крейлика вновь появилась обида.

— Извините, — пробормотал я.

— Мы полагаем, — хмуро продолжил Кеттридж, — что, находясь в тесном контакте с нашим гостем, вы сможете выудить из него важную информацию, относящуюся к используемому им методу перемещения во времени. Мы верим, что общение с Ворнаном обогатит вас как ученого, не говоря уже о том, что вы послужите своей стране.

— Тут вы правы, — согласился я. — Я бы хотел поговорить с ним на эту тему.

— Так чего же вы противитесь новому назначению? — удивился Крейлик. — Мы пригласили ведущего историка, чтобы выяснить, как будет развиваться человеческая цивилизация в будущем, психолога, который попытается определить, мошенник Ворнан или нет, антрополога, его будет интересовать эволюция культуры. Комитет определит, действительно ли Ворнан прибыл из две тысячи девятьсот девяносто девятого года, и постарается получить от него ценнейшие сведения, если он тот, за кого себя выдает.

На мгновение я закрыл глаза. Конечно, они нуждались в моих услугах. Да и разве я сам не хотел заглянуть в душу Ворнана? И Джек просил меня о том же, не подозревая, что исполнение его желания не потребует от меня ни малейших усилий.

Так почему же тогда я упирался?

Ответ, разумеется, я знал. И он имел самое непосредственное отношение к моей работе. А что, если он и впрямь путешественник во времени? Человека, пытающегося изобрести колесо, не интересует устройство турбоавтомобиля, развивающего скорость в пятьсот миль в час.

И я сказал, что возражений у меня нет.

Крейлик отвел меня в кабинет на одном из подземных этажей Белого дома. Показал, как нужно вызывать секретаря, какие клавиши включают и выключают компьютер. Пообещал содействие при подготовке материалов по путешествию во времени, которые требовал президент.

— Мы забронировали для вас «люкс», — продолжил он. — В отеле по ту сторону парка.

— Но я хотел вечером вернуться в Калифорнию, чтобы привести в порядок свои дела.

— Нам бы этого не хотелось. Вы же знаете, Ворнан Девятнадцатый прибудет в Нью-Йорк через семьдесят два часа. Оставшееся в нашем распоряжении время надобно использовать с максимальной пользой.

— Но я только что вернулся из отпуска! — запротестовал я. — Даже не заглянул в университет. Мне надо проинструктировать сотрудников, составить план лабораторных...

— Все это можно сделать по телефону, не так ли, доктор Гарфилд? О расходах не беспокойтесь. — Я лишился права принимать самостоятельные решения, как только дал согласие войти в комитет. Стал составной частью проекта «Ворнан», то есть принял правила командной игры. Теперь уже государство решало, что я волен делать, а что — нет, во всяком случае, до того момента, как Ворнан Девятнадцатый покинет пределы Соединенных Штатов.

Кабинет, куда привел меня Крейлик, мне понравился. Мягкий, пружинящий ковер на полу, посеребренные, отражающие свет стены, переливающийся разными цветами потолок. В Калифорнии только наступило утро, а потому не имело смысла звонить на ускоритель. Первым делом я уведомил ректора университета, что некоторое время проведу на государственной службе. Потом долго беседовал с секретарем. Наметил программу работы лаборатории в мое отсутствие, назвал фамилии тех сотрудников, кто должен вести экспериментальные проекты моих студентов.

Покончив с личными делами, я позвонил в Аризону. К видеофону подошла Ширли. Побледневшая, осунувшаяся, она сразу заулыбалась, увидев мое лицо.

— Я в Вашингтоне.

— Почему, Лео?

Я рассказал обо всем. Поначалу она подумала, что это шутка, но я убедил ее в том, что говорю правду.

— Подожди, я позову Джека.

И направилась к двери, так что на экране вместо при-

вычных головы и плеч появилась вся ее точепая фигура. Она стояла в дверях, спиной к камере, из-под руки виднелось полукружье ее груди. Я знал, что мой звонок, как, впрочем, и все другие, идущие из Белого дома, записывается на пленку, и меня раздражало, что кто-то будет любоваться красотой Ширли. Я уже протянул руку, чтобы выключить изображение, но Ширли исчезла, а на экране возник Джек.

— Что случилось? Ширли сказала...

— Через несколько дней я встречусь с Ворнаном Девятнадцатым.

— Зачем ты это сделал, Лео? Я много думал о том нашем разговоре. Так глупо все вышло. Не знаю, что на меня нашло. И уж, конечно, я не ожидал, что ты бросишь все и помчишься в Вашингтон...

— Джек, я приехал сюда не по своей воле. Меня вызвали. Дело важное, затронута безопасность государства. Но я хочу сказать тебе, что, находясь здесь, постараюсь найти ответы на волнующие тебя вопросы.

— Я так благодарен тебе, Лео.

— Пустяки. Постарайся расслабиться. Может, тебе с Ширли стоит на какое-то время уехать из пустыни.

— Если только попозже, — ответил Джек. — А пока посмотрим за развитием событий.

Я подмигнул ему и разъединил связь. Его наигранная веселость не обманула меня. Боль осталась, хотя он и пытался доказать мне, что все это ерунда. Джек по-прежнему нуждался в помощи.

Вздыхнув, я принялся за работу. Включил устройство речевого ввода и принялся диктовать. Тут же на дисплее начал появляться текст моего послания президенту, пожелавшему знать, что думает современная наука о путешествии во времени. Говорил я быстро, целиком полагаясь на память, не прибегая к помощи банков данных, где хранились все мои прежние публикации. Старался не углубляться в теоретические дебри. Суть сводилась к следующему: путешествие во времени возможно. На субатомном уровне даже доказано экспериментально. Но, исходя из положений той же теории, человек не мог прибыть в точку назначения живым. Ибо при движении против времени обязательно происходил переход материи в антиматерию. А потому Ворнан Девятнадцатый скорее всего шарлатан.

Я перечитал текст, внес незначительные поправки, задумался. Президент Соединенных Штатов, глава исполнительной власти, распорядился принимать Ворнана как посланца будущего. Я же набрался наглости, чтобы сказать ему прямо в лицо, что он участвует в обмане. Я уже решил поступить собственными принципами, лишь бы не отягощать еще одной ношей совесть президента, но в итоге не стал ничего менять. И приказал компьютеру распечатать текст и переслать его в приемную президента,

Минуту спустя я получил стопку листов, аккуратно сшитых скрепками, сложил их, сунул в карман, набрал номер Крейлика.

— Я закончил. И хотел бы убраться отсюда.

Он тут же примчался ко мне. Мне уже хотелось есть, а потому я спросил Крейлика насчет ленча. Он как-то странно посмотрел на меня (по вашингтонскому времени дело шло к вечеру), но потом вспомнил, что я лишь несколько часов назад прилетел из Калифорнии.

— Мне-то скоро обедать. Послушайте, а не пойти ли нам в ваш отель? Я покажу вам номер, мы пропустим по рюмочке, и, думаю, вас там накормят ранним обедом вместо позднего ленча.

— Меня это устроит, — кивнул я.

И Крейлик повел меня по лабиринту подземелий Белого дома. На поверхности уже начало смеркаться. Пока я находился внизу, прошел легкий снег. Роботы-дворники деловито чистили дорожки. В воздухе еще кружились редкие снежинки. Залитые огнями небоскребы Вашингтона, словно бриллианты, сияли на фоне сине-черного неба. Выйдя через боковые ворота, мы пересекли Пенсильвания-авеню и скоро оказались в уютном полумраке небольшого коктейль-холла. Крейлик с трудом упрятал свои длинные ноги под стол.

К нам не поспешил официант: коктейль-холл обслуживался автоматами. Несколько лет тому назад подобные заведения пользовались огромной популярностью. Консоль на каждом столике, управляемый компьютером блок смешивания напитков в задней комнате, укрытые в центральной ножке столика трубопроводы, стойка с кранами и бокалами. Крейлик спросил, что я буду пить. Я остановил свой выбор на ро-ме, он нажал на консоли соответствующую клавишу, а себе заказал шотландское с содовой. Засветилась панель оплаты. Крейлик сунул в щель кредитную карточку. Из двух кранов потекли заказанные нами напитки.

— За ваше здоровье, — Крейлик поднял бокал.

— За ваше, — я ответил тем же.

Ром я выпил на голодный желудок, так что подействовал он сразу. И тут же попросил второй бокал. Крейлик лишь пригубил виски, а потому задумчиво посмотрел на меня. Наверное, мысленно вновь проглядывал мое досье, чтобы убедиться, что я не алкоголик. Но второй бокал я получил.

— Ворнан перебрался в Гамбург, — поделился со мной Крейлик. — Знакомится с ночной жизнью Репербана*.

— Я думал, его давным-давно закрыли.

— Да нет, там сейчас туристический комплекс. Пьяных матросов изображают артисты. Их потасовки вызывают не меньший интерес, чем настоящие драки. Одному Богу известно, где он прослышал о Репербане, но держу пари, сегодня его разнесут по щечкам. — Крейлик глянул на ча-

* Квартал публичных домов и увеселительных заведений.

сы. — Думаю, уже начали разносить. Они опережают нас на шесть часов. Завтра он будет в Брюсселе. В Барселоне его ждет бой быков. Следующая остановка — Нью-Йорк.

— Да поможет нам Бог, — вставил я.

— Тот самый Бог, что покончит с этим миром через одиннадцать месяцев и... шестнадцать дней? — Он расхохотался. — Не торопитесь Он. Не торопитесь. Если б конец света наступил завтра, нам бы не пришлось возиться с Ворнапом Девятнадцатым.

— Только не говорите мне, что вы тайный сторонник апокалипсистов.

— Скорее я тайный алкоголик. Начал употреблять за лечением, и теперь у меня голова идет кругом, доктор Гарфилд. Знаете, в свое время я был адвокатом. Молодым, способным, честолюбивым, с приличной практикой. И зачем только я пошел на государственную службу?

— Вам пора принять антистим*, — осторожно заметил я.

— Пожалуй, вы правы, — он заказал себе таблетку, а мне, после некоторого раздумья, третий бокал рома. Три порции за десять минут? Многовато, подумалось мне, но при необходимости я тоже мог принять антистим. Прибыла таблетка, и Крейлик проглотил ее. Он закрыл глаза, по его телу пробежала дрожь. Еще несколько секунд, и он полностью пришел в себя.

— Извините. Меня как оглушило.

— Вам полегчало?

— Конечно. Я не разгласил секретных сведений?

— Вроде бы нет. Высказали, правда, тайное желание. Вам хочется, чтобы конец света наступил уже завтра.

— Это все от плохого настроения. К апокалипсистам меня на аркане не затащишь. Вы не станете возражать, если я буду звать вас Лео?

— Наоборот, я сам хотел попросить вас об этом.

— Хорошо. Так вот, Лео, теперь я трезв, говорю на полном серьезе. Я всучил вам паршивую работенку, а потому меня мучают угрызения совести. Если я могу хоть чем-то облегчить вашу жизнь, пока вы будете нянчить этого придурка из будущего, не стесняйтесь обратиться ко мне. Я трачу не свои деньги. Я знаю, что вы привыкли жить в комфорте, и обещаю, все ваши желания будут выполняться.

— Я это учту... Сэнфорд.

— Сэнди.

— Сэнди.

— К примеру, сегодняшний вечер. Вы прибыли в спешке, скорее всего не успели предупредить друзей. Может, вы хотите пообедать в компании дамы? Чтобы она и потом осталась с вами...

Меня тронула его забота к стареющему холостяку.

* Препарат, снимающий алкогольную интоксикацию.

— Благодарю, но сегодня мне лучше пообедать в одиночестве. Мне есть о чем подумать, да и нужно привыкнуть к другому временному поясу...

— Меня это нисколько не затруднит.

Я, однако, потянулся за крекером, давая понять, что дальнейшего развития эта тема не получит. Мы посидели, слушая негромкую музыку, льющуюся из динамиков стереосистемы. Говорил в основном Крейлик. Упомянул имена остальных членов комитета: Эф. Ричарда Хеймана, историка, Элен Макилуэйн, антрополога, Мортона Филдза, психолога из Чикаго. Я одобрительно кивал.

— Мы все тщательно проверили. Видите ли, нам не хотелось включать в комитет людей, которые в прошлом не ладили друг с другом. Так что просмотрели все архивы. Мы отвергли двух достойных кандидатов из-за стычек, которые произошли у них с одним из членов комитета.

— Вы ведете учет их совокуплений?

— Мы стараемся следить за всем, Лео. Вы бы изумились, познакомявшись с имеющимися в нашем распоряжении материалами. Но так или иначе, комитет мы создали, найдя замену тем, кто отказался сотрудничать с нами или не сошелся характером с кем-то из отобранных нами ученых.

— Мне представляется, что вы выбрали наиболее сложный путь. Я бы просто назвал Ворнана Девятнадцатого шарлатаном.

— Этой ночью апокалипсисты развлекались в Санта-Барбаре. Вы слышали об этом?

— Нет.

— На берегу собралось не менее ста тысяч человек. Добираясь туда, они громили все и вся. Причиненный ущерб оценивается в два миллиарда долларов. А после обычной оргии они пошли в океан. Как лемуры.

— Лемминги, — поправил я его.

— Лемминги, — пальцы Крейлика забарабанили по столу. — Представьте себе, сто тысяч апокалипсистов, собравшихся со всей Калифорнии, в чем мать родила маршируют в Тихий океан. В январе. Подсчет утонувших еще не закончен. Но за сотню уже перевалило. Десять девчонок затоптали насмерть. А сколько народу заболело. Такое они уже устраивали в Азии. Но не в Штатах. Видите, с чем нам приходится бороться? Ворнан поможет нам развенчать этот культ. Он расскажет всем, как живется в две тысячи девятьсот девяносто девятом году, и люди поймут, что конца света не будет. Во всяком случае, в ближайшем будущем. И ряды апокалипсистов заметно поредеют. Еще рому?

— Думаю, мне пора на покой.

— Как скажете.

Крейлик поднялся, и мы вышли из бара. Зашагали вдоль ограды Лафайетт-парк.

-- Полагаю, — прервал затянувшееся молчание Крей-

лик, — мне следует предупредить вас о том, что пресса извещена о вашем приезде в Вашингтон. Так что очень скоро они забросают вас просьбами об интервью. Мы постараемся оградить вас от их назойливости, но всех нам не остановить. Ответ на их вопросы должен...

— Никаких комментариев.

— Вот именно. Вы молодец, Лео.

Глава 6

Наверное, я впервые ощутил реальную власть администрации Соединенных Штатов, когда в семь вечера эта девушка вошла в мой «люкс». Высокая блондинка с рассыпавшимися по плечам волосами. Глаза карие, полные губы, великолепная фигура. Короче, вылитая Ширли Брайнт.

То есть они с давних пор приглядывали за мной, отмечая, каких женщин я предпочитаю, и прислали именно ту, на ком я и сам остановил бы свой выбор. Считали ли они Ширли моей любовницей? Или, проведя анализ внешних данных моих любовниц, составили портрет моей женщины-идеала и получили Ширли, так как (подсознательно) я выбирал женщин, в чем-то похожих на нее.

Звали девушку Марта.

— Это имя вам совершенно не подходит. Марты обычно низенькие и черноволосые. И очень суетливые. От них всегда пахнет табаком.

— На самом деле меня зовут Синди, — ответила девушка. — Но администрация считает, что девушка с именем Синди вам не понравится.

Я не мог оторвать от нее глаз. Марта, или Синди, была так хороша, что у меня зародилось подозрение, а из плоти ли она и крови? Или передо мной плод трудов какой-то государственной лаборатории, эдакий голем*, созданный специально для моих нужд. Я прямо спросил ее об этом, и Синди признала, что так оно и есть.

— Потому я покажу вам, где у меня розетка.

— И часто вас надо подзаряжать? — полюбопытствовал я.

— Два или три раза за ночь. В зависимости от обстоятельств.

Лет ей было чуть больше двадцати, и она живо напомнила мне студенток старших курсов университета. Возможно, она была роботом, возможно — девушкой по вызовам, но вела себя иначе, как умная, интеллигентная, зрелая женщина, с удовольствием выполняющая порученное ей дело. Я не решился спросить, занимается она этим постоянно или периодически.

Из-за снегопада мы пообедали в ресторане моего отеля.

* Нарицательное название кибернетических устройств, созданных по образу и подобию человека.

Канделябры на столах, тяжелые гардины, официанты в смокингах, меню в кожаных корочках — на нас так и дохнуло стариной.

Ужинали мы за государственный счет, а потому ни в чем себе не отказывали. Икра, устрицы, черепаховый суп, жареное мясо. Навишись до отвала, мы поднялись наверх. Вечер прошел идеально, если не считать неприятной сцены в вестибюле отеля, когда ко мне подскочило несколько газетчиков.

— Профессор Гарфилд.

— ...правда ли...

— ...ваша теория подтверждает...

— ...Ворнан Девятнадцатый...

— Без комментариев! Без комментариев! Без комментариев! — повторял я как заведенный, пока мы не укрылись от них в кабине лифта.

Но лишь в номере мы почувствовали себя в полной безопасности. Она кокетливо улыбнулась, и вскоре я выяснил, что никакой она не робот, хотя и нашел, где у нее розетка. В ее объятьях я смог забыть о человеке две тысячи девятьсот девяносто девятого года, тонущих апокалипсистах, о пыли, покрывавшей мой рабочий стол. И если существует рай для помощников президента, я бы обеими руками проголосовал за то, чтобы Сэнди Крейлик отправился туда, как только выйдет срок его пребывания на грешной Земле.

Утром мы позавтракали в номере, вместе приняли душ. Как новобрачные, постояли у окна, глядя на тающий снег. Она оделась. Ее черное вечернее платье плохо гармонировало с голубым утренним светом, но я все равно пожирал ее взглядом, понимая, что более мы не увидимся.

— Как-нибудь ты должен рассказать мне о путешествии в прошлое, Лео, — услышал я от нее на прощание.

— Я ничего об этом не знаю. Счастья тебе, Синди.

— Марта.

— Для меня ты всегда будешь Синди.

Я закрыл за ней дверь и связался с коммутатором отеля. Как я и ожидал, мне звонили несколько раз, но, следуя моим указаниям, телефонистки ни с кем меня не соединяли. Мистер Крейлик просил незамедлительно позвонить ему.

Что я и сделал. И, едва на экране видеофона возникло лицо Крейлика, поблагодарил его за Синди. Он, надо отметить, не очень удивился. И сразу взял быка за рога.

— Вы сможете прийти в два часа на первое заседание комитета? Проведем его здесь, в Белом доме. Вам надо поближе познакомиться друг с другом.

— Конечно, смогу. Какие вести из Гамбурга?

— Плохие. Ворнан стал зачинщиком погрома. Вошел в один из баров и произнес речь. Сказал, что третий рейх — последнее историческое достижение немцев. Похоже, ничего другого он о Германии не знал, а потому начал хвалить Гит-

лера, спутав его с Чемберленом. Короче, власти едва успели увести его. Сгорело полквартала ночных клубов. — Крейлик улыбнулся. — Может, мне не следовало говорить вам об этом. Вы еще можете отказаться.

Я тяжело вздохнул.

— Не волнуйтесь, Сэнди. Я в вашей команде. Это самое меньшее, что я могу сделать для вас... после Синди.

— Тогда до встречи. Я зайду к вам около двух. В Белый дом мы пройдем по тоннелю. Я не хочу, чтобы журналисты разорвали вас на куски. Оставайтесь в номере до моего прихода.

— Хорошо. — Я разъединил связь, а затем вновь попросил телефонисток ни с кем меня не соединять.

Сэнди Крейлик пришел без четверти два, чтобы отвести меня в Белый дом по подземному тоннелю. Тоннелей этих под Вашингтоном прорва. Мне говорили, что по ним можно попасть куда угодно, если знать маршруты и пароли, чтобы пройти мимо автоматических часовых. Расположены тоннели на нескольких уровнях. Под Капитолием вроде бы есть секретный публичный дом, обслуживающий только конгрессменов. В другом месте, но тоже глубоко под землей, находится лаборатория, в которой методами гениной инженерии выращиваются жуткие чудовища. Я понимаю, что подобные слухи нельзя принимать на веру. О столице чего только не наговорят. Но, с другой стороны, правда может оказаться в десятки раз отвратительней вымыслов. Ибо Вашингтон — жестокий город.

Крейлик привел меня в комнату под западным крылом Белого дома. Стены ее украшали панели из анодированной бронзы. Остальные четверо членов комитета пришли раньше нас. Трех я узнал. Известных ученых не так уж и много. Мы образуем своеобразную касту, и судьба часто сводит нас вместе по тому или иному поводу. Узнал я Ллойда Колффа, Мортон Филдза и Эстер Миккелсен. Четвертый из присутствующих поднялся из-за стола.

— Кажется, мы еще не встречались, доктор Гарфилд. Эф. Ричард Хейман.

— Да, конечно. «Спенсер, Фрейд и Маркс» — ваша книга, не так ли? Помнится, с удовольствием прочитал ее.

Я пожал его руку. Кончики пальцев Хеймана были влажны от пота, как, вероятно, и ладонь, но соприкоснулись мы лишь пальцами, а не ладонями, по последней моде, заимствованной из Центральной Европы, где недоверие соседу пропитало все, даже ритуал приветствия. Знакомство наше завершилось несколькими дежурными фразами, выражающими радость в связи с этим знаменательным событием.

Вы имеете полное право упрекнуть меня в неискренности. Мне совершенно не понравилась книга Эф. Ричарда Хеймана. Она показалась мне скучной и примитивной. Я безо

всякого интереса просматривал его пространные статьи в научных журналах, причем всякий раз оказывалось, что многие идеи и выводы позаимствованы им у коллег. Мне не понравилась его манера пожимать руку. Не понравилось даже его имя. Как я должен был его называть? Эф. Ричард? Или просто Эф? А может, Дик? Или он предпочитал «мой дорогой Хейман»? Небольшого росточка, круглая, похожая на чугунное ядро голова, венчик рыжих волос вокруг обширной лысины, густая окладистая рыжая борода (я несколько не сомневался, что подбородок у него такой же круглый, как и череп), тонкогубый, акулий ротик, едва просматривающийся сквозь растительность, водянистые глаза.

К другим членам комитета враждебности я не испытывал. Близких отношений ни с кем из них не поддерживал, хотя и знал, что в избранном ими роде деятельности они по праву числятся в лучших специалистах. При наших редких встречах на различных научных форумах трений между нами не возникало. Мортон Филдз, психолог из Чикагского университета, принадлежал к новой, так называемой космической школе, которую я воспринимал как разновидность нецерковного буддизма. Приверженцы этой школы пытались объяснить загадки человеческой души, полагая последнюю пребывающей в неразрывной связи со Вселенной и составляющей с ней единое целое. Выглядел Филдз, как чиновник средней руки, скажем, инспектор, уверенно шагающий по ступеням служебной иерархии: атлетическая фигура, песочного цвета волосы, плотно сжатые губы, волевой подбородок, светлые глаза. Я представлял, как по рабочим дням он безотрывно сидит в обнимку с компьютером, а по выходным безжалостно гоняет мяч от лунки к лунке по полю для гольфа. Однако вскоре я выяснил, что не такой уж он и педант.

В свои шестьдесят три или четыре года Ллойд Колфф был дуайеном филологов. Широкоплечий, с огромным животом, мясистым, изрезанным морщинами лицом, длинными, как у гориллы, руками. Работал он в Колумбийском университете и слыл любимцем студентов за свои здоровые инстинкты. Он знал больше санскритских непристойностей, чем любой человек, живший на Земле за последние тридцать веков, и не уставал цитировать их. Коньком Колффа была эротическая поэзия всех времен и народов. Говорили, что он добился руки своей будущей жены, тоже филолога, шепча ей на ухо вирши персидских поэтов, воспевающих жгучие ласки влюбленных. Для нашего комитета он был находкой. В отличие от Эф. Ричарда Хеймана, чванливая напыщенность которого, как я подозревал, скрывала лишь пустоту.

Эстер Миккелсен, биохимик из Мичиганского университета, участвовала в крупномасштабном проекте по созданию искусственной жизни. Я встречался с ней на прошлогодней конференции AAAS в Сиэтле. Кроме как фамилией, она ни-

чем не напоминала почитаемых мною скандинавских красавиц. Темноволосая, с узкой костью, хрупкая, низенького роста, не выше пяти футов, она походила на фарфоровую статуэтку, которая может упасть и разбиться на мелкие кусочки. Едва ли Эстер весила больше ста фунтов. И в свои сорок с небольшим лет выглядела гораздо моложе. Одевалась строго, подчеркивая свою мальчишескую фигуру, как бы говоря сластолюбцам, что в ней они не найдут ничего интересного для себя. Не знаю, что послужило тому причиной, но внезапно перед моим мысленным взором возникли лежащие в постели Ллойд Колфф и Эстер Миккелсен. Его тяжелое, заросшее волосами тело поднималось и с силой опускалось на Эстер, сдва видимую в зазоре между ним и кроватью. Узкие бедра ее охватили талию Ллойда, пятки вкалывали в его мясистую спину. Их физическое несоответствие показалось мне столь чудовищным, что я закрыл глаза и отвернулся. Когда же я вновь открыл их, Эстер и Ллойд, в тревоге уставившись на меня, по-прежнему стояли бок о бок, гора плоти рядом с хрупкой нимфой.

— Вам нехорошо? — Голос Эстер звенел, как колокольчик. — Я подумала, что вы сейчас лишитесь чувств.

— Немного устал, знаете ли, — солгал я.

Не мог же я объяснять, что за образ открылся мне, чем он так меня потряс. Чтобы скрыть смущение, я повернулся к Крейлику и спросил, кого мы еще ждем. Он ответил, что Элен Макилуэйн, знаменитого антрополога, которая должна прийти с минуты на минуту. И действительно, не успел он закрыть рот, как дверь скользнула в стену и божественная Элен быстрым шагом вошла в комнату.

Кто не слышал об Элен Макилуэйн? Что еще можно о ней сказать? Апостол культурологического релятивизма, женщина-антрополог, не просто женщина, но неутомимый исследователь обрядов и культов, отмечающих у разных народов достижение юношами половой зрелости и способность девушек приносить потомство, готовая в любой момент предложить себя на роль вышеупомянутой девушки или сестры по крови. В стремлении познать все она не останавливалась ни перед чем. Забиралась в трущобы Уагудугу, чтобы отведать поджаренной на вертеле собачатины, писала монографию по способам мастурбации, лицебезрела, как лишают девственности в морозных долинах Сиккима. Казалось, она всегда была с нами, совершая подвиги — один невероятнее другого, — публикуя книги, за которые в иные времена ее сожгли бы на костре, и делясь с телезрителями фактами, от которых стыла кровь и у привыкших ко всему ученых. Дорожки наши раньше частенько пересекались. Ее молоджавость удивила меня: я же знал, что ей, как минимум, пятьдесят.

И одевалась она... ну... экстравагантно. Пластиковый обруч обтягивал ее плечи. С него ниспадали черные нити, очень похожие на человеческие волосы. А может, это и были на-

стоящие волосы. Они образовывали густой полог, достигающий колен, длинный, плотный, шелковистый. Волосистой тент, что несла на своих плечах Элен, навевал мысли о джунглях, ассагаях, антилопах. К нему очень бы подошли кость в носу и татуировка на щеках. Под волосами, судя по всему, другой одежды не было. И при движении сквозь колышавшийся полог то и дело проглядывало обнаженное тело. Вот и мне показалось, что я увидел розовый сосок, округлую ягодицу. Но лишь на мгновение, как, наверное, и задумывалось Элен, ибо все вновь скрывала волосистая тьма. Так что нам оставалось любоваться лишь ее изящными руками, лебединой шеей, гордо посаженной головой и собственными волосами Элен, темно-русыми и блестящими. Уникальность ее наряда как бы подчеркивала его абсурдность. Едва Элен переступила порог, я искоса глянул на Эстер Миккелсен. От изумления глаза ее округлились, рот приоткрылся.

— Извините, что опоздала, — великолепное контральто Элен наполнило комнату. — Задержалась в Смитсоновском институте. Мне показали великолепный набор ножей для обрезания, изготовленных в Дагомее из слоновой кости.

— Тебе позволили поупражняться с ними? — спросил Ллойд Колфф.

— Мы не зашли так далеко. Но я готова продемонстрировать свое мастерство, дорогой Ллойд, если мы прогуляемся туда после этого совещания. На тебе.

— Ты опоздала на шестьдесят три года, — пробурчал Колфф, — о чем тебе, впрочем, известно. Не ожидал, что у тебя такая короткая память, Элен.

— О, конечно, дорогой! Ты абсолютно прав! Тысяча извинений! Как я могла забыть! — И она бросилась к Колффу в развевающемся волосистом наряде, чтобы поцеловать его в широкую щеку.

Сэнфорд Крейлик прикусил губу. Очевидно, его компьютеры учили далеко не все. Эф. Ричард Хейман смущенно смотрел в пол, Филдз улыбался. На лице Эстер отражалась тоска. Я подумал, что нашей компании скучать не придется.

Крейлик откашлялся.

— Раз уж все в сборе, позвольте мне привлечь ваше внимание...

И он перешел к инструктажу. Телевизионный экран, дисплей компьютера, видеокассеты, звуковые синтезаторы, в ход пошли все технические достижения, облегчающие жизнь лектору, помогающие донести до слушателей главное, в нашем случае — добиться от нас осознания срочности и важности порученного нам дела. С одной стороны, нам вменяли в обязанность развлекать Ворнана Девятнадцатого, дабы он мог в полной мере насладиться пребыванием в Соединенных Штатах образца 1999 года. С другой, от нас требовали пристального надзора за гостем. Мы должны были сдерживать

его порывы, предупреждать выходки, которые могли привести к печальным последствиям. И, наконец, каждому из нас предстояло решить для себя, то ли он действительно гость из будущего, то ли ловкий мошенник.

Как сразу выяснилось, мнения членов нашего комитета по этому пункту не совпадали. Элен Макилуэйн безоговорочно уверовала, что Ворнан Девятнадцатый прибыл к нам из две тысячи девятьсот девяносто девятого года. Мортон Филдз придерживался того же мнения, хотя и не старался, как Элен, убедить в этом всех и вся. Приход мессии из будущего, явившегося, чтобы помочь человечеству в час испытаний, представлялся ему глубоко символичным, а потому он признавал в Ворнана путешественника во времени. Ллойд Колфф, наоборот, полагал нелепой даже саму мысль о том, что Ворнана надобно воспринимать серьезно. У Эф. Ричарда Хеймана возможность перехода из будущего в прошлое ассоциировалась со сказочкой про белого бычка. И в этом у меня с ним не было разногласий. Эстер Миккелсен сохраняла нейтралитет. Как истинный ученый, она доверяла только фактам. А потому не могла взять чью-либо сторону, не увидев путешественника во времени собственными глазами.

Академический спор начался в присутствии Крейлика. И продолжился в тот же вечер за обедом. Стол для нас шестерых накрыли в Белом доме. Вышколенные слуги бесшумно появлялись и исчезали, потчует нас яствами за счет налогоплательщиков. Мы много ели и еще больше пили, так что скоро в нашей не слишком удачно подобранной команде возникли трения. Колфф и Элен, несомненно, уже спали вместе и намеревались повторить пройденное в самом ближайшем будущем. Страсть свою они и не пытались скрывать, чем весьма расстраивали Хеймана, которого перекашивало от каждого взгляда любвеобильной парочки. Испытывал сексуальное влечение к Элен и Мортон Филдз, причем с каждой выпитой рюмкой он все более активно старался обозначить его, но ответной реакции не последовало: толстый, старый Фальстаф, Колфф, полностью завладел вниманием дамы. Тогда Филдз переключился на Эстер Миккелсен, которая своей сексуальностью могла сравниться разве что со столом. Естественно, она холодно пресекла все его поползновения. Я выбрал позицию беспристрастного наблюдателя — такой грех водился за мной и ранее, — поглядывающего со стороны на забавы коллег. Бедняга Крейлик полагал, что ему удалось собрать команду, свободную от внутренних конфликтов, которая все свое время посвятит служению нации. Мы не провели вместе и восьми часов, а в наших взаимоотношениях уже пометились трещины. Что же произойдет, когда мы столкнемся с хитрым, непредсказуемым Ворнаном Девятнадцатым? По моей спине пробежал холодок.

Банкет окончился около полуночи. На столе выстроились

пустые бутылки из-под вина. Вновь появились государственные холуи, возвестив, что проводят нас к топелям.

Как оказалось, Крейлик поселил всех в разных отелях. Филдз пожелал проводить Эстер, но ей как-то удалось отделаться от него. Элен и Колфф ушли вместе, и, когда они входили в кабину лифта, я увидел, как его рука нырнула под волосистой покров, окружающий ее тело. Поднявшись в свой номер, я не включал телевизор, дабы узнать, что учудил в этот вечер Ворнан Девятнадцатый.

Спал я плохо. Меня мучили кошмары, главную роль в которых играла Элен Макилуэйн. Закутанная в волосистой плащ, она делала мне обрезание...

Глава 7

Назавтра, ровно в полдень, все члены комитета и Крейлик загрузились в вагон пневмопоезда. Час пути, и мы выпрыгнули из тоннеля уже в Нью-Йорке. Встретила нас демонстрация апокалипсистов. Они прослышали о скором прибытии в Нью-Йорк Ворнана Девятнадцатого и решили провести небольшую разминку.

Мы поднялись в просторный зал вокзала и нашли его запруженным морем потных, разукрашенных людей. Над ними реяли плакаты с какими-то непонятными фразами или просто с ругательствами. Транспортная полиция тщетно пыталась павести хоть какое-то подобие порядка. Апокалипсисты что-то скандировали, но я уловил лишь отдельные слова: «...судный день... огонь... судный день...»

Элен Макилуэйн застыла как зачарованная. Апокалипсисты интересовали ее ничуть не меньше шаманов какого-нибудь затерянного в джунглях племени, а потому, придя в себя, она шагнула к толпе. Крейлик попросил ее вернуться, но она его не услышала, занятая сбором научной информации. Бородатый пророк судного дня протянул руку, ухватился за сложную конструкцию из маленьких пластмассовых дисков, нанизанных на переплетенные нити, наряд Элен в то утро, и рванул ее на себя. Диски посыпались во все стороны. В наряде появилась брешь длиной в восемь дюймов, от шеи чуть ли не до талии. В нее выскочила одна грудь, удивительно упругая для женщины ее возраста и довольно-таки большая, учитывая поджарость ее фигуры. Элен же завибрировала от возбуждения. Ухватившись за свою добычу, она упрашивала апокалипсиста открыть ей тайнства нового культа. Тот с проклятиями вырывался. По знаку Крейлика трое здоровенных полицейских двинулись ей на помощь. Одно из них Элен поприветствовала пинком по яйцам. Тот застопал, согнулся, а в следующее мгновение его захлестнула волна фанатиков. Больше мы этого полицейского не видели. Двое других вытащили дубинки-парализаторы и принялись охаживать близстоящих апокалипсистов. Пронзительные

крики боли огласили зал, заглушая уже привычное скандирование: «...судный день... огонь...: судный день...» Несколько полуголых девиц оказались между мной и Элен. Когда я вновь увидел ее, она стояла одна: охранники дубинками отогнали апокалипсистов. Наконец она вернулась к нам, еще не отойдя от пережитого. «Потрясающе, потрясающе, — повторяла она снова и снова. — Какое оргазмическое безумие». А от стен эхом отдавалось: «...судный день... огонь... судный день...»

Крейлик предложил Элен пиджак, но та отмахнулась, не стесняясь своего голого тела, а может, наоборот, с удовольствием выставляя его напоказ. С большим трудом полиции удалось вывести нас наружу. Уже в дверях мы услышали жуткий крик. Так мог кричать лишь человек, которого топили перед тем, как четвертовать. Я так и не узнал, кто это кричал и почему.

«...Судный день...» — И захлопнувшаяся дверь отсекала все вопли апокалипсистов.

Машины стояли наготове. Нас отвезли в отель в центре Манхэттена. Со сто двадцать пятого этажа мы могли любоваться наползающими друг на друга громадами небоскребов. Элен и Колфф, потеряв всякий стыд, потребовали себе двухместный номер, остальные получили одноместные. Крейлик вручил каждому толстый пакет инструкций, расписывающих, как вести себя с Ворнаном в самых разнообразных ситуациях. Я засунул пакет в угол, даже не посмотрев, какими советами решили побаловать нас государственные люди. И долго стоял у окна. По пешеходному уровню спешили прохожие. Иногда задевали друг друга, после чего следовала возмущенная жестикуляция. По автотрассе то и дело пролетали, не обращая внимания на прочий транспорт, сбитые в стаи мотоциклисты. Тоже апокалипсисты, решил я. Стало предельно ясно, что я утратил связь с реальным миром, не представлял себе, что требуется совсем немного времени, чтобы ввергнуть в хаос любой выбранный наугад город.

Вошел Мортон Филдз. Принял мое предложение выпить, я нажал соответствующие кнопки на пульте управления, и бар-автомат выдал нам два бокала рома. Мы сидели в креслах, не спеша тянули сладкий, крепкий напиток. Я надеялся, что Филдз не станет донимать меня многословными рассуждениями, и был прав.

— Как в сказке, не правда ли?

— Вы о человеке из будущего?

— О всеобщем настроении. Конец столетия.

— Столетие-то выдалось длинным, Филдз. Может, человечество с радостью провожает его. И та анархия, что мы наблюдаем, разновидность праздника, а?

— В ваших словах есть доля истины, — признал он. — А Ворнан Девятнадцатый эдакий Фортинбрас, явившийся, чтобы привести нас в чувство.

— Вы так думаете?

— Во всяком случае, такое возможно.

— Пока он не принес много пользы. Наоборот, он сеет беспорядки там, где появляется.

— Непредумышленно. Он еще не привык к нам, дикарям, и постоянно нарушает наши племенные табу. Дайте ему время освоиться, и он начнет творить чудеса.

— С чего вы это взяли?

— Он такой обаятельный, Гарфилд. Есть в нем искра божья. Разве вы не увидели по его улыбке, что она дарована ему небесами?

— Да, да. Но почему вы думаете, что он воспользуется этим даром рационально? Почему не позабавиться, не взбудоражить толпу? Он — наш спаситель или просто турист?

— Все это мы и выясним через несколько дней. Вы не будете возражать, если я закажу себе еще бокал?

— Закажите три. Не мне оплачивать счет.

Вернувшись в кресло с полным бокалом, Филдз долго молчал.

— Среди ваших знакомых нет человека, который спал с Эстер Миккелсен?

— Что-то не припомню. А должны быть?

— Я спросил наобум. Она, должно быть, лесбиянка.

— Что-то мне не верится. Да так ли это важно?

Филдз рассмеялся.

— Прошлым вечером я пытался ее соблазнить.

— Я это заметил.

— Сильно набрался.

— Это уж точно.

Филдз помолчал, прежде чем продолжить.

— Эстер произнесла странную фразу, когда я пытался завлечь ее в свою постель. Она сказала, что не спит с мужчипами. Причем таким обыденным тоном, как бы между прочим, словно только полный идиот мог придерживаться противоположного мнения. Вот я и подумал, может, я чего не знаю, а следовало бы.

— Вы можете спросить Сэнди Крейлика, — предложил я. — У него заведено досье на каждого из нас.

— Нет, нет. Я имею в виду... недостойно с моей стороны...

— Совращать Эстер?

— Нет, обращаться к чиновнику за подобной информацией. Пусть это останется между нами.

— Между нами, профессорами? — уточнил я.

— В некотором смысле, — Филдз улыбнулся с видимым усилием. — Знаете, старина, я не собирался отягощать вас своими проблемами. Просто подумал... а вдруг вы что-то знаете о ее...

— Ее наклонностях?

— Вот именно.

— Абсолютно ничего. Она блестящий биохимик. Как лич-

ность темного замкнутая. Это все, что я могу вам сказать.

Филдз допил второй бокал рома и ушел. Из коридора доносился сочный смех Колффа. Номер отеля напоминал мне тюремную камеру. Хотелось позвонить Крейлику и попросить его незамедлительно прислать ко мне Марту Синди. В конце концов я разделся и встал под душ, подставив плечи под плывущие молекулы*, дабы освежиться и смыть с себя грязь после долгой поездки. Потом я немного почитал. Колфф дал мне свою новую книгу, антологию любовной лирики финикийцев, переведенную с текстов, найденных при археологических раскопках в Средиземноморье. Финикийцев я всегда представлял энергичными ливанскими бизнесменами, у которых не оставалось времени на такие пустяки, как поэзия или эротика. И напрасно. Никогда ранее не встречал я стольких синонимов, обозначающих женский половой орган. Каждый из них украшали длинные гирлянды прилагательных. Страсть была фонтаном. Оставалось только гадать, подарил ли он экземпляр Эстер Миккелсен.

Наверное, я задремал. Около пяти часов дня меня разбудили несколько листов, выскользнувших из факса на пол. Крейлик посылал нам предполагаемый маршрут Ворнана Девятнадцатого: Нью-Йоркская фондовая биржа, Большой каньон, несколько заводов, одна или две индейские резервации и, со знаком вопроса, Луна-Сити. Неужели он хотел, чтобы мы сопровождали Ворнана на Луну? Скорее всего, да.

В тот вечер за обедом Элен и Эстер долго о чем-то шушукались. Меня посадили рядом с Хейманом, и потому я не только вкусил пищи, но и познакомился со спенсерланским взглядом на движение апокалипсистов. Ллойд Колфф на нескольких языках рассказывал скабрёзные истории Филдзу, который покорно слушал, не забывая прикладываться к рюмке. За десертом к нам присоединился Крейлик, чтобы сказать, что следующим утром ракетоплан с Ворнаном Девятнадцатым возьмет курс на Нью-Йорк, где и приземлится около полудня по местному времени. Он пожелал нам удачи.

Встречать Ворнана в аэропорту мы не поехали. Крейлик предполагал, что там могут возникнуть беспорядки. Так оно, собственно, и вышло. Мы остались в отеле, наблюдая за происходящим по экрану телевизора. Две соперничающие группы собрались в аэропорту, чтобы встретить Ворнана Девятнадцатого. Толпа апокалипсистов меня не удивила: в эти дни они, похоже, наводнили весь мир. Удивила вторая группа, с тысячу человек, которых комментатор называл «апостолами» Ворнана. Эти пришли, чтобы поклониться новому кумиру. Камера любовно, крупным планом, показывала их лица. Какой разительный контраст являли они с разрисованными, перекошенными физиономиями апокалипсис-

* Введенный автором термин «молекулярный душ» переводчику непонятен. Пусть читатель сам решает, что это такое.

тов. Все трезвые, решительные, уверенные в себе, представители среднего класса. Я смотрел на их сурово сжатые губы, ледяные глаза, и меня охватывал страх. Под знамена апокалипсистов собирались люди без роду, без племени, отбросы общества, перекасти-поле. Поклониться же Ворнану пришли жители квартир престижных пригородных районов, владельцы банковских счетов, сторонники здорового образа жизни, привыкшие рано ложиться спать, костяк американского общества. Я поделился своими мыслями с Элен Макилуэйн.

— Ну, конечно же, — кивнула она. — Это контрреволюция, естественная реакция на выходки апокалипсистов. Эти люди видят в человеке из будущего поборника восстановления правопорядка.

Примерно то же самое говорил мне и Филдз.

Я же вспомнил падающие тела и розовые бедра на дискотеке в Тиволи.

— Их ждет жестокое разочарование, если они думают, что Ворнан им поможет. Исходя из того, что мне о нем известно, с правопорядком он не в ладах.

— Он может измениться, когда увидит, сколь велика его власть над ними.

За эти дни я увидел и услышал много пугающего, но спокойные слова Элен Макилуэйн просто ужаснули меня.

Ворнана ждали на одной посадочной полосе, а приземлился он на другой, в дальнем конце аэродрома. На ту же, у которой собрались встречающие, опустился совсем другой ракетоплан, без пассажиров, прибывший из Мехико. До того как ракетоплан зашел на посадочной полосе, полиции удавалось сдерживать толпу. Но тут обе группы устремились на летное поле, смешавшись между собой. Камера следила за ними, пока не выяснилось, что кто-то бежит к ракетоплану, а кто-то уже улегся на бетон и трахается. Тут, похоже, режиссер передачи скомандовал оператору обойтись без крупного плана. И пока тысячи людей окружали синий ракетоплан, Ворнан, в миле от них, пересаживался в вертолет, который и доставил его в наш отель. Полиция в это время охаживала всех рвущихся к ракетоплану дубинками-парализаторами. Крейлик позвонил нам, чтобы предупредить, что с крыши отеля Ворнана приведут в «люкс», который служил нам штаб-квартирой.

В тот момент, когда Ворнан Девятнадцатый переступил порог, внезапная дикая паника охватила меня.

Как мне передать словами глубину этого чувства? На мгновение рухнули устои мироздания, и Земля понеслась в пустоту. Я ощутил себя бредущим в мире, лишенном разума, структуры, взаимосвязей. Я говорю на полном серьезе: душа у меня ушла в пятки, никогда не испытывал я ничего подобного. Присущие мне ироничность, сдержанность, на-

смешливость исчезли. Я лишился брони цинизма, оказался безоружным пришельцем из будущего.

Потом я понял, что обусловило мои страхи: чистая абстракция превращалась в реальность. Можно много говорить о путешествиях во времени, можно даже отправить в прошлое несколько электронов, но положения дел все это не изменит. Абстракция как была, так и останется. Я никогда не видел электрон, не могу я и сказать, где начинается прошлое. А тут кто-то грубо разорвал единство пространства-времени, и на меня подул ледяной ветер будущего. Я пытался призвать на помощь не раз выручавший меня скептицизм, но и он ничем не помог мне. Против своей воли, я поверил, что Ворнан тот, за кого себя выдает. Волна обаяния Ворнана накрыла меня, прежде чем он возник у меня перед глазами. И я превратился в его сторонника. Чего ради упрямиться? Я сдался без сопротивления. Элен стояла, не отрывая глаз от двери. Филдз переминался с ноги на ногу. На лицах Колффа и Хеймана отражалась тревога. Дрогнула, похоже, и всегда хладнокровная Эстер. Испытанное мной чувство не минуло и их.

Ворнан Деятнадцатый вошел.

За последние две недели я так часто видел его на экране, что ожидал встретить старого знакомого, но внезапно оказался в присутствии инопланетянина, с которым не имел ничего общего. И ощущение это, отстраненность Ворнана, сохранилось на весь период нашего последующего общения.

Ростом он был лишь на дюйм или два выше, чем Эстер Миккелсен. Рядом с высоченным Крейликом и гороподобным Колффом он выглядел пигмеем и вроде бы должен был ступеваться. Но нет, держался Ворнан хозяином. Он обвел нас долгим взглядом.

— Вы так любезны. Не сочли за труд встретить меня. Я польщен.

Господи, помоги мне. Я ПОВЕРИЛ.

Мы представились Ворнану. Он стоял, с некоторой надменностью, посреди комнаты, слушая, как мы называем свои научные специальности. Филолог, антрополог, историк, психолог, наконец подошла моя очередь.

— Я — физик, изучающий феномен движения во времени, — и замолчал, ожидая, какая последует реакция.

— Как интересно, — не замедлил с ответом Ворнан. — Вы открыли возможность перемещения в прошлое на столь раннем этапе развития цивилизации! Мы обязательно должны поговорить об этом в самое ближайшее время, сэр Гарфилд.

Хейман воинственно выступил вперед.

— Что значит, «на столь раннем этапе развития цивилизации»? Если вы думаете, что мы — банда дикарей...

— Франц, — пробормотал Колфф, ухватив Хеймана за рукав, и я-таки узнал, что скрывалось за загадочным «Эф».

Хейман попятился. Крейлик сердито глянул на него. Дей-

ствительно, негоже встречать гостя грубостью. Он же положил конец неловкой паузе.

— На завтрашнее утро мы наметили экскурсию в финансовый центр. Вечер, я думаю, мы проведем в отеле, в непринужденной обстановке. Если...

Не слушая его, Ворнан шагнул к Эстер Миккелсен.

— Я сожалею, что мое тело покрыто пылью дальнего путешествия. Хочется помыться. Окажите мне честь принять со мной ванну.

У меня, да и не только у меня, отвисла челюсть. Мы, конечно, ждали от Ворнана чего-то из ряда вон выходящего, но чтобы так сразу, да еще по отношению к Эстер. Мортон Филдз оглядел нас, надеясь, что кто-то найдет способ вызвать Эстер из западни. Но Эстер, как выяснилось, не нуждалась в нашей помощи. Без малейшего колебания она приняла приглашение Ворнана. Элен заулыбалась. Колфф подмигнул мне. Филдз побагровел. Ворнан поклонился нам, согнувшись не только в спине, но и в коленях, словно не знал, как отвечивают поклон, и вывел Эстер из комнаты. Все произошло так быстро, что мы не успели произнести ни слова.

— Мы не можем позволить ему так обращаться с Эстер! — взорвался Филдз, обретя дар речи.

— Эстер не возражала, — напомнила ему Элен. — Решение принимала она.

Хейман ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Я уйду! Это абсурд! Ноги моей не будет в этом комитете!

Колфф и Крейлик одновременно повернулись к нему.

— Франц, ну что ты так разошелся! — бросил Колфф.

— Доктор Хейман, умоляю вас... — в голосе Крейлика слышались просительные нотки.

— А если бы он попросил меня помыться с ним в ванной? — продолжал бушевать Хейман. — Мы должны выполнять все его капризы? Я отказываюсь участвовать в этой идиотской комедии.

— Никто не требует от вас невозможного, доктор Хейман, — заметил Крейлик. — Мисс Миккелсен никто не уговаривал. Она согласилась сама, наверное, не в последнюю очередь и от осознания своей ответственности перед обществом и наукой. Я ею горжусь. Тем не менее она имела полное право ответить «нет», и я не хочу, чтобы у вас создавалось впечатление, будто вы...

— Франц, дорогой, — вмешалась Элен, — я очень сожалею, что ты решил порвать с нашим комитетом в самом начале его работы. Неужели ты не хотел бы обсудить с ним развитие истории в следующее тысячелетие? Теперь-то такого шанса у тебя не будет. Я сомневаюсь, что мистер Крейлик подпустит тебя к нему. Найдется немало историков, которые с радостью займут твоё место, не правда ли?

Элен была наверняка. Как мог Хейман допустить, чтобы кто-либо из презренных конкурентов получил доступ к Ворпану?! И скоро он забормотал, что вроде бы и не вышел из состава комитета, а лишь угрожал выйти. Крейлик заставил его подергаться на крючке, прежде чем согласился забыть об этом досадном недоразумении, и Хейману пришлось пообещать, что впредь он будет держать себя в руках.

Филдз все это время смотрел на дверь, за которой скрылись Эстер и Ворпан. Наконец он не выдержал.

— Не пора ли нам выяснить, чем они так занимаются?

— Насколько я понимаю, принимают ванну, — ответил Крейлик.

— Что-то вы очень спокойны! — воскликнул Филдз. — А если вы оставили ее наедине с сексуальным маньяком? Некоторые признаки, отмеченные мною в его манере поведения и выражении лица, свидетельствуют о том, что доверять ему нельзя.

Крейлик изогнул бровь.

— Правда, доктор Филдз? Не могли вы продиктовать подробный отчет?

— Пока еще нет. Но я думаю, что мисс Миккелсен должна находиться под постоянной защитой. Пока у нас нет никакой уверенности, что этот человек из будущего будет соблюдать моральные нормы, принятые в нашем обществе и...

— Это правильно, — встряла в разговор Элен. — Возможно, у них принято каждый четверг приносить в жертву черповолосую девственницу. Важно помнить, что он мыслит не так, как мы, и в крупном, и в малом.

По ее тону не представлялось возможным определить, шутит она или говорит серьезно, хотя лично я более склонялся к первому. Чрезмерную же заботу Филдза объяснять не требовалось: его поползновения Эстер пресекла, а потому он очень расстроился, увидев, что Ворпан в отличие от него отказа не получил. Однако озабоченность Филдза принесла свои плоды: раздраженный Крейлик поделился с нами секретом, который при иных обстоятельствах оставил бы при себе.

— Мои люди ведут постоянное наблюдение за Ворпаном средствами аудио- и видеоконтроля. Я уверен, что он об этом не подозревает, и надеюсь, что вы ничего ему не скажете. Мисс Миккелсен в полной безопасности.

Филдз остолбенел.

— Вы хотите сказать, что ваши люди наблюдают за ними... прямо сейчас?

— Вы можете убедиться в этом сами. — Крейлик неправильно истолковал его вопрос, подумав, что мы ему не верим, схватил трубку внутреннего телефона, набрал одному ему ведомый номер. Тут же засветился настенный экран. На нем появились Эстер Миккелсен и Ворпан, в цветном, трехмерном изображении. Голые. Ворпана мы увидели со

спины, Эстер — сбоку. Худенькую, с узкими бедрами, неразвитой грудью двенадцатилетней девочки. Они стояли под молекулярным душем. Эстер терла Ворнану спину.

Судя по всему, они прекрасно ладили.

Глава 8

В тот же вечер, по договоренности с Крейликом, Уэсли Брутон, один из богатейших людей Соединенных Штатов, давал в честь Ворнана Девятнадцатого банкет в своем особняке на берегу реки Гудзон. Строительством особняка, закончившимся два или три года тому назад, руководил Олберт Нгамби, великолепный молодой архитектор, проектирующий сейчас столицу Пан-Африки в Итури-Форест. Заинтригованный, я провел вторую половину дня над книгой одного архитектурного критика, расписывающего оригинальные решения Нгамби, использованные при строительстве особняка Брутона. Отлет был намечен на половину седьмого вечера. Как я уже догадался, одной из важнейших становилась проблема секретности, а потому маршрут наш держался в строжайшей тайне. Несколько сот репортеров жаждали всюду следовать за Ворнаном, несмотря на достигнутую договоренность о том, что ежедневно сопровождать его будут шестеро журналистов. Да и апокалипсисты не упустили бы случая высказать Ворнану свое недоверие. Появилась и новая сила — поклонники Ворнана, видящие в нем символ закона и порядка, не скрывающие своего желания носить его на руках. А потому времени на раскачку у нас не было. Малейшая задержка могла привести к невообразимой свалке.

К шести мы начали подтягиваться к «люксу», где встретили Ворнана. Колфф и Элеп прибыли раньше меня. Одевание Колффа переливалось всеми цветами радуги, ярко-синий кушак перепоясывал его необъятную талию. А на широкой груди позвякивали награды, которыми многие государства отметили его научную деятельность. Я узнал только одну, орден Французского легиона, и лишь потому, что им не так давно удостоили и меня.

На этот раз Элеп на его фоне выглядела скромницей. Она надела вечернее платье из какого-то хитрого полимерного материала, который мог менять прозрачность. Взглянув на Элеп под определенным углом, можно было увидеть ее голую, но лишь на какое-то мгновение, ибо затем цепочки молекул перестраивались, и материал становился матовым. На нее у нее висел амулет в форме мужского члена. Макияж ее состоял из зеленой помады и темных кругов вокруг глаз.

Тут же подошел Филдз, в обычном деловом костюме, а затем и Хейман, и вовсе надевший смокинг, вышедший из моды лет двадцать тому назад. Последней появилась Эстер, в простеньком платье, с ниткой турмалинов на лбу.

Я опустил глаза, не решаясь встретиться с ней взглядом.

Как и все остальные, я шпионил за ней. Да, не мне пришлось в голову установить в душе камеру и микрофон, чтобы подсматривать за ней, но, как и остальные, я не упустил возможности приложиться к оснащенной по последнему слову техники замочной скважине. И теперь знал, что у нее маленькая грудь и плоские, мальчишеские ягодицы. Филдз стоял, сжав кулаки. Хейман покраснел и уставился в пол. Но Элен, не верившая в такие понятия, как вина, стыд, скромность, тепло приветствовала Эстер, а Колфф, так много нагрешивший за свою долгую жизнь, что не мог чувствовать угрызений совести из-за того, что ненароком увидел чье-то голое тело, радостно пробасил:

— Мытье, надеюсь, вам понравилось?

— Не без этого, — улыбнулась Эстер.

Но в подробности вдаваться не стала. Я видел, что Филдзу не терпится спросить, совокупилась ли она с Ворнаном Девятнадцатым. Мне этот момент тоже представлялся спорным. С одной стороны, Ворнан продемонстрировал, что весьма расположен к сексу, причем не делает особых различий между женщинами и мужчинами. С другой, Эстер, по моему разумению, вполне могла уберечь свою добродетель даже от мужчины, с которым принимала душ. Выглядела она веселой, удовлетворенной, так что едва ли в последние три часа на ее долю выпало какое-то травмирующее потрясение. Лично мне хотелось, чтобы она все-таки совокупилась с Ворнаном. Для такой холодной и одинокой женщины, как Эстер, секс мог принести только пользу.

Еще через несколько минут Крейлик привел Ворнана, и все вместе мы поднялись на крышу, где нас ожидали четыре вертолета. Один — для прессы, второй — для членов комитета и Ворнана, третий — для сотрудников Белого дома и четвертый — для охраны. Наш вертолет поднялся третьим. В мягком гуле турбины он взмыл над отелем и взял курс на север. Во время полета других вертолетов мы не видели. Ворнан с интересом смотрел на огни Большого Нью-Йорка.

— Скажите, пожалуйста, какова численность населения этого города? — спросил он.

— С учетом окружающих городов-спутников примерно тридцать миллионов, — ответил Хейман.

— И все они — люди?

Вопрос поставил нас в тупик.

— Если вас интересует, есть ли среди них инопланетяне, — прервал затянувшееся молчание Филдз, — то могу сказать, что нет. На Земле нет жителей других миров. Разумные формы жизни в Солнечной системе нами не обнаружены, а космические станции, отправленные к другим звездам, еще не вернулись.

— Нет, я говорю не об инопланетянах. Об уроженцах Земли. Сколько среди этих тридцати миллионов людей, а сколько человекоподобных?

— Человекоподобных? — переспросила Элеп. — Вы имеете в виду роботов?

— Нет, нет, я говорю не о синтезированных жизненных формах, — покачал головой Ворнан. — Речь идет о тех, кто не имеет полного человеческого статуса, ибо генетически происходит не от человека. У вас еще нет человекоподобных? Я, похоже, не могу подобрать нужных слов. Вы еще не создаете жизнь из более низких форм? Это не... — он запнулся. — Не могу сказать. Не нахожу слов.

Мы переглянулись. Практически впервые все мы говорили с Ворнаном Девятнадцатым, и уже начали возникать сложности в общении. Вновь по спине моей пробежал холодок страха от осознания того, что рядом со мной находится нечто, абсолютно чуждое мне. Здоровый скептицизм пытался убедить меня, что этот Ворнан всего лишь ловкий обманщик, однако та непринужденность, с которой он рассуждал о людях и еще-не-людях, свидетельствовала об обратном. О том, что для него это вполне естественно, ибо труднее всего описать самое привычное, с чем сжился и чего не замечаешь. Мы летели к городским окраинам. Под нами река медленно катила свои воды в океан. Кварталы домов начали чередоваться с лесными массивами. Еще несколько минут, и вертолет устремился вниз, на посадочную площадку стоаэрового поместья Уэсли Брутона, в восьмидесяти километрах к северу от Манхэттена. Говорили, что Брутону принадлежал самый большой участок неводеланной земли к востоку от Миссисипи. Я в это верил.

Особняк сиял огнями. Мы увидели его сразу, едва вышли из вертолета. Он возвышался над рекой, посылая к небу столбы зеленого огня. Крытая движущаяся дорожка понесла нас к дому, отстоящему на четверть мили от посадочной площадки. Мимо зимнего сада, украшенного ледяными скульптурами. Архитектурный замысел Нгамби открылся нам во всей красе: концентрично расположенные полупрозрачные раковины образовывали остроконечный павильон, возвышающийся над окружающими деревьями. Крыша в форме восьми или девяти перекрывающих друг друга арок медленно вращалась, отчего облик дома постоянно менялся. А венчал всю конструкцию ярко-желтый фонарь. Из динамиков, в изобилии развешанных по ветвям деревьев, лилась музыка. Дорожка доставила нас к дому. Ворота скользнули в стену, открыв черную пещеру. В последний момент я поймал на зеркальной поверхности ворот свое изображение: полнозатый, с мрачной физиономией мужчина, чувствующий себя явно не в своей тарелке.

Внутри правил хаос. Нгамби, несомненно, заключил союз с силами тьмы. Плоскости встречались под невероятными углами, ни одна линия не переходила в другую. Из вестибюля нам открылись десятки комнат, расходящиеся во всех направлениях, и все они непрестанно меняли форму и от-

носительное расположение. Стены появлялись, исчезали, возникали вновь. Пол становился потолком новых, вырастающих снизу комнат. Я буквально слышал, как гудят и клацают могучие машины, приводящие в движение все это великолепие, хотя в особняк не проникало ни единого лишнего звука. Сам вестибюль покоился на твердом основании, но буквально в шаге от нас розовые стены овальной ниши, выполненные из напоминающего толстую кожу материала, на высоте наших голов изгибались, образуя некое подобие бесконечной поверхности листа Мебиуса. Можно было подняться по этой стене, миновать участок перегиба и покинуть вестибюль, хотя дверь вроде бы и отсутствовала. Я рассмеялся. Один сумасшедший построил этот дом, другой в нем поселился. Но невероятная сложность этого идиотского сооружения поневоле вызывала гордость. Двадцатому столетию было что показать пришельцу из будущего.

— Великолепно! — проревел Колфф. — Потрясающе! Каково ваше впечатление? — спросил он Ворнана.

Тот вежливо улыбнулся.

— Весьма забавно. Лечение помогает?

— Лечение?

— Это же дом, в котором лечат душевнобольных? Дурдом, не так ли?

— Это дом одного из самых богатых людей на Земле, — сухо ответил Хейман, — построенный молодым талантливым архитектором Олбертом Нгамби. Особняк этот считается выдающимся архитектурным достижением.

— Очаровательно, — прокомментировал Ворнан разъяснения историка.

Вестибюль повернулся, и мы шагнули на лист Мебиуса, чтобы несколько мгновений спустя оказаться в другом помещении. Веселье было в разгаре. По меньшей мере сто человек собралось в огромном зале, формой напоминающем бриллиант. Шум стоял невероятный, но благодаря техническим ухищрениям мы слышали его, лишь оставив позади участок перегиба. Нас окружила орда гостей, начавших праздновать встречу с путешественником во времени задолго до прибытия виновника торжества. Они танцевали, пили, пели, выдыхали клубы ароматного дыма. Прожектора попеременно выхватывали из темноты их лица. Десятки из них я узнал: актеров, финансистов, политиков, светских львов, астронавтов. Брутон забросил широкую сеть, дабы из нее не выскользнул ни один из наших выдающихся современников. И то обстоятельство, что я, университетский профессор, живущий затворником, узнал столь многих из гостей, как ничто другое свидетельствовало о его власти и могуществе.

Водопад искрящегося красного вина изливался из отверстия в стене и широкой рекой пересекал пол, словно вода в поилке для свиней. Темноволосая девушка в наряде из

серебряных обручей стояла под струей, глупо хихикая. Я пытался безуспешно вспомнить ее имя. Помогла Элен.

— Деона Соутелл. Наследница компьютерной империи.

Два симпатичных молодых человека в блестящих, как зеркало, смокингах, пытались вытащить ее из-под вина, но она отбивалась, окатывая близстоящих фонтанами брызг. Мгновение спустя они просто встали рядом с ней. Неподдалеку от них великолепно сложенная темнокожая женщина с громадными бриллиантами в ноздрях радостно вскрикивала в объятьях гигантской металлической фигуры, ритмично прижимающей ее к необъятной груди. Мужчина с обритой головой распластался во весь рост на полу. Над ним суетились три девчушки, не старше двадцати лет. Кажется, пытались сбить с него брюки. Четыре ученого вида господина, с крашеными бородами, что-то пели на незнакомом мне языке. Ллойд Колфф с радостными криками бросился к ним. Женщина с золотистой кожей тихонько плакала у постамента, на котором медленно кружилась чудовищная скульптура из черного дерева, нефрита и бронзы. В пропитанном дымом воздухе летали механические создания, позвякивая металлическими крыльями и хвостами, издавая дикие крики, сбрасывая что-то блестящее на головы гостей. Две обезьяны, прикованные цепью к трапедии, трахались под самым потолком. То была Ниневия. Вавилон. Я, как зачарованный, смотрел во все глаза. Весь этот бедлам вызывал отвращение и в то же время притягивал, манил к себе. Неужели мы попали на типичный банкет Уэсли Брутона? Или все это он устроил в честь Ворнана Девятнадцатого? Я не мог представить себе, что для этих людей происходящее — норма. Держались они естественно, словно не видели вокруг ничего необычного. Если бы не роскошные одежды да холеные тела, можно было подумать, что вокруг апокалипсисты, а не сливки общества, элита. Краем глаза я увидел Крейлика. Он стоял с перекошенным от ужаса лицом, не в силах скрыть отвращения к этим людям, теряющим человеческий облик. У него и в мыслях не было приводить Ворнана в подобное место.

Тут я вспомнил о нашем госте. Где же он? Увиденное столь шокировало нас, что мы начисто забыли о нем. Ворнан был прав: мы попали в дурдом. А он уже оказался в самом центре. Я обнаружил его у реки из вина. Девушка в серебряных обручах, наследница компьютерных богатств, поднялась с колен, вся забрызганная вином, плавным движением провела рукой по боку. Следуя команде, обручи раскрылись и упали. Один она протянула Ворнану, который с достоинством принял его, остальные запустила в воздух. Механические птицы поймали их на лету и начали пережевывать. Один из молодых людей в зеркальных смокингах достал из кармана флакон и чем-то брызнул на груди и чресла наследницы. Тут же в указанных местах ее тело покрыла плотная пленка. Она поблагодарила молодого человека реверансом и вновь

повернулась к Ворнану. Сложив ладони, набрала в них вина и предложила ему выпить. Он не отказался. Пригубил вино. И тут левая половина зала дрогнула, пол поднялся на двадцать футов, и из неведомого нам подвала вывалилась новая группа гостей. Крейлик, Филдз и Эстер оказались среди тех, кого утащило на потолок. Я решил держаться поближе к Ворнану, так как оставшиеся члены нашего комитета не обращали на него ни малейшего внимания. Колфф хохотал с певцами, Элен стояла, широко раскрыв глаза, стараясь ничего не упустить. Хейман попал в объятия сладострастной брюнетки с длинными ногтями на пальцах. Напояженный молодой человек схватил мою руку и поцеловал. Какого-то старика вырвало в двух шагах от меня. Тут же из-под пола выскочила поблескивающая золотистым металлом пчела диаметром с фут и начала убирать блевотину. Еще через мгновение я уже стоял рядом с Ворнаном.

Увидев меня, он мягко высвободился из рук Деоны Соутелл, все еще пытавшейся затащить его под струю вина.

— Это великолепно, сэр Гарфилд, — обратился он ко мне. — Потрясающий вечер, — брови его сошлись у переносицы. — Я вспомнил, сэр Гарфилд — неудачная форма обращения. Вы — Лео. Потрясающий вечер, Лео. Этот дом... цирк да и только.

А вакханалия вокруг нас набирала силу. Темноту прорезали лазерные лучи. Два кавалера полной дамы, в которой я узнал королеву красоты моей далекой юности, затеяли драку. Около нас две девицы рвали друг на друге одежду. Это зрелище собрало многих, появление нового участка обнаженного тела встречалось громкими криками. Но вот блеснули розовые ягодицы, и жаркая схватка внезапно перешла в не менее жаркое объятие. Ворнан не отрывал взгляда от растопыренных ног девушки, что лежала внизу, от поднимающейся и опускающейся задницы ее победителя, вслушивался в чавкающие звуки, издаваемые слившимися ртами. Он даже наклонил голову, чтобы лучше видеть. К нам направился какой-то человек, и Ворнан, повернувшись ко мне, спросил:

— Вы знаете, кто он такой?

Незнакомец был не выше Ворнана Девятнадцатого, но по меньшей мере в два раза шире. Голова его, без признаков шеи, покоилась на массивных плечах. Растительность на черепе полностью отсутствовала, не было ни бровей, ни ресниц. Не замечая меня, он протянул огромную лапищу Ворнану.

— Так это вы человек из будущего? Рад познакомиться с вами. Я — Уэсли Брутон.

— Наш хозяин. Добрый вечер, — Ворнан одарил его улыбкой, не лучезарной, а более сдержанной, сверкнувшей лишь на мгновение, а затем в дело вступили глаза, холодные,

буравящие насквозь. Кивнув в мою сторону, он добавил: — Вы, разумеется, знаете Лео Гарфилда?

— Фамилия мне знакома, — прорычал Брутон.

Рука его так и осталась в воздухе: Ворнан ее не пожал. Ожидание во взгляде Брутона сменилось недоумением, затем — яростью. Чувствуя, что надо что-то делать, его руку поймал я.

— Мы очень благодарны вам за приглашение, мистер Брутон. У вас чудесный дом, — и добавил, понизив голос: — Он не знает многих наших обычаев. Полагаю, что у них пожимать руку не принято.

Мои слова успокоили магната. Он заулыбался, повернулся к Ворнану.

— Как вам мой дом, Ворнан?

— Очень милый. Я восхищен вкусом вашего архитектора, его сдержанностью, следованию классическим традициям.

Не могу сказать, говорил ли он искренне или смеялся в душе. Но Брутон принял его слова за чистую монету. Он схватил Ворнана за руку, другой обнял меня.

— Я бы хотел показать, друзья, как все это выглядит из-за кулис. Вас, профессор, это заинтересует. Да и Ворнан, я думаю, с удовольствием познакомится с нашей техникой. Пошли!

Я опасался, что Ворнан вновь использует метод самозащиты, успешно примененный им на Испанской лестнице, и Брутон отлетит на дюжину ярдов за то, что посмел прикоснуться к прищельцу из будущего. Но нет, Ворнан позволил увлечь себя в толчею гостей. Брутон прокладывал путь, как бульдозер, наделившись на возвышение в центре зала. На нем танцевала девица в костюме египетской принцессы. Брутон ухватился за ее голые ягодицы, поднял и переставил в сторону, словно стул. Мы взобрались на возвышение. И по команде Брутона провалились сквозь пол.

— Мы на глубине двухсот футов, — возвестил он. — Это главный зал управления. Смотрите! — и раскинул руки.

Двенадцать экранов показывали нам, как веселятся гости в двенадцати залах. Я увидел Крейлика, шатающегося под тяжестью роковой женщины, взобравшейся ему на плечи. Мортон Филдз пристроился сзади к толстухе с широким, плоским носом, и его ритмичные движения ясно показывали, чем он с ней занимается. Элен Макилуэйп что-то диктовала в амулет в форме фаллоса, по ходу облизывая его языком, дабы не вызывать излишних вопросов. Ллойд Колфф позволил большеглазой девице делать то же самое со своим членом. Хеймана я не нашел. Эстер Миккелсен стояла посреди толпы, инородное тело в море веселья. По залам, словно по своей воле, двигались столы с едой. Гости ели сами, кормили друг друга. В одной из комнат с потолка свисало множество шлангов с крапами на конце. Желаящие могли

утолить жажду вином, виски, коньяком. Еще в одной комнате царил полная темнота, но кто-то там был.

— Смотрите! — воскликнул Брутон.

Мы наблюдали, Ворнан — с некоторым интересом, я — с грустью. Пальцы Брутона с маниакальной скоростью летали по клавиатуре компьютера. В комнатах наверху зажигались и гасли огни, пол и потолок менялись местами, механические существа летали между истерически визжащих, хохочущих гостей. Дом трясло. Я уж подумал, что сейчас протестующе разверзнется Земля и зальет все потоком лавы.

— Пять тысяч киловатт в час, — вскричал Брутон.

Он схватился обеими руками за серебряный шар диаметром в фут, увенчивающий толстый стержень, и потянул его на себя. Мгновенно одна из стен зала управления скользнула в толщу земли, открыв исполинский цилиндр МГД-генератора, уходящий вниз. Стрелки на дисках приборов выплясывали сумасшедший танец, контрольные лампочки сияли зеленью и багрянцем. Пот катился по лицу Брутона, расписывающего нам параметры установленной под особняком энергетической установки. Он пел нам безумную песню киловатт. Хватался за толстые кабели и гладил их, словно живое существо. Он позвал нас, и вслед за ним мы спускались все ниже и ниже, в чрево подземелья. Уэсли Брутону принадлежала компания, питавшая электричеством полматерика, и у меня возникли ощущения, что вся эта энергия создавалась здесь, у наших ног, с одной целью — вдохнуть жизнь и поддержать в рабочем состоянии архитектурный шедевр Олберта Нгамби. Воздух на такой глубине дышал жаром. Пот катился по моим щекам. Брутон рванул пуговицы рубашки, обнажив голую, без единого волоска кожу, под которой перекатывались литые мышцы. Ворнана Девятнадцатого жара нисколько не беспокоила. Танцующей походкой шел он рядом с Брутоном, говорил мало, но подмечал все, ни в малой мере не поддаваясь возбуждению, излучаемому нашим хозяином.

Мы достигли нижнего уровня. Брутон гладил железный бок генератора, словно женскую грудь. Внезапно до него дошло, что Ворнан Девятнадцатый не выражает должного восторга при виде открывшихся ему чудес. Он резко повернулся к нему.

— Там, откуда вы пришли, есть что-либо похожее? Есть у вас дом, который может сравниться с моим?

— Я в этом сомневаюсь, — мягко ответил Ворнан.

— Как живут у вас люди? В больших домах?

— Мы отдаем предпочтение простоте.

— Значит, вы никогда не видели такого дома, как мой! За тысячу лет не построили ничего, что может сравниться с ним! — Брутон помолчал. — Но... разве мой дом не существует в вашем времени?

— Мне об этом ничего не известно.

— Нгамби обещал мне, что он простоит по меньшей мере тысячу лет! Пять тысяч! Ни у кого не поднимется рука уничтожить такой дом! Ворнан, попытайтесь припомнить. Он должен сохраниться. Памятник прошлого... символ древней истории...

— Может, и сохранился. Видите ли, эта территория лежит за пределами Централити. И я не знаю, что там есть, а чего — нет. Однако мне представляется, что примитивный, грубый стиль этого сооружения мог показаться неприемлемым для тех, кто жил в эпоху Очищения, когда многое изменилось. И нетерпимость приводила к уничтожению того, что можно было и сохранить.

— Примитивный... грубый... — бормотал Брутон. Он так побагровел, что я даже испугался, а не хватит ли его апоплексический удар. Я уже жалел, что позволил Крейлику втянуть меня в эту историю.

А Ворнан продолжал сыпать соль на рану миллиардера.

— Несомненно, такой дом ничуть нам бы не помешал. Наоборот, принес бы много пользы. Мы могли бы устраивать здесь фестивали, к примеру, праздновать приход весны, — Ворнан улыбнулся. — Мы бы даже пошли на возвращение зимы, чтобы иметь возможность отметить смену сезонов. И танцевали и развлекались бы в вашем доме, сэр Брутон. Но скорее всего он исчез в пучине времени, сотни лет тому назад. Полной уверенности, однако, у меня нет.

— Вы насмехаетесь надо мной? — взревел Брутон. — Смейтесь над моим домом? Я для вас всего лишь дикарь? А вы... Я почел за лучшее вмешаться.

— Вы — специалист по электричеству, мистер Брутон, а потому вас наверняка интересует, какие источники энергии используются в тринадцатом веке. В одном из интервью, которое Ворнан дал несколько недель тому назад, он что-то сказал насчет автономных устройств, обеспечивающих полное преобразование энергии. Может, он пояснит свои слова, если вы зададите ему несколько вопросов.

Злость Брутона как ветром сдуло. Он вытер со лба пот.

— Это еще что? — пробурчал он. — Расскажите мне о них.

Ворнан развел руками.

— К сожалению, я не силен в технике.

— Так скажите хоть что-нибудь!

— Да, да, — поддержал я его, помня о просьбе Брайнта и решив, что настал подходящий момент. — Этот способ полного преобразования энергии. Как давно он используется?

— О... очень давно. Во всяком случае, придумали его задолго до моего рождения.

— А когда именно?

— Триста лет тому назад? — спросил он себя. — Пятьсот? Восемьсот? Мне сложно оперировать такими цифрами. Давно это было... очень давно.

— В чем он состоит? — спросил Брутон. — Какие размеры энергетической установки?

— Она очень маленькая, — уклончиво ответил Ворнан и коснулся руки Брутона. — Не могли бы мы подняться наверх? А не то весь праздник пройдет без нас.

— Вы хотите сказать, что полностью исключили передачу энергии на расстояние? — гнул свое Брутон. — Каждый сам производит энергию? Как я здесь?

Мы поднимались по узкой лесенке, а Брутон продолжал бомбардировать Ворнана вопросами. Внес свою лепту и я, пытаясь добиться, когда же произошел этот знаменитый переворот в энергоснабжении, надеясь, что Ворнан вспомнит точную дату, отстоящую от нашего времени хотя бы на век-другой, и я смогу облегчить Джеку душу. Ворнан отделивался неопределенными фразами, уходя от прямых ответов. Его нежелание поделиться с нами конкретными сведениями вновь возродило заглушенные было подозрения. Мы требовали от него невозможного. Что он мог рассказать о будущем, являясь нашим современником? Как я мог поверить, пусть и на короткое время, что он не мошенник? В зале управления Ворнан нашел довольно простой способ ускользнуть от наших назойливых вопросов. Он подошел к одному из пультов, ослепительно улыбнулся Брутону.

— Это удивительная комната. Я от нее в восторге.

После чего повернул три рубильника, нажал четыре кнопки и дернул какую-то рукоятку.

Брутон завопил от ужаса. Погасло освещение. Полетели сполы искр. Сверху донеслась какофония скрипа, клацания, скрежета. Две движущиеся дорожки остановились. Генератор натужно загудел. Ожил один экран: мы увидели большой зал, сбившихся в кучу перепуганных гостей. Замерцали красные огни тревоги. Весь дом трясся. Комнаты летали вокруг комнат. Брутон лихорадочно пытался взять ситуацию под контроль, что-то поворачивая, где-то нажимая, но каждое его движение, похоже, только усиливало сумятицу. Взорвется ли генератор, думал я? Обрушится ли дом на наши головы? Я вслушивался в поток проклятий, от которого Колфф пришел бы в экстаз. Под ногами и над головами хрипели машины. На экране возникло размытое изображение Элен Макилуэйн. Теперь она уже сидела на плечах печального Сэнди Крейлика. Надсадно выли сирены. Более я не мог оставаться под землей. Где Ворнан Девятнадцатый? В темноте я потерял его из виду. Я двинулся вперед в поисках выхода из зала управления. Нашел дверь. Словно в конвульсиях, она то открывалась, то закрывалась, скользя взад-вперед по пазам. Уловив ритм ее движения, я выбрал момент и рванул. Дверь едва не отхватила мне ногу.

— Ворнан! — крикнул я.

Зеленоватый туман наполнял помещение, в которое я попал. Потолок изгибался под немыслимыми углами. Гости

Брутона лежали на полу, кто без сознания, кто рапен, по одна пара пылко обнималась, не замечая ничего вокруг. Мне показалось, что я углядел Ворнана в соседней, слева от себя, комнате, но допустил ошибку, прислонившись к стене. Она вертанулась и перебросила меня в какой-то чулан, где мне пришлось присесть на корточки: потолок отделяли от пола лишь пять футов. Миновав его, я толкнул сдвижной экран и оказался в главном зале. Винный водопад превратился в фонтан, бьющий в потолок. Гости бесцельно бродили вокруг него, тянулись друг к другу за поддержкой и утешением. Под ногами механические пчелы убрали мусор: полдюжины их поймали одну из птиц Брутона и теперь методично растаскивали по частям. Никого из членов нашего комитета я не увидел. Весь дом ходил ходуном.

Я готовился к смерти, смирившись с тем, что погибну в особняке сумасшедшего, согласившись выполнять абсурдную миссию. Но продолжал прокладывать путь сквозь дым и шум, проталкиваясь мимо что-то кричащих гостей, проходя через сдвижные стены, по поворачивающимся полам. Вновь я увидел Ворнана, идущего впереди. Я с маниакальной пастырностью устремился за ним, считая своим долгом догнать и вывести его из этого дома, прежде чем он совсем развалится. Но передо мной возник барьер, преодолеть который я не мог. Невидимый, он преграждал мне путь.

— Ворнан! — вновь позвал я, ибо уже ясно видел его.

Он беседовал с высокой, симпатичной женщиной средних лет, которую происходящее абсолютно не тревожило.

— Ворнан! Это я, Лео Гарфилд!

Но он ничего не слышал. Взял даму под руку, и вдвоем они неторопливо двинулись сквозь хаос. Я забарабанил кулаками по невидимой стене.

— Тут вам не пройти, — раздался у моего уха хрипловатый женский голос. — Вам не прошибить ее и за миллион лет.

Я повернулся. Передо мной стояла девушка лет девятнадцати, не старше, стройная, хрупкая, с головы до ног покрытая серебром. Волосы, глаза, губы, платье — сплошь матовая белизна. Присмотревшись, я понял, что платье-то и нет. Его заменял слой краски. Я различил соски, пупок, выпирающие кости по обе стороны плоского живота. От шеи до ступней ее покрывало серебро, и в сумеречном свете казалось, что передо мной не человек, а привидение. Раньше я ее не видел.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Брутон повел нас в зал управления на экскурсию. Ворнан нажал какие-то кнопки. Я думаю, дом сейчас взорвется.

Она поднесла серебряную руку к серебряным губам.

— Нет, до этого не дойдет. Но нам лучше выбраться отсюда. Если начнется хаотическое движение комнат, нас всех

может передавать, прежде чем восстановится нормальный режим. Следуйте за мной.

— Вы знаете, как выбраться отсюда?

— Конечно! Не отставайте! В трех комнатах отсюда выходной люк... если только он не переместился.

Больше я вопросов не задавал. Зачарованный ее серебристыми ягодицами, помчался следом. Шла она быстро, чуть ли не бежала, и вскоре я уже задыхался от усталости. Мы перепрыгивали через пороги, которые извивались, словно змеи, переступали через тела мертвецки пьяных, протискивались мимо тех, кто еще держался на ногах. Никогда я не видел чего-либо более прекрасного, чем эта ожившая статуя, обнаженная, стремительная, рвущаяся к цели. Наконец она застыла перед вибрирующей панелью.

— Это здесь.

— Где?

— Здесь.

Стена разверзлась. Она толкнула меня в открывшуюся черпоту, шагнула за мной, протиснулась вперед, на что-то нажала, и мы оказались вне дома.

И тут же на нас обрушился ледяной порыв январского ветра. Я забыл про зиму: весь вечер мы находились в помещении. И внезапно попали на мороз. Я — в легком костюме, она — вообще прикрытая лишь слоем серебряной краски в молекулу толщины. Девушка обо что-то споткнулась и, словно звездочка, упала в сугроб. Я помог ей встать. Куда же нам деваться? Дом громыхал, словно обезумевший робот. До того как мы выскочили наружу, девушка точно знала, что нужно делать. Теперь же она стояла, дрожащая и испуганная. И решение пришлось искать мне.

— Автостоянка!

Мы бросились к ней. Нас разделяла четверть мили, но на этот раз там не было крытой дорожки. Мы бежали по мерзлой земле, снежным сугробам и голому льду. В охватившем меня возбуждении я не замечал холода, а вот девушке досталось изрядно. Она несколько раз падала, прежде чем мы достигли стоянки. Экипажи богатых и могущественных, разумеется, охранялись, но механические стражи не задержали нас. Авария в зале управления вывела их из строя, и они лишь гудели, то зажигая, то гася прожектора. Я потянул девушку к ближайшему лимузину, распахнул дверцу, втолкнул ее внутрь, упал рядом с ней.

В салоне было тепло и уютно. Она лежала, тяжело дыша и дрожа всем телом.

— Обними меня! — выдохнула она. — Я зачоченела!

Мои руки сомкнулись на ее спине. Ее хрупкое тело прижалось к моему. Мгновение спустя от ее паники не осталось и следа, она согрелась, к ней вернулось прежнее самообладание. Руки ее гладили мои плечи. С готовностью проглотил я серебряную приманку. Мои губы слились с ее, и я по-

чувствовал вкус металла. Ее холодные бедра обвили мою талию. На мгновение мне показалось, что в объятьях моих механическая кукла, но тепло тела тут же прошло сквозь тончайшую пленку. Неловким движением я коснулся серебряных волос. Оказалось, что это парик. Он отлетел в сторону, обнажив ее череп, гладкий как бильярдный шар. Тут я понял, с кем свела меня судьба: подо мной лежала дочь Брутона. От него унаследовала она полное отсутствие волос. Она вздохнула и потянула меня в сладостное забытие.

Глава 9

— Мы потеряли контроль над происходящим, — признал Крейлик. — В следующий раз будем более бдительными. Кто из вас сопровождал Ворнана, когда он оказался в зале управления?

— Я, — не замедлил я с ответом. — Мы не имели ни единого шанса предотвратить случившееся. Ни Брутон, ни я ничего подобного от него не ожидали.

— С ним надо постоянно держаться настороже, — печально вздохнул Крейлик. — В каждый момент ждать от него любого сюрприза. Я уже не раз твердил вам об этом.

— Нам от природы свойствен рационализм поступков, — ответил Хейман. — И не очень-то легко приспособляться к такой личности.

Прошел день с погрома в сказочном особняке Уэсли Брутона. К счастью, обошлось без жертв. Крейлик вызвал национальную гвардию, и всех гостей успели вывести через пульсирующие, качающиеся стены. Нашли и Ворнана Девятнадцатого. Он спокойно стоял в сотне шагов, с интересом наблюдая за конвульсиями особняка. Со слов Крейлика мы узнали, что причиненный урон исчисляется сотнями тысяч долларов. Администрация взяла эти расходы на себя. Успокаивать разгневанного магната пришлось Крейлику. Но уж, по крайней мере, тот не мог сказать, что пострадал безвинно. Если б не его желание произвести впечатление на человека из будущего, ничего бы не случилось. Брутон, несомненно, видел документальные съемки походов Ворнана в европейских столицах и знал, к каким результатам приводили его непредсказуемые действия. Однако Брутон стоял на банкете в честь путешественника во времени и сам же провел его в зал управления. Так что я не испытывал к нему жалости. Впрочем, как и к его гостям. Они пришли, чтобы поглазеть на Ворнана и повыпендриваться перед ним. Что ж, желаемое они получили, и я не видел собой беды в том, что Ворнан пощекотал им нервы.

Однако и Крейлик имел основания для неудовольствия. Именно нам вменялось в обязанность оберегать Ворнана от подобных инцидентов. Мы же, при первом выходе в свет с

человеком из будущего, отнеслись к порученному нам делу без должной ответственности.

Сегодня предстояло продолжение культурной программы.

Путь наш лежал на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Я понятия не имею, как она попала в список достопримечательностей, которые администрация решила показать Ворнану. Уж оп-то наверняка туда не рвался. Скорее всего кто-то из бюрократов решил, что гость нашего времени обязательно должен взглянуть на бастион капиталистической системы. Я чувствовал себя таким же пришельцем, ибо никогда не бывал на бирже да и не имел с ней никаких дел. Пожалуйста, поймите, это не снобизм ученого. Будь у меня время и желание, я бы с удовольствием поучаствовал в биржевой игре с акциями «Консолидейтид систем майнинг» или «Юнайтид алтроник». Но я получал хорошее жалованье, имел приличный доход с оставленного мне наследства, так что ни в чем не нуждался. А жизнь слишком коротка, чтобы перепробовать все удовольствия.

Крейлика вызвали на совещание в Вашингтон. Так что от администрации нас в тот день сопровождал молчаливый молодой парень по фамилии Холидей, всем своим видом показывавший, что это поручение не доставляет ему особой радости. В одиннадцать часов мы тронулись в путь: Ворнан, наша семерка, Холидей плюс члены комитета, несколько мелких чиновников, шестеро журналистов и охрана. По предварительной договоренности в этот день галерею, откуда туристы могли наблюдать за тайнствами биржи, закрыли для всех, кроме нашей компании. С Ворнаном хлопот хватало, поэтому мы решили ограничить круг его общения.

Колонна наших лимузинов с мотоциклетным эскортом торжественно подкатила к огромному зданию. На лице Ворнана читалась вежливая скука. За все утро он не сказал ни слова. Я боялся его молчания. Подозревал, что он припас нам очередную гадость. Но он словно отключился от реальности. Куда подевались все замечающий взгляд и лучезарная улыбка. С бесстрастным лицом, ушедший в себя, он напоминал туриста, для которого, собственно, и предназначалась галерея.

Открывшийся нам вид производил неизгладимое впечатление. Вне всякого сомнения, нас привели в дом денежных королей.

Сверху вниз смотрели мы на зал, длиной и шириной не меньше тысячи футов, с потолком, отстоящим от пола футов на сто пятьдесят. В центре возвышался главный финансовый компьютер — сверкающая колонна диаметром в двадцать ярдов, уходящая под потолок. Каждая мало-мальски значимая брокерская контора имела к нему непосредственный доступ. Внутри его сверкающей оболочки находилось бессчетное количество реле, микроскопически малых ячеек памяти, телефонных контактов, банков данных. Одного бы выстрела из лазерного ружья вполне хватило, чтобы вывести

из строя этого колосса, держащего на своих плечах финансовую структуру человеческой цивилизации. Я искоса глянул на Борнана, гадая, какую дьявольскую шутку замыслил он на этот раз. Но происходящее на бирже не слишком интересовало его.

По периферии центральной колонны-компьютера располагались небольшие, похожие на клетки кабинки, числом тридцать или сорок, вокруг каждой толпились возбужденные, жестикулирующие брокеры. Пол между кабинками усыпал листы бумаги. Повсюду сповали мальчишки-посыльные. Информация, выдаваемая компьютером, одновременно высвечивалась на гигантской «бегущей строке», опоясывающей зал. Суета и огромное количество выброшенной бумаги удивили меня. Компьютеры, похоже, ничего не изменили на бирже. Убери центральную колонну — и не поймешь, какой год на дворе, 1999-й или 1949-й. Я не учел склонности брокеров к сохранению традиций. Люди, имеющие дело с деньгами, консервативны, если не по образу мышления, то уж в привычках. Они хотели, чтобы все оставалось, как было всегда.

Пять или шесть директоров биржи пришли поприветствовать нас. Поджарые, седовласые джентльмены, все в строгих старомодных костюмах. Как я мог смело предположить, все они были баснословно богаты. Не понимал я другого: почему вместо того чтобы наслаждаться жизнью, они предпочитают круглыми днями торчать в этом доме? С нами они держались весьма дружелюбно. Полагаю, точно так же принимали бы они и делегацию из какой-нибудь социалистической страны, еще отрицающей основные принципы посткапиталистического общества, скажем, убежденных марксистов-ленинцев из Монголии. Они перезнакомились с нами, и, похоже, появление на их галерее ученых знаменитостей обрадовало их не меньше, чем приход человека из будущего.

Президент фондовой биржи, Самюэль Нортоп, произнес короткую, энергичную речь. Высокий, ухоженный, общительный, несомненно, довольный местом, занимаемым в жизни. Он коснулся истории возглавляемой им организации, привел некоторые статистические данные, похвалился новым зданием биржи, построенным в 80-х годах, и закончил так:

— Теперь наш гид покажет вам, как осуществляются биржевые операции. Когда осмотр закончится, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы, особенно на те, что касаются философских аспектов нашей системы. Я уверен, что здесь вы найдете для себя много интересного.

Гидом оказалась девушка лет двадцати с короткими рыжеватыми волосами, в серой униформе, скрывающей достоинства ее фигуры. Она пригласила нас к ограждению.

— Под нами торговый зал Нью-Йоркской фондовой биржи. В настоящий момент на торги выставлены четыре тысячи сто двадцать пять обычных и привилегированных акций. В центре зала вы видите колонну нашего главного компьютера.

Она уходит на тринадцать этажей вниз и поднимается на восемь вверх. Из ста этажей этого здания пятьдесят один полностью или частично используется для обслуживания компьютера, включая программирование, расшифровку текущей информации, техническое обеспечение, хранение полученных ранее данных. Все сделки, заключенные в торговом зале биржи или в ее филиалах в других городах и странах, тут же фиксируются компьютером. Таких филиалов у нас одиннадцать: в Сан-Франциско, Чикаго, Лондоне, Цюрихе, Милане, Москве, Токио, Гонконге, Рио-де-Жанейро, Аддис-Абебе и Сиднее. Так как расположены они в различных часовых поясах, продажу и покупку акций можно вести практически круглосуточно. Нью-Йоркская биржа, однако, по традиции открыта с десяти утра до половины третьего дня. Все сделки, заключенные в «нерабочее время», обрабатываются компьютером, и к утру брокеры получают готовые распечатки. Дневной объем продаж торгового зала биржи составляет примерно триста пятьдесят миллионов акций, примерно в два раза больше акций продается и покупается в наших филиалах. Несколько десятков лет тому назад такие цифры называли бы фантастическими.

Теперь позвольте объяснить вам, как происходит покупка и продажа акций.

Допустим, что вы, мистер Ворнан, желаете купить сто акций «Икс-игрек-зет спейс транзит корпорейшн». Во вчерашней сводке вы увидели, что текущая рыночная стоимость одной акции — сто долларов, то есть вы должны инвестировать примерно четыре тысячи долларов. Первым делом вы должны связаться с вашим брокером. Для этого достаточно снять телефонную трубку и набрать соответствующий номер. Вы передаете ему свой заказ, а он незамедлительно переадресует его в торговый зал. Там ваш заказ попадает в банк данных, в котором хранятся все сведения об операциях с акциями «Икс-игрек-зет спейс транзит корпорейшн», где он и фиксируется. Компьютер проводит аукцион, как это делается с зарегистрированными на бирже акциями с 1792 года. Предложения о продаже акций «Икс-игрек-зет» сопоставляются с заявками на их покупку. Со скоростью света он определяет, что из себя представляют продавец, предлагающий сто акций по сорок долларов за штуку, и покупатель, готовый заплатить такую цену. Сделка совершается, о чем и уведомляет вас брокер. С вас также берутся комиссионные брокеру и небольшая сумма на оплату компьютерных услуг биржи. Часть этих денег идет в пенсионный фонд тех сотрудников биржи, что обеспечивали куплю-продажу акций до наступления компьютерной эры.

Раз все управляется компьютерами, у вас может возникнуть логичный вопрос: а что делают в торговом зале все эти люди? Все, что вы видите, — лишь дань традициям Нью-Йоркской фондовой биржи. Хотя нужды в этом более нет,

мы сохраняем некоторое число брокеров, которые покупают и продают акции, как это делалось в прежние времена, до появления компьютеров. Позвольте рассказать вам...

Четким, хорошо поставленным голосом она начала объяснять происходящее внизу. И вскоре я понял, что все это не более, чем цирк, ибо в конце дня все сделанные покупки признаются недействительными. Всем заправляет компьютер. А шум, засыпанный бумагами пол, картинные жесты — художественное воспроизведение давно минувших дней, спектакль, который играют люди, потерявшие цель в жизни. Завораживающее и печальное зрелище являли они: ритуал обращения денег, приводной ремень капитализма. Старые брокеры, не ушедшие на пенсию, участвовали в этом забавном ежедневном представлении, которое игралось вокруг компьютера, того самого, что десять лет назад лишил их работы, сверкающего символа их практической ненужности.

Наш гид говорила и говорила об акциях, включаемых в биржевой список, об индексе Доу-Джонса, расшифровывала символы, проплывающие по экрану, растолковывала нам, кто такие «быки», а кто — «медведи», что такое продажа на срок или предписываемая законом маржа.

Рассказ ее произвел должное впечатление. Я, никогда не игравший на бирже, почувствовал непреодолимое желание позвонить своему брокеру, знать бы, где его найти, чтобы внести свою лепту в это фантастическое действо.

Гид смолкла. Радостно улыбаясь, подошел мистер Нортон, президент фондовой биржи.

— Теперь, если у вас есть еще вопросы...

— Есть, — прервал его Ворнап. — Так для чего, собственно, нужна фондовая биржа?

Нортон побагровел. Столь подробные объяснения... и уважаемый гость спрашивает, а что все это значит? Недоумение отразилось и на наших лицах.

— Следует ли из ваших слов, мистер Ворнап, — обратился к нему, придя в себя, президент биржи, — что в ваше время, время, из которого вы прибыли к нам, нет такого понятия, как обмен ценными бумагами?

— Никогда об этом не слышал.

— Может, у вас используется иное название?

— Не могу подобрать эквивалента.

Долгая пауза.

— Так как же вам удастся переход из рук в руки части акционерной собственности?

Никакой реакции. Лишь легкая, возможно, насмешливая, улыбка Ворнапа.

— В вашем времени есть акционерная собственность?

— Прощу меня извинить. Я изучал ваш язык непосредственно перед путешествием сюда, но в знаниях моих много провалов. И если вас не затруднит объяснить мне на элементарном уровне...

Хладнокровия и доброжелательности Самюэля Нортон как не бывало. Щеки его побагровели, глаза засверкали. Нечто подобное произошло и с Уэсли Брутоном, когда тот узнал от Ворнана, что его великолепный особняк, построенный на века, словно Пантеон или Тадж-Махал, затерялся в столетиях, и если и существует, то уж наверняка не используется по назначению, а являет собой забавный пустячок, свидетельство бестолковости древних. Президент биржи и представить себе не мог, что Ворнан абсолютно ничего не знает о его любимом дитяте.

— Акционерное общество... это компания, — начал Нортон. — Группа людей собирается вместе с тем, чтобы получить прибыль. Чтобы производить какой-либо продукт, оказывать некие услуги...

— Прибыль, — Ворнан словно пробовал слово на вкус. — Что такое прибыль?

Нортон прикусил губу и промокнул носовым платком выступивший на лбу пот. После короткой паузы продолжил:

— Прибыль — это превышение вырученных средств над затратами. Как говорят, добавочная стоимость. Главная цель акционерного общества или корпорации — получение прибыли, которую затем можно разделить между ее владельцами. При этом необходимо обеспечить высокую производительность труда, дабы издержки производства оказались ниже цены, которая диктуется условиями рынка. Причина, по которой люди объединяются в акционерные общества вместо того...

— Извините, я за вами не поспеваю, — прервал его Ворнан. — Мне бы попроще. Цель корпорации — получить прибыль, чтобы потом разделить ее между владельцами, так? Но кто такой владелец?

— Я как раз к этому и подхожу. В юридическом смысле...

— И какая польза от этой прибыли?

Я чувствовал, что Ворнан сознательно заводит президента биржи. В тревоге посмотрел на Колффа, Элен, Хеймана. Те вроде бы ничего не замечали. Холидей, приставленный к нам представитель администрации, чуть хмурился, возможно, потому, что вопросы Ворнана Девятнадцатого казались ему очень уж скучными.

Ноздри Нортон зловеще раздулись. С огромным трудом ему удавалось сдерживаться. Один из репортеров, от которого не укрылась перемена в настроении президента биржи, приблизился к нему. Яркая вспышка фотокамеры еще более рассердила Нортон.

— Следует ли из ваших слов, — медленно процедил он, — что в вашей эре акционерное общество неизвестно даже как понятие? А деньги вышли из обращения?

— Боюсь, что должен ответить утвердительно, — с улыбкой проинформировал его Ворнан. — Анализируя ваши объяснения, я не могу подобрать каких-либо эквивалентов.

— И такое случилось в Америке? — спросил Нортон.

— Америки у нас тоже нет. Я прибыл из Централити. Не могу подобрать сообразных понятий. Мне трудно даже приблизительно...

— Америка исчезла? Как и когда могло такое случиться?

— О, полагаю, в эпоху Очищения. Тогда изменилось многое. Давно это было. Америка для меня новое слово.

Эф. Ричард Хейман не замедлил воспользоваться представившейся возможностью выудить из Ворнана интересующие его сведения.

— Кстати, об эпохе Очищения, которую вы только что упомянули. Мне хотелось бы знать...

Но его прервал негодующий голос Самюэля Нортон:

— Америка исчезла? Капитализм приказал долго жить? Такое просто невозможно! Говорю вам...

Один из его помощников торопливо подскочил к нему и что-то зашептал. Президент биржи кивнул. Взял из руки помощника фиолетовую капсулу и коснулся ее ультразвуковой насадкой запястья левой руки. Последовал легкий хлопок, судя по всему, Нортон ввел себе какой-то транквилизатор. Затем глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Не хочу скрывать от вас, что мне трудно поверить в ваши слова, — говорил он уже более спокойно. — Мир без Америки. Мир без денег. Неужели у вас там коммунизм?

Повисла тяжелая тишина. Телекамеры скользили по нашим лицам, отражающим злость, неверие, тревогу. Наконец Ворнан прервал затянувшееся молчание.

— Это еще один термин, которого я не понимаю. Прошу извинить меня за столь вопиющее невежество. Боюсь, мой мир совсем не похож на ваш. Однако... — тут последовала одна из его ослепительных улыбок, — я прибыл сюда, чтобы познакомиться с вашей жизнью. Пожалуйста, расскажите мне, для чего нужна ваша фондовая биржа.

Но Нортон не мог отойти от обрисованных Ворнаном контуров будущего.

— Одну минуту. Пожалуйста, сначала скажите мне, как у вас происходит приобретение товаров? На чем основана ваша экономическая система?

— У нас есть все, что нужно каждому. Удовлетворяются все наши потребности. Но вернемся к акционерной собственности...

Нортон в отчаянии закрыл глаза. Такого будущего он не желал ни себе, ни кому-либо еще. Мир без экономики, мир, где ни одно желание не остается невыполненным. Возможно ли такое? Или Ворнан сознательно опускал любые подробности? У меня создалось впечатление, что меня обманывают. А вот Нортон искренне расстроился. Дал знак одному из сотрудников биржи заменить его. Тот решительно выступил вперед.

— Давайте начнем с самого начала. Итак, у нас есть компания, которая производит какой-то продукт. Компания при-

надлежит группе людей. В юриспруденции есть понятие, известное как ответственность. Оно означает, что владельцы отвечают за действия компании, противоречащие закону. Чтобы снять с себя эту ответственность, они создают воображаемое общество, которое становится ответчиком по всем выставленным претензиям. Теперь, раз каждый из владельцев компании имеет свою долю корпорации, мы можем выпустить акции, ценные бумаги, определяющие, какая часть собственности...

И пошло, поехало. Начальный курс экономики.

Ворнан сиял. Слушал, не перебивая, пока представитель биржи не начал объяснять, что происходит, когда один из владельцев желает продать свою долю акций, как функционирует аукционная система, позволяющая получить за акции максимальную цену. Вот тут Ворнан и признался, что такие понятия, как собственность, корпорация и прибыль, не говоря уже о переводе дивидендов, для него по-прежнему тайна за семью печатями. Я видел, что сделал он это намеренно, чтобы вывести лектора из себя. Он играл роль человека из Утопии, допытывающегося, как устроено наше общество, чтобы затем игриво признаться в незнании основополагающих принципов, на которых оно зиждется. Сотрудников биржи такая тактика загоняла в угол. Они и представить себе не могли подобного невежества. Даже ребенок знал, что такое деньги и чем занимаются корпорации, пусть и не все понимали, что такое ограниченная ответственность.

Принимать участие в этой забаве мне не хотелось. И потому я предпочел понаблюдать за торговым залом. А взглянув на «бегущую строку», увидел:

ФОНДОВАЯ БИРЖА ПРИНИМАЕТ ЧЕЛОВЕКА ИЗ БУДУЩЕГО. ВОРНАН ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ НА ГАЛЕРЕЕ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ.

Объявление сменилось текущей информацией о продаже акций и изменении в котировках, но не осталось незамеченным. Липовые продажа и покупка сошли на нет, тысячи лиц обратились к балкону. Раздались приветственные крики. Брокеры замахали руками. Они сбивались в кучки, указывали на нас пальцами. Что их интересовало? Индекс Доу-Джонса в январе 2999 года? Или внешность Ворнана Девятнадцатого? Ворнан стоял у поручня, улыбаясь, высоко подняв руки, словно благословляя капитализм. Ритуальные жесты, последнее утешение финансовых динозавров.

— Странно они себя ведут, — пробурчал за нашими спинами Нортон. — Мне это не нравится.

Холидей отреагировал мгновенно.

— Выводим Ворнана, — бросил он охраннику, что стоял рядом со мной. — Пока не началась заваруха.

Брокеры продолжали приветствовать Ворнана. Некоторые требовали, чтобы он спустился к ним. Ворнан стоял у поручня, широко улыбаясь.

На «бегущей строке» появилась надпись:
ОБЪЕМ ПРОДАЖ К ПОЛУДНЮ: 197 452 000.

За ней последовала другая:

ИНДЕКС ДОУ-ДЖОНСА: 1627, 51, РОСТ НА 14,32 ПУНКТА.

В торговом зале произошли изменения: брокеры устремились к лестнице на галерею, чтобы пообщаться с Ворнаном. Наша группа рассыпалась, как карточный домик. Я уже начал привыкать к быстрой смене обстановки. Схватил за руку стоявшую рядом Эстер Миккелсен, хрипло прошептал:

— Пора идти, сейчас опять начнется. Ворнан в своем репертуаре!

— Но он же ничего не делал! — возразила мне Эстер.

Я уже тянул ее к двери. Оглянувшись, увидел, что Ворнан следует за нами в окружении охранников. Мы зашагали вниз по длинному коридору, опоясывающему здание. Сзади доносились бессвязные крики. Навстречу ехал робот-электромобиль. Мы посторонились. Что, интересно, высветилось сейчас на «бегущей строке»? БРОКЕРЫ ПОСХОДИЛИ С УМА?

— Сюда, — указала Эстер на дверь.

Кабина лифта, быстрый спуск вниз... и мы на Уолл-стрит. Нарастающий вой полицейских сирен. Я вновь оглянулся. Ворнан рядом, тут же Холидей и журналисты.

— По машинам! — скомандовал Холидей.

Мы ретировались без потерь. Потом нам сообщили, что во время нашего посещения Нью-Йоркской фондовой биржи индекс Доу-Джонса упал на 8,51 пункта, а два пожилых брокера умерли от сердечного приступа, вызванного волнением. В тот же вечер, при отъезде из Нью-Йорка, Ворнан обратился к Хейману: «Как-нибудь вы должны рассказать мне о капитализме. Что-то в нем есть».

Глава 10

Визит компьютеризованного публичного дома в Чикаго доставил нам куда меньше хлопот. Разумеется, ни у кого из чиновников и в мыслях не было включать бордель в список достопримечательностей, но Ворнан сам настоял на этом. Впрочем, никто особо и не упирался, поскольку существование подобных заведений не противоречило закону, да и пользовались они немалой популярностью. Короче, власти решили не строить из себя пуритан.

Не был пуританином и Ворнан, что, собственно, мы и поняли с первого дня нашего знакомства. Ибо не замедлил пригласить в свою постель Элен Макилуэйн, о чем она похвасталась нам. Судя по всему, побывала там и Эстер, хотя ничего не говорила об этом, а мы, разумеется, не спрашивали. Показав всем, что секс для него — любимое занятие, Ворнан пожелал ознакомиться с прелестями компьютеризованного публичного дома. Как он пояснил Крейлику, «этот визит послужит большему пониманию тайнств капиталистической си-

стемы». Крейлик, однако, не сопровождал нас на Нью-Йоркскую биржу, а потому не оценил шутки.

Меня определили в провожатые Ворнану. Крейлик сам, смущаясь, попросил меня об этом. О том, чтобы отпустить Ворнана куда-либо одного, не могло быть и речи, а Крейлик уже достаточно разобрался в моем характере, чтобы знать, что возражений с моей стороны не последует. Согласился бы, кстати, и Колфф, правда, от него было бы много шума, а вот Филдз и Хейман для подобных поручений никак не подходили, считая проституцию аморальным явлением. Так что во второй половине дня мы с Ворнаном отправились на поиски эротических приключений.

Нас привезли к черному, строгим форм зданию, высотой в тридцать этажей, без единого окна. Табличка, свидетельствующая о предназначении заведения, в которое мы направлялись, на двери отсутствовала. Я с тяжелым чувством переступал порог, гадая, что учинит здесь Ворнан.

Ранее я никогда не бывал в подобных местах. Не подумайте, что хвастаюсь, но у меня не было необходимости покупать сексуальные удовольствия за деньги. Желающих переспать со мной всегда хватало, и дополнительной оплаты, помимо оказанных мною услуг, никто не требовал. Однако я всецело одобрил закон, разрешающий открытие домов терпимости. Разве секс не товар, который должен покупаться так же свободно, как еда и питье? Тем более что он жизненно необходим человеку. Да и государство получало немалый доход с этих заведений. Как я понимаю, именно последний довод оказался решающим даже для твердых сторонников пуританизма. И едва ли эти бордели открылись бы хоть в одном городе Америки, если б не постоянная нехватка средств в государственной казне.

Я не пытался объяснить все эти тонкости Ворнану Девятнадцатому. Его ставила в тупик сама идея денег, так что не имело смысла углубляться дальше, говорить о том, как деньги меняются на секс, а налоги с этих сделок направляются на повышение благосостояния всего общества. В холле он повернулся ко мне.

— Зачем нужны такие заведения вашим согражданам?

— Чтобы удовлетворять их сексуальные потребности.

— И они дают деньги за это удовлетворение, Лео? Деньги, которые они получили, выполняя какую-то другую работу?

— Да.

— А почему бы не выполнить эту работу непосредственно в обмен на удовлетворение сексуальных потребностей?

Я объяснил ему роль денег как меры стоимости и их преимущество над простым бартером. Ворнан улыбнулся.

— Интересная у вас система. Будет о чем поспорить по возвращении домой. Но почему нужно платить деньги за сексуальное удовольствие? Это же несправедливо. Женщина,

которую нанимают, приходя сюда, получает деньги плюс сексуальное удовольствие, то есть ей платят дважды.

— Удовольствия они не получают, — возразил я. — Только деньги.

— Но они же участвуют в половом акте. Так что получают удовольствие от мужчин, приходящих сюда.

— Нет, Ворнан. Они лишь позволяют себя использовать. Взаимного удовольствия нет. Они доступны каждому, а потому не находят физиологического удовлетворения в том, что делают.

— Но удовольствие неизбежно, когда одно тело сливается с другим, невзирая на мотив!

— Такого нет. Во всяком случае, у нас. Вы должны понимать...

Я замолчал. На его лице отразилось неверие. Более того, ужас. В то мгновение я увидел в Ворнане пришельца из иного времени. Принципы сексуальной этики нашего общества оскорбили его до глубины души, маска скучающего туриста исчезла, и передо мной предстал истинный Ворнан Девятнадцатый, потрясенный нашим варварством. Мне же не оставалось ничего другого, как задуматься о неисповедимости путей господних, об уготованном нам будущем. А потому, дабы не предаваться грустным мыслям, я предложил Ворнану следовать дальше.

Он согласился. Мы пересекли холл, устланный пружинящим пурпурным линолеумом. Остановились перед выложенной полированными мраморными плитами стеной с чередой кабинок. Перед экскурсией я получил подробные инструкции, а потому знал, что нас ждет. Ворнан вошел в одну кабинку, я — в соседнюю, слева от него.

Едва я сел, зажглась надпись на дисплее компьютера: «Пожалуйста, отвечайте на вопросы четко и громко. Если вы прочитали и поняли написанное, скажите «да».

— Да, — громко произнес я, подумав, а способен ли Ворнан прочитать текст. По-английски он говорил бегло, но это не означало, что он умеет читать. Я было приподнялся, чтобы зайти к нему и узнать, не требуется ли моя помощь, но компьютер борделя уже вступил со мной в диалог, так что я уже не мог оторваться от дисплея.

Его интересовали мои сексуальные вкусы.

— ЖЕНЩИНА?

— Да.

— МОЛОЖЕ ТРИДЦАТИ?

— Да, — после короткого раздумья.

— ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТ ВОЛОС?

Я помялся.

— Рыжеватые, — исключительно для разнообразия.

— ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ТИП ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ: ОПРЕДЕЛИТЕСЬ НАЖАТИЕМ КНОПКИ ПОД ЭКРАНОМ.

На экране возникли три женских контура: мальчиковая

фигура, с грудью и бедрами средних размеров и с гипертрофированными благодаря стероидам и силикону формами. Моя рука застыла над кнопками. Возникло искушение выбрать самую толстую, но я напомнил себе, что пришел сюда за разнообразием, а потому остановился на мальчишковой фигуре, такой же, как у Эстер Миккелсен.

Теперь компьютер перешел к способам половых сношений. Меня информировали, что извращения потребуют дополнительной оплаты. К моему удивлению, анальный секс стоил в пять раз дороже орального, а садизм, естественно, под строгим контролем, стоил куда больше мазохизма. Но я обошелся без плеток и сапог, не возникло у меня и желания кончить в пупок или в ухо. Пусть от этого получают удовольствие другие, в этих вопросах я — консерватор.

Определившись со способом, компьютер перешел к позиции. На экране появились двадцать или больше мужских и женских фигурок, совокупляющихся в самых разных позах, эдакие иллюстрации к «Кама-Сутра». Я бывал возле знаменитых индийских храмов, стены которых украшали каменные барельефы мускулистых мужчин и полногрудых женщин, Кришна и Радха* во всех мыслимых и немыслимых положениях. Конечно, компьютерному изображению недоставало той энергии, которойлучился камень под жаркими лучами солнца. Богатый выбор заставил меня призадуматься, но мне все же удалось справиться и с этим.

А потом пришел черед деликатных вопросов: компьютер пожелал узнать мое имя и идентификационный номер**.

Говорили, что это положение ввели в закон мстительные конгрессмены-ханжи в отчаянной борьбе против программы легализированной проституции. Логика у них была простая — никто не пойдет в бордель, зная, что информация о его визите останется в памяти компьютера и при необходимости может быть использована отнюдь не в благочестивых целях. Управляющие этими заведениями, конечно, выполняли выставленное условие, но клялись всеми богами, что сведения эти до скончания веков останутся за семью печатями и никоим образом не попадут в чьи-либо руки. Я полагаю, что некоторые действительно отказывались от посещения компьютеризованных публичных домов только из-за того, что их приход будет где-то отмечен. Но я, чего мог бояться я? Из профессорѳв меня могли выгнать только за аморальный проступок, но я не видел ничего аморального в посещении заведения, функционирующего под крылышком государства. Я назвал свои имя и идентификационный номер. И тут же подумал, как выкрутится из этой ситуации Ворнан: у него-то номера не было. Но, вероятно, в компьютерную программу ввели нужную поправку, потому что и он миновал этот этап.

* В индуистской мифологии пастушка, возлюбленная Кришны.

** Номер, присваиваемый каждому гражданину при рождении.

Из столика под дисплеем выдвинулся ящик. Там лежала маска, которую мне предложили надеть. Я повиновался. Термопластик плотно, словно вторая кожа, облегал лицо. Меня удивило, что такой тонкий материал может что-то скрыть. Но поймал свое изображение на потухшем экране и не узнал себя. Маска превратила меня в другого человека.

На экране появилась новая надпись: мне предлагалось пройти к двери. Тут же сдвинулась одна из стен кабинки. Я шагнул на уходящий вверх эскалатор. Слева и справа от меня поднимались и другие мужчины: возносящиеся души, с чужими лицами, напряженными телами. А вверху нас встречало слепящее сияние. С соседнего эскалатора мне помахали рукой. Ворнан! Я узнал его несмотря на маску. По миниатюрной фигурке, посадке головы, ауре, окружавшей его. Мгновение — и он исчез, растворился в ярком свете. Эскалатор поднял меня еще к одной кабинке, размерами чуть большей той, где я общался с компьютером.

В стене по левую руку темнел экран. В дальнем конце располагались раковина и молекулярный душ. Середину занимала двуспальная кровать. Обстановка напоминала больницу. Если это легализованная проституция, подумал я, то лучше уж обращаться к уличным девкам... если такие еще остались. Я шагнул к кровати, посмотрел на экран. Дама отсутствовала. Неужели машина дала сбой?

Но, как тут же выяснилось, проверка еще не закончилась. Засветился экран, на нем появилась фраза: «Пожалуйста, разденьтесь для медицинского освидетельствования».

Покорно побросал я одежду в выдвинувшийся из стены короб, после чего он ушел обратно в стену. Я предположил и, как потом выяснилось, не ошибся, что ее отправили на дезинфекцию. Голый, в маске, я стоял в ожидании, залитый зеленоватым светом, пока сканнеры вынесут свой вердикт. Осмотр длился секунд тридцать. Затем экран предложил мне вытянуть руку, что я незамедлительно сделал. У меня взяли анализ крови, чтобы убедиться, что общение со мной ничем не повредит персоналу заведения, и, наконец, экран порадовал меня, сообщив, что осмотр закончен. Стена у душа раздвинулась, в кабинку вошла женщина.

— Привет. Я — Истер. Очень рада познакомиться с вами. Уверена, что мы станем друзьями.

Через полупрозрачный халатик проглядывали контуры ее тела. Волосы рыжеватые, глаза зеленые, лицо достаточно интеллигентное, улыбка естественная. По простоте своей я полагал, что проститутки — женщины малопривлекательные, с оплывшим телом, обрюзгшим лицом, грубой, в крупных порах, кожей, но Истер абсолютно не соответствовала сложившемуся в моем сознании образу. Если она кого и напоминала, то скорее студентку, в изобилии встречавшихся мне в Ирвине. Вполне возможно, что я видел там и ее. С моих

губ не сорвался естественный вопрос: «А что делает такая девушка, как вы, в подобном месте?» Но спросить хотелось.

Истер оглядела меня с ног до головы. Возможно, не для того, чтобы оценить мои мужские достоинства, но убедиться, не проглядела ли техника какого-либо фатального недостатка на моем теле. Однако взгляд ее не раздражал, а, наоборот, манил к себе. Впрочем, в такой ситуации я оказался впервые, и меня влекло к ней. Налюбовавшись мной, Истер шагнула к экрану и нажала кнопку под ним.

— Мы же не хотим, чтобы они подсматривали за нами, не так ли? — улыбнулась она, и экран погас.

Я предположил, что это стандартный ритуал, призванный убедить клиента, что всевидящее око компьютера более не следит за его амульными проделками, а комната тем не менее находится под неусыпным наблюдением и будет найдена, пока я не покину ее. Уже конечно, создатели этого заведения не могли оставить девушку в полной власти клиента. Скажу честно, мне не хотелось ложиться в постель, зная, что все действие будет записано на пленку, но я преодолел эти колебания, сказав себе, что пришел сюда лишь забавы ради. Эти бордели были рассчитаны не на образованных людей. Они вызывали слишком много подозрений. Но, несомненно, полностью удовлетворяли нужды тех, у кого возникали такие потребности.

— Потушить свет? — спросила Истер.

— Мне без разницы.

— Тогда я его потушу, — она что-то сделала с ручкой двери, и комната погрузилась в полумрак.

Одним легким движением она скинула халатик. Хрупкая, с узкими бедрами, маленькой, девичьей грудью, прозрачной кожей, под которой синели вены. Очень похожая на Эстер Миккелсен, которую я видел под душем. Эстер... Истер... образы их на мгновение спутались. Оставалось лишь гадать, почему биохимик с мировым именем ассоциировался у меня с проституткой. Истер тем временем легла на кровать, на бок, подтянула колени к груди. У меня отлегло от сердца. Я-то вообразил, что она уляжется на спину, раздвинет ноги и скажет: «Давай, приятель, залезай». К счастью, Истер этого не сделала. Вероятно, компьютер в ходе интервью подсказал Истер, как ей надо вести себя в общении со мной.

Я сел рядом.

— Хотите сначала поговорить? — спросила она. — Времени у нас предостаточно.

— Хорошо. Видите ли, я здесь впервые.

— Я знаю.

— Откуда?

— От компьютера. Он все нам рассказывает.

— Все? И мое имя?

— О нет. Я имею в виду особенности характера.

-- И что вам известно обо мне, Истер?

— Со временем все узнаете, — она загадочно улыбнулась. — Вы видели человека из будущего, когда пришли сюда?

— Вы говорите о Ворнани Девятнадцатом?

— Да. Он должен прийти к нам сегодня. Примерно в это время. Нас об этом предупредили. Он такой симпатичный. Я видела его по телевизору. Мне бы очень хотелось встретиться с ним.

— Откуда вы знаете, что сейчас вы не в его компании? Она рассмеялась.

— О нет! Я знаю, что вы — не он!

— Но я в маске. Вполне возможно...

— Нет, нет. Вы лишь дразните меня. Если б я шла к нему, мне бы шепнули об этом.

— А может, он настаивал на своем инкогнито?

— Пусть так, но я уверена, что вы — не из будущего. И маска ваша меня не обманет.

Я провел рукой по ее гладкому бедру.

— Что вы думаете о нем, Истер? Вы верите, что он прибыл к нам из две тысячи девятьсот девяносто девятого года?

— А вы так не думаете?

— Меня интересует ваше мнение.

Истер пожала плечами, взяла мою руку, повела ею вверх по своему животу, пока мои пальцы не коснулись ее груди, словно хотела отвлечь меня от скучных вопросов.

— Все говорят, что он — настоящий. Президент и остальные. И еще говорят, что он наделен сверхъестественными способностями. Может ударить человека током, если захочет, — Истер хихикнула. — Интересно, может он ударить током девушку, когда... когда... ну, вы понимаете, в какой момент.

— Полагаю, что может. Если он тот, за кого себя выдает.

— А почему вы не верите ему?

— Мне кажется, все это ловкий розыгрыш. Человек падает с неба и заявляет, что он из далекого будущего. А где доказательства? Откуда мне знать, что он говорит правду?

— А его взгляд? Его улыбка? Он не такой, как все, об этом тоже говорят. И выговор у него особенный. Я верю, что он из иного времени. И хотела бы отдать ему. Даже бесплатно.

— Может, такой случай вам представится.

Истер улыбнулась. Но на лице ее отразилось беспокойство, словно она вышла за рамки разговора, какой принято вести с клиентом. Меня удивило, что Ворнан Девятнадцатый произвел столь сильное впечатление на эту простую девушку, и я подумал, а что он сейчас делает? Хотелось надеяться, что кто-то из команды Крейлика наблюдает за ним. Конечно, приглядывать за Ворнаном поручили мне, но пути наши

разошлись еще в вестибюле, и теперь я боялся, как бы наш гость не учинил дебоша и здесь. Впрочем, помешать ему я не мог. А потому полностью переключился на Истер. Она лежала, мечтая о человеке из будущего, по тело ее двигалось в заданном ритме. Компьютер хорошо проинструктировал ее. Едва мы слились воедино, она заняла заказанную мною позицию. И с полной отдачей выполнила свои обязанности, достаточно убедительно имитировав страсть.

Потом мы лежали рядом. На лице ее отражалась удовлетворенность, полагаю, это входило в набор услуг. Она включила молекулярный душ, чтобы я смог смыть следы нашей страсти. Время наше еще не кончилось, а потому она спросила:

— А вы не хотели бы встретиться с Ворнаном Девятнадцатым? Чтобы поверить, что он действительно из будущего?

Я нахмурился, вроде бы обдумывая ее слова. А потом ответил на полном серьезе:

— Полагаю, что хотел бы. Но едва ли мне это удастся.

— Меня волнует даже мысль о том, что он в этом здании. В соседней комнате. Он даже может прийти сюда... если захочет вторую женщину, — Истер подошла ко мне, обняла. Наши взгляды встретились. — Наверное, не стоило мне так много говорить. Нам не положено упоминать о других мужчинах, когда... Послушайте, вы остались мною довольны?

— Конечно, Истер. Позволь мне доказать...

— Чаевые не положены, — торопливо прервала меня она, прежде чем я успел сунуть руку в карман. — Но на выходе компьютер может спросить ваше мнение обо мне. Они выбирают одного из каждых десяти клиентов. Надеюсь, у вас найдется для меня доброе слово.

— Можете не сомневаться.

Она поднялась на цыпочки, чмокнула меня в губы.

— Вы мне нравитесь. Честное слово. Это я от себя. Если вы еще раз придете сюда, надеюсь, снова выберете меня.

— Если вернусь, обязательно, — ответил я не кривя душой. — Обещаю.

Она помогла мне одеться. А затем исчезла за дверью. Загорелся экран, известив меня, что с моего счета будет снята заранее оговоренная сумма, и предлагая покинуть комнату через дверь за моей спиной. Движущаяся дорожка вынесла меня в галерею с высоким потолком, с воздухом, наполненным незнакомыми мне ароматами. Задумавшись, я и не заметил, как оказался в холле, ничем не отличающемся от того, с которого начался мой визит в публичный дом, но расположенный с другой стороны здания.

Ворнан? Где Ворнан?

Я вышел в сумрачный свет второй половины зимнего дня, чувствуя, что оказался в дурацком положении. Да, посещение компьютеризованного борделя добавило малую толику

к моим жизненным впечатлениям, расширило, можно сказать, мой кругозор. Но посылали-то меня присматривать за Ворнаном, а вот с этим заданием я совсем не справился. В нерешительности стоял я на широкой площади. А не вернуться ли мне обратно да поискать Ворнана? Интересно, можно ли вытащить из компьютера информацию о другом клиенте? Раздумья мои прервал знакомый голос.

— Лео!

Я обернулся. Крейлик сидел в серо-зеленом лимузине, на крыше которого громоздились антенны. Я зашагал к машине.

— Ворнан еще внутри. Я не знаю...

— Все нормально, — заверил он меня. — Залезайте в кабину.

Он открыл дверцу, и я уселся рядом с ним, неожиданно для себя обнаружив на заднем сиденье Эстер Миккелсен, склонившуюся над распечатками. Она коротко улыбнулась мне и вернулась к своему занятию. Я чувствовал себя неловко. Только что из борделя — и сразу в компанию к невинной Эстер.

— Мы держим нашего друга под постоянным контролем, — продолжил Крейлик. — Если вас это интересует, он сейчас с четвертой женщиной и не собирается сбавлять темпа. Хотите взглянуть?

— Нет, благодарю, — я едва успел остановить его. — Меня это не возбуждает. Он не доставил никаких хлопот?

— Тех проблем, что мы ждали от него, нет. Просто меняет женщин. Трахается в разных позициях, без отдыха. — На щеках Крейлика заходили желваки. — Лео, вы общались с этим парнем достаточно долго. Что вы можете о нем сказать? Мошенник он или прибыл из будущего?

— Откровенно говоря, Сэнди, не знаю. Иногда я убежден, что он оттуда. Но потом я щипаю себя за руку и вспоминаю, что с точки зрения современной науки путешествие во времени невозможно, а потому Ворнан — шарлатан.

— Ученый должен отталкиваться от фактов, — назидательно заметил Крейлик, — а уж на них строить версию, приходя к какому-либо заключению, так? Но не начинать с версии и исходя из нее судить о фактах.

— Верно, — согласился я. — А что вы считаете фактами? У меня есть экспериментальные данные. Я знаю, что нельзя послать в прошлое субатомную частицу без изменения ее заряда. Я сужу о Ворнана, руководствуясь этими данными.

— Хорошо. Но человек девятьсот девяносто девятого года от рождества Христова знал, что невозможно полететь на Марс. Так что не можем мы предугадать, что будет, а чего — нет, через тысячу лет. А вот сегодня мы получили новые сведения.

— Какие же?

— Ворнан не возражал против стандартного медицинского осмотра, включая анализ крови, и Эстер сейчас изучает расшифровку компьютера. Она говорит, что никогда не встречала крови такого состава, в ней полно антител, неизвестных современной науке. В результате медицинского осмотра у Ворнана выявлено пятьдесят физических аномалий. Компьютер отметил необычный электрический потенциал его нервной системы, отсюда и разряды, которыми он потчует тех, кто ему не нравится. Он словно электрический скат. Не думаю, Лео, что он из нашего столетия. И вы можете представить себе, чего мне стоит такое признание.

С заднего сиденья подала голос Эстер.

— Странно, конечно, что мы должны отправить его в публичный дом, чтобы провести столь фундаментальное исследование, не правда ли, Лео? Но результаты очень и очень необычные. Хотите взглянуть?

— Благодарю, Эстер, но я в этом ничего не понимаю.

Крейлик повернулся ко мне.

— Ворнан закончил с номером Четыре. И потребовал номер Пять.

— Могу я попросить вас об одолжении? — посмотрел я на него. — Там есть одна женщина, звать ее Истер, рыжеволосая худышка. Переговорите с вашим специалистом по компьютерам, Сэнди. Позаботьтесь, чтобы следующей к Ворнану попала Истер.

Крейлик это устроил. Ворнан потребовал высокую, с пышными формами брюнетку, но компьютер подsunул ему Истер, а он не отказался, решив, я полагаю, что электроника древних может давать сбои. Так вот, Истер, с широко раскрытыми глазами, оказалась рядом с человеком ее мечты. Ворнан, поняв ее чувства, сказал ей что-то успокаивающее. Она скинула халатик, и они шагнули к кровати. Я попросил Крейлика выключить видео.

Ворнан пробыл с ней долго. Его ненасытность также указывала на то, что принадлежит он другому времени. Я сидел, нахохлившись и уставившись в никуда, пытаюсь принять сказанное Крейликом. Но разум отказывал. Я не мог заставить себя поверить, что Ворнан Девятнадцатый — тот, за кого себя выдает, даже теперь, после медицинского осмотра пришельца.

— Он закончил, — возвестил Крейлик. — Идет к нам. Эстер, уберите, пожалуйста, распечатки. Быстро.

Этим Эстер и занялась, а Крейлик вылез из машины и поспешил навстречу Ворнану. Из-за холодной погоды его не поджидали ни обожатели, ни апокалипсисты. А потому мы уехали без всяких происшествий.

Ворнан сиял.

— У вас удивительные сексуальные обычаи. Какой примитивизм! Сколько энергии и таинственности! — от избытка чувств он захлопал в ладоши.

А у меня по спине пробежал холодок, вызванный отнюдь не морозным воздухом за окнами лимузина. Надеюсь, Истер счастлива, подумал я. Ей будет что рассказать внукам.

Глава 11

В тот вечер мы обедали в единственном на весь Чикаго ресторане, здесь подавали сорта мяса, получить которые где-либо еще не представлялось возможным: бизонью вырезку, медвежье филе, лосятину, оленину. И птиц: фазана, куропатку, тетерева. Ворнан где-то прослышал о нем и пожелал попробовать эти удивительные блюда. Намерение Ворнана пришлось нам не по нутру, ибо каждый его выход в люди обязательно сопровождался происшествием: Ворнан тут же собирал вокруг себя неуправляемую толпу. И мы не без основания опасались, что поход в ресторан добром не кончится. Крейлик обратился к администрации ресторана с просьбой принести нам ужин в отель и не встретил отказа, но Ворнан не хотел об этом и слышать. Только в ресторане, и нигде более. Естественно, он своего добился.

Наша охрана позаботилась о нашей безопасности. В борьбе с непредсказуемостью Ворнана они быстро набирались опыта. Выяснилось, что в ресторане есть банкетный зал на втором этаже с отдельным входом. Туда-то мы и привели нашего гостя, не привлекая внимания посетителей основного зала. Ворнан выразил неудовольствие, но мы объяснили ему, что ужин отдельно от общей массы считается в нашем обществе высшим шиком, и он принял наши слова за чистую монету.

Некоторые из нас не знали, что это за ресторан. Хейман долго изучал меню, а потом шумно выдохнул. Голос его дрожал от праведного гнева.

— Бизон! — воскликнул он. — Лось! Это же исчезающие животные! Они необходимы науке, а мы будем их есть! Мистер Крейлик, я протестую! Это безобразие!

Крейлик смиренно выслушал всю тираду, хотя брюзжание Хеймана уже сидело у него в печенках.

— Извините, профессор Хейман, но меню одобрено департаментом внутренних дел. Вы знаете, что иной раз возникает необходимость сокращения поголовья и в стадах редких животных, для блага оставшихся особей. И...

— Их следует перевезти в другие заповедники, — бубнил свое Хейман, — а не забивать на мясо. Мой Бог, что скажут о нас наши потомки? Мы, последнее поколение, живущее в эпоху, когда на Земле еще есть дикие животные, убиваем и едим бесценных...

— Вас интересует приговор истории? — прервал его Колфф. — Вот сидит история, Хейман. Спросите у нее, — он указал на Ворнана Девятнадцатого, которого считал ловким мошенником, и громко захохотал,

— Я очень рад, что у вас есть возможность попробовать мясо диких животных, — без малейшей запинки ответил Ворнап. — И с нетерпением жду возможности разделить с вами эту трапезу.

— Но это нехорошо! — взвился Хейман. — Эти животные... существуют они в ваше время? Или исчезли... их съели?

— Точно сказать не могу. Названия мне незнакомы. Этот бизон, к примеру. Каков он с виду?

— Большое быкообразное теплокровное животное, — ответила Эстер Миккелсен. — С короткой жесткой коричневой шерстью. Близок к коровам. Раньше стада бизонов в тысячи голов бродили по западным прериям.

— Вымерли, — твердо заявил Ворнап. — Коровы у нас есть, но никаких близких или дальних родственников. А лось?

— Животное северных лесов, с большими рогами. Вот, кстати, его голова на стене. Ветвистые рога, длинная морда.

— Вымерли, это точно. А медведь, тетерев, куропатка?

Эстер описала их всех. И всякий раз Ворнап отвечал, что в его эпоху такой живности не водится. Хейман медленно наливался злобой. Я и не знал, что он принадлежит к защитникам дикой природы. А тут он разразился длинной речью, утверждая, что уничтожение животных есть свидетельство разложения цивилизации, ибо дикари убивали их из необходимости, чтобы добыть себе пропитание, а мы — из удовольствия и для развлечения. Припомнил он нам и наступление человека на последние участки еще девственной природы. Говорил страстно, под некоторыми его высказываниями я бы даже подписался. Впервые я услышал от этого зануды-историка что-то дельное. Ворнап жадно ловил каждое его слово. Лицо его светилось удовольствием, и, кажется, я понял тому причину: Хейман утверждал, что вина за уничтожение животных лежит на цивилизации, и Ворнап, почитающий нас за дикарей, находил эти рассуждения весьма забавными.

Когда Хейман закончил, мы виновато переглянулись, установились в лежащие перед нами меню. Повисшую тяжелую тишину нарушил Ворнап.

— Надеюсь, вы не лишите меня удовольствия внести сильную лепту в великое уничтожение, благодаря которому в нашем времени практически не осталось диких животных. Позвольте мне вернуться в свою эпоху с воспоминаниями о трапезе, где мне подали мясо бизона, лося, оленя.

Разумеется, не могло быть и речи о смене ресторана. Мы могли поесть только здесь, с чувством вины или без оного. Как и говорил Крейлик, мясо в ресторан поступало лишь по государственным каналам, а не от браконьеров, так что это заведение никоим образом не содействовало уничтоже-

нию диких животных. Да, их мясо было большой редкостью, об этом свидетельствовали цены, но отстрел всей этой живности велся отнюдь не по заказам ресторана. Однако и Хейман был прав: животные исчезали. Где-то я слышал прогноз, согласно которому в следующем столетии дикие животные сохранятся лишь в специальных заповедниках. Если считать Ворнана пришельцем из будущего, следовало признать, что прогноз этот оправдался.

Хейман заказал жареную курицу, мы все — деликатесы. Ворнан решил попробовать все: бизонью вырезку, лосятину, грудку фазана...

— А какие животные сохранились в вашу эпоху? — спросил Колфф.

— Собаки. Козы. Коровы. Мыши, — Ворнан заппулся. — Есть какие-то еще.

— Только домашние животные? — ужаснулся Хейман.

— Именно так. — Ворнан положил в рот кусок сочного мяса. Улыбнулся. — Божественно! Как много мы потеряли!

— Вот видите, — не унимался Хейман. — Если бы люди...

— Разумеется, — прервал его Ворнан, — и у нас есть вкусные продукты. Признаюсь, приятно положить в рот кусочек мяса недавно еще живого существа, но не многие могут пойти на такое. Мы очень брезгливы. И у путешественного во времени должен быть крепкий желудок.

— Потому что мы грязные, недоразвитые, отвратительные дики? — воскликнул Хейман. — Такого вы о нас мнения?

— Ваш образ жизни очень отличается от нашего. Это же очевидно. Иначе зачем мне появляться у вас?

— Однако в сравнении образов жизни неправомерно применение терминов «высший» или «низший». — Элен Макилуэйн оторвалась от огромного куска жареной оленины. — В какой-то эпохе жизнь может быть спокойнее, где-то могут больше внимания уделять здоровью или удобствам, мы никогда не употребляем такие слова, как «высший» и «низший». С точки зрения культурного релятивизма...

— Знаете ли вы, — вновь заговорил Ворнан, — что в нашем времени ресторанов нет? Есть на публике, среди незнакомцев — мы считаем такое неприличным. В Централити часто приходится общаться с незнакомыми людьми. В других регионах дело обстоит иначе. Никто не проявит враждебности к незнакомому человеку, но и не станет есть в его присутствии, если только не намерен вступить с ним в половые отношения. Едим мы только в компании партнеров по сексу, — он хохотнул. — И мое желание отобедать в ресторане — признак дурного тона. Вас я рассматриваю как близких друзей, вы должны это понимать... — он обвел стол рукой, показывая, что готов лечь в постель с любым, даже с Колффом, будь на то его согласие. — Но я надеялся, что как-нибудь вы доставите мне удовольствие пообедать в

общем зале. Может, вы старались пощадить мои чувства, устроив обед в отдельном зале. Но позвольте мне в следующий раз предаться пороку.

— Великолечно, — Элен Макилуэйн, похоже, говорила сама с собой. — Табу на потребление пищи в присутствии посторонних! Ворнан, если б вы побольше рассказали нам о вашем времени. Мы же ждем каждого вашего слова.

— Да, — кивнул Хейман. — Вот, к примеру, эпоха Очищения...

— Что-нибудь о биологических исследованиях...

— Проблемы психотерапии. Основные типы психозов...

— Хотелось бы обсудить с вами особенности лингвистической...

— И феномен движения против времени. А также основные особенности системы энерго... — услышал я собственный голос, присоединившийся к общему хору.

Разумеется, Ворнан не ответил никому, ибо заговорили мы разом. Потом поняли, что происходит, и, сконфузившись, замолчали. Впервые вырвалось наружу копившееся в нас раздражение. Причина, разумеется, крылась в Ворнана: за время нашего общения он практически ничего, за исключением брошенных вскользь намеков, не рассказывал об эпохе, которую вроде бы представлял. И нас волновали остающиеся без ответа вопросы.

Неотвеченными остались они и в тот вечер, когда мы откушали деликатесов уходящей эры, попробовали на вкус крылышко феникса и антрекот из единорога да послушали Ворнана — он говорил больше обычного, описывая застольный этикет тридцатого века. Теперь мы радовались каждой крупнице информации, которую могли выудить из него. Даже Хейман перестал скорбеть над судьбой животных, мясо коих лежало на наших тарелках.

Когда же подошло время отъезда, мы столкнулись с уже ставшей привычной ситуацией. Сидевшие в общем зале узнали, что ресторан почтил своим присутствием человек из будущего, и у дверей собралась толпа. Крейлику пришлось вызвать полицейских с дубинками-парализаторами, чтобы расчистить проход. Не менее сотни обедавших в общем зале встретили нас у дверей. Они жаждали увидеть Ворнана Девятнадцатого вблизи, прикоснуться к нему рукой. В тревоге вглядывался я в их лица. Лишь на очень немногих отражался скепсис или любопытство. Большинство смотрели на него с восторгом и обожанием. Такие лица встречались все чаще. И я видел в них не просто обожание. Эти люди были готовы принять Ворнана за мессию, преклонить перед ним колени. А моя близость с Ворнаном не позволяла мне обожествлять его. Потакание всем своим желаниям, ненасытный аппетит к сексуальным наслаждениям

тому не способствовали. Трудно почитать в человеке Бога, увидев, как он сметает еду со стола и совокупляется с легионами жаждущих его женщин. Но тем не менее я чувствовал исходящую от него силу. И под ее воздействием мое отношение к нему начало меняться. Поначалу я был скептиком, враждебным к Ворнану, на дух не принимающим его принадлежность к будущему. Теперь же помягчел, практически отказался от рефрена «если он не мошенник», который ранее сопровождал каждую мою мысль о Ворнана. И убеждали меня в его истинности не только результаты анализа крови, но само поведение Ворнана. Уже с трудом верилось, что он — шарлатан, хотя научные данные, в том числе и полученные лично мною, начисто отрицали возможность его появления в нашем времени из далекого будущего. Меня заставляли прийти к заключению, которое я считал невероятным: я столкнулся с вариацией оруэлловской двойственности. И причиной тому была исходящая от Ворнана сила. Так что я мог понять, что заставляло этих людей напирать на охрану, пытаюсь дотянуться до гостя из будущего, проходящего мимо.

Нам удалось покинуть ресторан без каких-либо инцидентов. Мороз разогнал всех по домам. Машины доставили нас в отель. Как и в Нью-Йорке, наши номера располагались на одном этаже. Ворнан сразу же ушел к себе. Последние несколько ночей он спал с Элен Макилуэйн, но наш поход в публичный дом временно остудил его тягу к женщинам. Что, впрочем, никого из нас не удивило. Крейлик, бледный, уставший, выставил охрану у номера Ворнана и отправился писать докладную о прошедшем дне. Каждый вечер он посылал ее в Вашингтон. Мы же собрались в одном из номеров, чтобы немного расслабиться перед сном.

Наша шестерка провела вместе достаточно времени, чтобы определиться в отношении к каждому из членов комитета. Мы по-прежнему не пришли к единому мнению относительно Ворнана, хотя разногласия наши уже не проявлялись столь резко, как раньше. Колфф, с самого начала державший Ворнана за шарлатана, остался при своем мнении, хотя и восхищался его талантом дурить людям головы. Хеймана, также настроенного против Ворнана, начали мучить сомнения. Наверное, он никогда не признался бы в этом, но все более склонялся к мысли, что Ворнан все-таки прибыл из далекого далека. Причиной тому служили некоторые фразы Ворнана относительно будущей истории. Элен Макилуэйн продолжала верить, что Ворнан тот, за кого себя выдает. Мортон Филдз, наоборот, изменил свою точку зрения и отказал Ворнану в доверии. Я думаю, он просто завидовал сексуальной удали Ворнана и пытался отомстить, заявляя, что никакой тот не путешественник во времени.

Эстер не желала принимать ту или иную сторону до

получения более полной информации. Получив же ее, она пребывала в полной уверенности, что Ворнан обогнал современного человека на несколько ступенек эволюционной лестницы, а потому, несомненно, прибыл из будущего. Я также дрейфовал в сторону Ворнана, однако вели меня эмоции, а не знание. Ибо моя наука однозначно утверждала, что путешествие в прошлое невозможно. Таким образом, наш комитет включал двух истинно уверовавших в Ворнана, двух бывших скептиков, в принципе готовых принять версию Ворнана, и одного бывшего сторонника Ворнана, движущегося к его неприятию. И лишь Колфф, единственный из нас, не верил в истинность Ворнана. Так что ситуация изменялась в его пользу. Ворнан очаровывал и нас.

Нельзя не сказать, что отношения в нашем узком кругу складывались далеко не безоблачные. В одном, правда, мы соглашались: всем нам до смерти опостылел Эф. Ричард Хейман. Меня просто воротило от одного вида его рыжей бороды. Нам надоели его манера не говорить, но изрекать, его помпезность, его привычка воспринимать нас как не слишком умных выпускников далеко не самого престижного университета. И Мортон Филдз изрядно подпортил собственную репутацию. Под внешностью аскета скрывался обыкновенный распутник, но очень уж неудачливый, а вот последнее я находил отвратительным. Он возжелал Элен, но был отвергнут. Возжелал Эстер, но получил от ворот поворот. Элен, кстати, считала нимфоманию атрибутом своей профессии, ибо придерживалась мнения, что антрополог-женщина просто обязана досконально изучать различные типы людей. А потому ее отказ отдаться Филдзу более всего походил на публичную пощечину. Уже в первую неделю нашего путешествия с Ворнаном Элен успела хотя бы по разу переспать со всеми, за исключением Сэнди Крейлика, который относился к ней с таким пиететом, что и подумать не мог о чем-то плотском, и бедолаги Филдза. Короче, не стоило удивляться, что он кипел от злобы. Полагаю, в прошлом, задолго до появления Ворнана, они не сошлись взглядами по какой-то научной проблеме, и теперь Элен выбрала такой, пусть и грубоватый, способ мщения. Тогда Филдз переключился на Эстер. Но наш ангел беспечно отмела его притязания, словно и не заметив, чего от нее хотят. (Пусть Эстер и принимала душ с Ворнаном, все мы пребывали в полной уверенности, что отношения их были лишены какой-либо чувственности. Даже мужское обаяние Ворнана не могло пробить броню добродетели, в которую она заковала себя).

То есть Филдз сталкивался с теми же проблемами, что возникали перед запыревшим юношей, и, как вы можете себе представить, они, пусть и по-разному, проявлялись в ходе дискуссий по любому вопросу. Раздражение свое он маскировал нескончаемым многословием, за которым скры-

вались его гнев, злость, неудовлетворенность. Все это не нравилось Ллоиду Колффу, но наш добродушный Фальстаф разве что жалел Филдза, и когда тот особенно расходился, пытался снять напряжение какой-нибудь скабрезной шуткой, от которой Филдз лез на стену. С Колффом у меня ни в чем не возникало разногласий. Из вечера в вечер он оставался душой компании, и если б не он, мы бы, возможно, не смогли выполнить порученного нам дела. Радовало меня и присутствие Элен Макилуэйн, причем не только в постели. Пусть и заикленная на культурном релятивизме, она много знала, много умела, а еще больше могла рассказать. Если же мы слишком горячились, обсуждая какой-либо процедурный вопрос, она умела мгновенно снять напряжение байкой об ампутации клинтора в племенах Северной Африки или о ритуальных татуировках в Новой Гвинее. В отношении же Эстер непостижимой, Эстер недоступной, Эстер таинственной, я не могу дать точный ответ, нравилась ли она мне или нет, но ее присутствие не вызывало у меня отрицательных эмоций. Конечно, меня мучила совесть из-за того, что я, спасибо современным техническим достижениям, видел ее голой, ибо таинственность должна быть полной, а тут вроде бы мы пробили брешь в стене, которой она отгородилась от всего мира. Она представлялась мне эталоном целомудрия, эта Диана божимии, навечно оставшаяся шестнадцатилетней. В наших постоянных дебатах о путях и методах общения с Ворнаном Эстер участвовала редко, но говорила всегда по делу, руководствуясь только здравым смыслом.

Январь подходил к концу, а наш караван катился все дальше на запад от Чикаго. В осмотре достопримечательностей Ворнан, как и в любви, не знал усталости. Мы показывали ему фабрики, электростанции, музеи, транспортные узлы, станции контроля погоды, вычислительные центры, модные рестораны и многое, многое другое. Что-то входило в официальную программу визита, на чем-то Ворнан настаивал сам. Практически нигде не обходилось без малопривятных происшествий. Возможно, для того, чтобы доказать, что он выше «средневековой» морали, Ворнан злоупотреблял гостеприимством хозяев: соблазнял как женщин, так и мужчин, оскорблял священных коров, всячески показывал, что держит достижения научно-технического прогресса за игрушки дикарей. Его оскорбительное высокомерие я находил весьма забавным. Он не только очаровывал, но и отталкивал. Не все, конечно, как в нашем комитете, так и вне его, придерживались того же мнения. Тем не менее возмутительность его поведения как бы свидетельствовала о том, что прибыл он из другого времени, а потому немногие выражали свое неудовольствие. Ему, гостю нашего мира, посланцу будущего, гарантировалась неприкосновенность, так что выходки его воспринимались как должное.

Мы делали все возможное, чтобы уберечь его от крупных

неприятностей. Мы научились не подпускать к Ворнапу самодовольных, легко ранимых личностей, которые могли как-то насолить ему. Мы наблюдали, как он игриво посматривал на необъятный бюст директора музея искусств Кливленда, которая лично вызвалась познакомить нас с великолепной коллекцией картин. Глубокая впадина меж двух белоснежных пиков столь заинтересовала его, что мы могли бы догадаться — жди беды. Но не успели вмешаться, когда Ворнан, протянув руку, опустил палец в эту бездонную пропасть, и наш гид получила легкий электрический разряд. После этого мы ограждали его от женщин средних лет с большим бюстом, предпочитающих платья с низким вырезом. Каждая встреча несла в себе крупинки бесценного опыта, и мы радовались, если на десяток неудач приходился один успех.

В чем мы не преуспели, так это в выкачивании из него информации, относящейся к времени, из которого, по его словам, он пришел к нам, и тех столетиях, что лежали между нами. Изредка он бросал нам жалкие крохи, вроде упоминания периода политической нестабильности, названного им эпохой Очищения. Он говорил о пришельцах со звезд, о политическом устройстве общества, названного им Централити, но лишь вскользь, не вдаваясь в подробности. За его словами была пустота. Он рисовал нам лишь миражи будущего.

Каждый из нас получил возможность побеседовать с ним наедине. Вопросы эти навевали на него скуку, и всякий раз ему удавалось ускользать от прямого ответа. Я провел с ним несколько часов в Сент-Луисе, стараясь получить информацию по наиболее интересующим меня проблемам. Улов мой равнялся нулю.

— Ворнан, не могли бы вы рассказать, как попали в наше время? Каковы основные принципы транспортного механизма, перебросившего вас сюда?

— Вы говорите о моей машине времени?

— Да, да. О ней самой.

— Это же не настоящая машина, Лео. То есть в ней нет ручек управления, руля, дисков приборов и тому подобного.

— Вы можете описать ее?

— Это непросто. Она... ну, для меня это абстракция. Я ее не видел. Вы входите в помещение, включается поле и... — он помолчал. — Извините, Лео. Я же не ученый. И видел только четыре стены.

— Управляли машиной другие?

— Да, да, конечно. Я был лишь пассажиром.

— А сила, которая протолкнула вас сквозь время?..

— Я понятия не имею, чем и как она создается.

— Я тоже, Ворнан. В чем, собственно, и трагедия. Мои

познания в физике однозначно говорят о том, что живого человека нельзя послать в прошлое.

— Но я здесь, Лео. Это факт.

— Если признать, что вы путешествовали во времени.

Ворнан приуныл. Рука его поймала мою. Пальцы холодные, на удивление гладкая кожа.

— Лео, — в голосе обида, — вы высказываете недоверие?

— Я пытаюсь выяснить, как работает ваша машина времени.

— Я бы сказал, если б знал. Поверьте мне, Лео. Я питаю самые теплые чувства и к вам лично, и ко всем милым, искренним людям, которых я встретил в вашем времени. Но я просто не знаю. Вот если вы, к примеру, заедете на своем автомобиле в восьмисотый год и вас попросят объяснить принцип его работы, сможете вы это сделать?

— В общих чертах да. Сам я не смогу построить такой же автомобиль, но я знаю, что заставляет его двигаться. Вы же не можете сказать мне даже этого.

— С движением во времени все гораздо сложнее.

— Может, я могу взглянуть на вашу машину?

— О нет, — покачал головой Ворнан. — Она за тысячу лет отсюда. Забросила меня сюда и унесет обратно, когда я захочу вернуться, но сама машина, которая, как я уже говорил, не совсем машина, находится в далеком будущем.

— А как там узнают, что вы желаете вернуться?

Он вроде бы и не услышал вопроса. И сам начал расспрашивать меня о моих университетских обязанностях. Стандартный, кстати, прием: уйти от неприятного вопроса, задав свой, совсем на другую тему. Мне ничего не удалось из него выжать. И скептицизм вновь возродился во мне. Он не мог рассказать мне о принципах движения во времени только потому, что не путешествовал во времени. И вывод следовал один: Ворнан — шарлатан. Так же уклончиво отвечал он и на все вопросы о преобразовании энергии. Не сказал мне, когда начали черпать энергию из атома, как это делается, кто считается автором этого эпохального открытия.

Случались, однако, и редкие удачи. И больше всех повезло Колффу. Он высказал Ворнану в глаза, что не верит в его прогулку по времени, и, возможно, Ворнан решил наглядно доказать, что тот не прав. Первые несколько недель нашей совместной поездки по Соединенным Штатам Колфф и не пытался поговорить с Ворнаном с глазу на глаз. Что было тому причиной, не знаю. То ли Колфф полагал, что ему и так все ясно, то ли ленился. Как вскоре выяснилось, Колфф предпочитал отдыхать, а не работать. Последние двадцать или тридцать лет он почивал на лаврах, тратя время на пирушки, развлечения и выслушивание похвал более молодых коллег. Обратившись в библиотеку, я узнал, что последняя значимая работа Колффа датирована 1980 годом. Вот и

нашу миссию он воспринимал как веселое приключение, отличную возможность приятно провести зимние месяцы. Но в засыпанном снегом Денвере одним февральским вечером Колфф предпринял попытку прощупать Ворнана. Почему, сказать не могу.

Уединились они надолго. Сквозь тонкие стены отеля до нас долетал бас Колффа, декламирующего стихи на незнакомом нам языке. Возможно, он читал на санскрите эротические вирши. Потом последовал перевод на английский, и мы могли уловить непристойное слово, а то и целую строчку, восхваляющую прелести любви. Мы быстро потеряли к этому интерес: стихи в исполнении Колффа мы слышали не раз. Вновь же привлек наше внимание смех Ворнана, словно серебряный колокольчик прорвавшийся сквозь бас Колффа, а затем наш гость заговорил сам на незнакомом мне языке. Колфф перебил его, задал вопрос, затем Ворнан продолжил. Вошел Крейлик, rozdal листки с завтрашним расписанием дня, нам предстояло посещение шахты, где добывали золото, и мы отвлеклись от проходящей за стеной беседы.

Час спустя вернулся Колфф. Раскрасневшийся, потрясенный. Он пощипывал мочку, потирал заплывшую жиром шею, щелкал пальцами.

— Черт! — пробормотал он. — Клянусь вечным проклятием! — Он пересек комнату, замер у окна, взгляделся в засыпанные снегом крыши домов. — Есть ли у нас что-нибудь выпить?

— Ром, бербон, шотландское, — перечислила Элен.

Колфф шагнул к столу, уставленному полупустыми бутылками, выбрал бербон, налил порцию, которой хватило бы, чтобы свалить гиппопотама, осушил стакан в два или три жадных глотка, разжал пальцы. Стакан мягко упал на покрытый губчатой резиной пол. Колфф вновь принялся щипать мочку. Затем выругался. Как мне показалось, на старом английском.

Первой не выдержала Эстер.

— Вы что-нибудь узнали?

— Да, много, — Колфф опустился в кресло. — Я узнал, что он тот, за кого себя выдает.

Хейман ахнул. На лице Элен отразилось изумление. Такое на моей памяти произошло с ней впервые.

— Что вы такое несете, Ллойд? — пробубнил Филда.

— Он говорил со мной... на своем языке, — последовал ответ. — Полчаса. Я все записал. Завтра направлю пленку для компьютерного анализа. Но уже сейчас я могу сказать, что он прибыл из далекого будущего. Только гений лингвистики мог бы придумать такой язык, да и в этом у меня, большие сомнения, — он шлепнул себя по лбу. — Мой Бог! Путешествие во времени! Неужели такое возможно?

— Вы его поняли? — спросил Хейман.

— Дайте мне еще выпить, — прорычал Колфф. Он получил от Эстер бутылку бербона, поднес ее к губам. Почесал толстый волосатый живот, провел рукой перед глазами, словно снимая паутину. Наконец продолжил: — Нет, я его не понял. Я уловил только общие формы. Он говорит на английском, но английском, столь далеком от современного, сколь язык, на котором мы говорим сейчас, далек от языка англосаксонских хроник. В нем масса азиатских корпей. Китайских, бенгальских, японских. Есть и арабские, я в этом уверен. Не язык, а сборная солянка, — Колфф рыгнул. — Вы знаете, что и в нашем английском намешано много чего. Датский, французский, саксонский плюс латынь и немецкие диалекты. У нас слова, имеющие одно и то же значение. Но эти языки относятся к одной группе, берущей начало от старого индо-европейского языка. В эпоху Ворнана многое изменилось. Они взяли слова от других древних языков. Все перемешали. Какой язык! На нем можно сказать все, что угодно. Но корни здесь, в нашем времени. Слова отполированы, словно камешки в потоке, от наносного не осталось и следа. Десяти звуков хватает, чтобы сказать двадцать предложений. Грамматика... мне понадобится пятьдесят лет, чтобы вывести грамматические правила. И еще пятьсот, чтобы понять их. Невероятный язык, невероятный! Он говорит... словно декламирует стихи. Я улавливал лишь отдельные слова, жалкие крохи... — Колфф замолчал. Погладил живот. Никогда я не видел его таким серьезным.

Мы как зачарованные смотрели на него. Первым очнулся Филдз.

— Ллойд, вы уверены, что все это не ваши фантазии? Как вы можете толковать язык, который не понимаете? Если вы не знаете грамматики, можно ли утверждать, что он просто не мелет чушь?

— Дурак ты, — усмехнулся Колфф. — Надо бы прочистить тебе голову и откачать из нее всю отраву. Правда, что в ней тогда останется?

Филдз побагровел. Хейман зашагал по комнате. Чувствовалось, сколь потрясен он словами Колффа. И мне как-то сразу стало не по себе. Если уж Колфф признал, что Ворнан — посланец будущего, какой же смысл утверждать обратное? Факты накапливались. Возможно, сказанное Колффом — плод воображения его помутненного алкоголем мозга. Возможно, Эстер неправильно истолковала результаты медицинского обследования. Возможно. Или невозможно. Господи, как же мне не хотелось верить, что Ворнан — путешественник во времени, ибо тогда пришлось бы признать, что все мои научные достижения — фикция. С болью в душе я осознавал, что нарушаю неписанный кодекс ученого, пытаюсь опереться не на факты, а на созданную мною систему понятий. Но система разваливалась. Как долго я буду держаться за нее? Когда я признаю то, что уже признали

Эстер и Колфф? Когда Ворнан прямо на моих глазах отправится обратно в будущее?

— Почему бы тебе не прокрутить пленку, Ллойд? — предложила Элен.

— Да, да, пленка, — Колфф достал миниатюрную кассету, вставил ее в магнитофон. Включил, и мгновенно комната наполнилась мелодичными звуками, переходящими один в другой. Я вслушался. Ворнан словно не говорил, а пел, легко, свободно, меняя тембр и высоту тона. Иной раз я улавливал знакомый слог, но не понимал ничего. Колфф шевелил пальцами, кивал, улыбался, покачивал ногой, то и дело бормотал:

— Ну, вы видите? Видите?

Но я ничего не видел, как и не слышал. Из динамиков лился чистый звук, то перламутровый, то лазурный, то темно-бирюзовый, загадочный, непостижимый. Лента кончилась, а мелодия голоса Ворнана еще звучала в комнате. И я знал, что пленка эта ничего не доказывает, во всяком случае, мне, хотя Ллойд и считал эти звуки языком, берущим начало от английского. Колфф неторопливо поднялся, вытащил кассету, повернулся к Элен. Благоговение на ее лице свидетельствовало о том, что несколько мгновений назад она приобщилась к священному таинству.

Глава 12

Наш караван продолжал путь на запад, из засыпанного снегом Денвера в солнечную Калифорнию, но уже без меня. Я не находил себе места, мне не терпелось хоть на какое-то время уехать от Ворнана, Хеймана, Колффа и остальных. Мы уже почти месяц колесили по Америке, и усталость и напряжение дали о себе знать. А потому я обратился к Крейлику с просьбой о коротком отпуске. Он не возражал, и я тут же укатил на юг, в Аризону, пообещав, что присоединюсь к остальным через неделю, в Лос-Анджелесе.

Расстался я с ними в начале января, вернулся в середине февраля, так что нельзя сказать, что разлука была долгой. Однако для нашего духовного мира время, похоже, бежало куда быстрее. Они заметно изменились. Джек осунулся, выглядел раздраженным, словно плохо спал по ночам. Движения его стали резкими, порывистыми, как у того Джека, что выпускником института пришел в мою лабораторию много лет тому назад. Он как бы вернулся в прошлое. Спокойствие жителя пустыни покинуло его. Напряжение чувствовалось и в Ширли. Золотой блеск ее волос поблек, черты лица заострились. Я видел, как на ее щеке то и дело вздувались жилы. Свою озабоченность она пыталась скрыть чрезмерной веселостью. Смеялась слишком часто и громко. И голос стал неестественно пронзительным. Она как-то разом постарела. В начале января выглядела лет на двадцать пять, хотя ей уже

перевалило за тридцать. Теперь же казалось, что она разменяла пятый десяток. Все это я заметил в первые минуты, когда все перемены видны особенно отчетливо. Но никак не прокомменти́ровал увиденное. А первым заговорил Джек.

— Ты выглядишь уставшим, Лео. Наверное, эта поездка отняла у тебя много сил.

— Бедный Лео, — добавила Ширли. — Все эти мотания из города в город. Тебе нужно отдохнуть. Смог бы ты задержаться дольше чем на неделю?

— Неужели я такой плохой? — улыбнулся я.

— Немного аризонского солнца, и будешь как огурчик, — ответила Ширли и рассмеялась громко и пронзительно.

В тот первый день мы в основном и загорали. Втроем лежали на солари́и под аризонским солнцем. После нескольких недель зимы я впитывал в себя тепло. С обычным для них тактом в первый день они ни единым вопросом не коснулись моего нынешнего занятия. Разговор шел лишь о пустяках, а вечером мы поужинали бифштексом и бутылкой выдержанного вина. И когда, наевшись до отвала, я улегся на толстый ковер в гостиной, а из динамиков полилась чарующая музыка Моцарта, все, что я видел и слышал за последние недели, начало удаляться от меня и вскоре уже напоминало полузабытый фильм.

Утром я проснулся рано, еще не привыкнув к смене часовых поясов, и пошел прогуляться. Когда я вернулся, Джек уже проснулся. Он сидел на скамье и что-то вырезал на стволе засохшего дерева.

— Лео, ты что-нибудь выяснил насчет... — выпалил он, едва я приблизился.

— Нет.

— ...преобразования энергии.

Я покачал головой.

— Я пытался, Джек. Но от Ворнана можно узнать лишь то, что он сам хочет сказать тебе. А добиться от него чего-либо конкретного просто невозможно. В увиливании от прямого ответа ему нет равных.

— Я не нахожу себе места, Лео. Если мое открытие стало причиной гибели цивилизации...

— Пожалуйста, перестань. Ты лишь отодвинул границу непознанного, Джек. Опубликуй свою работу, получи Нобелевскую премию и думать забудь о том, что может за этим последовать. Ты же чистый теоретик. Нечего мучить себя из-за того, что кто-то найдет, как применить на практике выведенные тобой уравнения.

— Люди, придумавшие бомбу, наверное, говорили себе эти же слова, — пробормотал Джек.

— Что-то я не припомню, чтобы в последнее время сбрасывали бомбы. А вот в твоём доме автономный реактор. Тебе пришлось бы топить печь, если бы эти парни не открыли цепную реакцию.

— Но их души... их души...

Я не выдержал.

— Мы глубоко чтим их души! Они были учеными, делали все, что в их силах, и кое-чего достигли. Да, они изменили мир, но другого выхода у них не было. Шла война, ты согласишься об этом? Цивилизации грозила гибель. Их творение принесло немало горя, но и много добра. Ты же ничего не изобрел. Только написал уравнения, вывел основные принципы. Но уже переживаешь, словно предал человечество. Джек, ты лишь воспользовался тем, что даровано тебе природой. И...

— Хорошо, Лео, — прервал он меня. — Признаю себя виновным в склонности жаловаться на судьбу. Приговори меня к смерти и давай сменим тему. Что ты можешь сказать об этом Ворнана? Он действительно прибыл из будущего? Или шарлатан? Ты же общался с ним лично.

— Я не знаю.

— Лео в своем репертуаре! — со злостью воскликнул Джек. — Всегда ухватывающий суть! Всегда готовый дать однозначный ответ!

— Все не так просто, Джек. Ты видел Ворнана на экране?

— Да.

— Тогда ты знаешь, что личность он неординарная. Хитрец, каких я еще не встречал.

— Но интуиция тебе что-то да подсказывает, Лео. Из будущего он или мошенник?

— Ворнан тот, за кого себя выдает.

— Человек из две тысячи девятьсот девяносто девятого года?

— Путешественник во времени, — подтвердил я.

За моей спиной фальцетом рассмеялась Ширли.

— Так это прекрасно, Лео. Ты наконец понял, как ужиться с иррациональным, противоречащим здравому смыслу.

Она возникла позади нас, обнаженная утренняя богиня, ослепительно прекрасная, с развевающимися на ветру волосами. И лишь глаза неестественно ярко блестели.

— Иррациональное — опасная любовница. И мне не в радость делить с ней постель.

— А почему ты думаешь, что он из будущего? — Джеку требовались доказательства.

Я рассказал ему об анализе крови и лингвистическом эксперименте Ллойда Колффа. Добавил личные впечатления. Ширли сияла. Джек хмурился.

— Ты ничего не знаешь о научных принципах, позволивших осуществить перемещение во времени?

— Абсолютно ничего. Он не сказал ни слова.

— Он не хочет, чтобы две тысячи девятьсот девяносто девятый год наводнили волосатые варвары, построившие машину времени по полученному от него описанию.

— Может, дело и в этом. Безопасность прежде всего.

Джек закрыл глаза. Качнулся назад, вперед.

— Если он не шарлатан, тогда преобразование энергии — не фантазия, и существует возможность...

— Перестань, Джек! — рявкнул я. — Хватит об этом!

Джек мотнул головой, поднялся.

— Не позавтракать ли нам? — предложил я.

— Как насчет форели, прямо из морозильника?

— Отлично, — и я шлепнул Ширли по упругой ягодице, подтолкнув к дому.

Мы с Джеком последовали за ней. Он заметно успокоился.

— Я бы хотел побеседовать с Ворнаном. Минут десять, не более. Ты сможешь это устроить?

— Сомневаюсь. Личные встречи разрешают лишь очень немногим. Администрация строго следит за этим, во всяком случае, старается следить. И если ты не епископ, президент холдинговой компании или знаменитый поэт, шансов у тебя практически нет. Да это и неважно, Джек. То, что тебя интересует, ты от него не узнаешь. Я в этом уверен.

— Однако я хотел бы попытаться. Имей это в виду.

Я пообещал, что постараюсь ему помочь, но предупредил, что скорее всего из этого ничего не выйдет.

За завтраком мы говорили о другом. Потом Джек ушел к себе поработать над какой-то рукописью, а мы с Ширли перебрались на солерий. Она сказала, что волнуется за Джека. Тот поглощен одной мыслью: что подумают о нем в будущем? И она не знала, чем его отвлечь.

— Для меня это не новость, Лео. Это все продолжается с первых дней нашего знакомства, когда он работал в твоей лаборатории. Но с появлением Ворнана он резко изменился к худшему. Теперь абсолютно уверен, что его открытие изменит ход истории. На прошлой неделе он заявил, что лишь порадует, если апокалипсисты окажутся правы. Он хочет, чтобы мир взорвался в следующем январе. Он болен, Лео.

— Но это болезнь, которую он не пытается излечить.

Она наклонилась ко мне и едва слышно прошептала:

— Ты от него что-нибудь скрываешь? Скажи мне правду. Ворнан что-то сказал насчет энергии?

— Ничего. Клянусь тебе.

— Но если ты действительно веришь, что он из...

— Верю, но не убежден до конца. Меня останавливают известные мне научные данные.

— А если их отбросить?

— Я верю.

Мы помолчали. Взгляд мой скользил по ее спине, великолепным бедрам. Капельки пота выступили на ее загорелых ягодицах. Пальчики ног сжимались и разжимались, выдавая ее волнение.

— Джек хочет встретиться с Ворнаном.

— Я знаю.

— И мне хочется. Признаюсь тебе, Лео. Я его хочу.

— Как и большинство женщин.

— Я никогда не изменяла Джеку. Но с Ворнапом бы изменила. Конечно, я призналась бы Джеку. Но меня тянет к нему. Увидев его на экране, я захотела отдаться ему. Я шокирую тебя, Лео?

— Не говори ерунды.

— Меня успокаивает только одно — у меня нет ни единого шанса. В очереди передо мной, должно быть, миллион женщин. Ты заметил, Лео, какая волна истерии поднялась вокруг этого человека? Прямо-таки культ. Своим появлением он выбил почву из-под ног апокалипсистов. Прошлой осенью все только и говорили о скором конце света. Теперь же речь идет о нашествии туристов из будущего. Я наблюдаю по телевизору за лицами людей, что всюду следуют за Ворнапом. Они его боготворят, готовы молиться на него. Он стал для них мессией. Ты со мной согласен?

— Конечно. Я же не слепой, Ширли. И вижу то же самое, только в непосредственной близости.

— Меня это пугает.

— И меня.

— А когда ты сказал, что он не шарлатан, ты, твердокобый Лео Гарфилд, я испугалась еще больше, — вновь пронзительных смех. — Мы тут живем, словно на краю света, и иногда возникает ощущение, что мир весь сошел с ума, за исключением меня и Джека.

— Но в последнее время у тебя появились сомнения и в отношении Джека.

— О, да, — ее рука накрыла мою. — Почему люди так реагируют на Ворнана?

— Потому что впервые видят такого, как он.

— Он же не первый из тех, в ком горит искра божья.

— Никто из них не объявлял себя посланцем будущего. И он первый в эпоху глобальной информационной сети. Весь мир видит его в трехмерном изображении и цвете. Он приходит к ним в дом. Его глаза... его улыбка... Он — лидер, Ширли. И люди это чувствуют. Даже через экран. А уж при непосредственном общении тем более.

— И чем все закончится?

— Очевидно, он вернется в две тысячи девятьсот девяносто девятый год и напишет бестселлер о своих примитивных прущах.

Ширли рассмеялась, и разговор сошел на нет. Ее слова взволновали меня. Нет, я не удивился, узнав, что ее тянет к нему. В этом она была неодинок. Расстроило ее желание рассказать мне обо всем. Я вроде бы стал ее доверенным другом, с которым делится самым сокровенным, и это меня злило. Женщина может рассказывать о своих тайных желаниях гаремному евнуху, другой женщине, но не мужчине, который, о чем она прекрасно знала, сам, пусть и в другой ситуации, имел бы на нее виды. Она же не могла не осозна-

вать, что меня останавливает лишь уважение к ее семье. Иначе я, возможно, предложил бы ей разделить со мной ложе и скорее всего не получил бы отказа. Так почему она поведала мне о своих чувствах к Ворнану, понимая, что ее слова причинят мне боль? Или она думала, что со моей помощью ей удастся заполучить Ворнана в свои объятия? Что из любви к ней я стану сутенером?

Еще долго мы нежились на солнышке, а потом пришел Джек.

— Показывают Ворнана. Он в Сан-Диего. Дает интервью теологам и философам. Хотите посмотреть?

Пожалуй, что нет, подумал я. Я приехал сюда, чтобы отдохнуть от Ворнана, но и здесь говорят только о нем. И не успел разлепить губы, как Ширли сказала: «Да». Джек включил ближайший от нас экран, и тут же перед нами возник Ворнан, совсем как живой, лучащийся обаянием. Камера крупным планом показала его собеседников: пятеро крупнейших специалистов эсхатологии*. Я узнал длинный нос и кустистые брови Милтона Клейхорна, одного из научных столпов университета Сан-Диего, который, как говорили, в своих изысканиях пытался отделить Христа от христианства. Рядом сидела доктор Наоми Герстен, маленькая, худенькая, в карих глазах которой отражались шесть тысячелетий страданий еврейского народа. И трое остальных показались мне знакомыми: вероятно, они представляли наиболее значимые религиозные общины. Дискуссия уже шла полным ходом, но мы успели к самому интересному. Ворнан в какой уж раз потряс мир.

— ...Так вы говорите, что в вашем времени нет религиозных объединений? — спрашивал Клейхорн. — Произошло полное отрицание церкви?

Ворнан кивнул.

— Но сама религиозная идея, — Клейхорн возвысил голос. — Она-то не может исчезнуть! Это же доказано временем! Человек должен определить взаимоотношения границ Вселенной и собственной души. Он...

— Быть может, — вмешалась доктор Герстен, — стоит поставить вопрос несколько иначе. Скажите, пожалуйста, понимаете ли вы, что мы подразумеваем под религией?

— Конечно. Это признание зависимости человека от более могучих внешних сил, — и Ворнан ослепительно улыбнулся, довольный собой.

— Прекрасная формулировка, не правда ли, монсеньор, — ведущий бархатым голосом обратился к мужчине с длинным подбородком.

Я не раз видел его на экране: Мигэн, телевизионный проповедник. Тот не стал спорить.

* Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человечества, о конце света и Страшном суде. В развитой форме эсхатология присуща иудаизму, христианству, исламу.

— Да, превосходно сказано. Как приятно узнать, что наш высокий гость осознает концепцию религии, пусть... — голос монсеньора дрогнул, — и утверждает, что современные религии перестали играть сколь-либо заметную роль в его эпоху. Позволю высказать предположение, что мистер Ворнан просто недооценивает влияние религии в его дни и, возможно, как многие наши современники, переносит личный недостаток веры на все общество. Вас не затруднят прокомментировать мои слова?

Ворнан вновь улыбнулся. Что-то злое блеснуло в его глазах. Меня охватил страх. Глаза и губы сработали одновременно. Он заряжал катапульту, чтобы разнести вражеские стены. Почувствовали неладное и собеседники Ворнана. Клейхорн весь подобрался. Доктор Герстен, словно черепаха, выжала голову в плечи. Знаменитый монсеньор подался назад.

— Вы хотите, чтобы я рассказал вам, что мы узнали о взаимоотношениях человека и Вселенной? Видите ли, нам стало известно, каким образом возникла жизнь на Земле, и достоверные сведения о сотворении мира оказали решающее воздействие на наши религиозные воззрения. Поймите, пожалуйста, я не археолог, а потому могу поделиться с вами лишь самым общим, без подробностей. Когда-то, в далеком прошлом, наша планета была абсолютно безжизненна. Всю ее покрывал океан, из которого торчали редкие скалы. И в воде и на суше не было даже микробов. Потом к нашей планете подлетел исследовательский корабль с одной из ближайших звезд. Они не приземлялись. Облетели планету, убедились, что жизни на ней нет, а потому она их не заинтересовала. На орбите они задержались еще на короткое время, чтобы сбросить мусор, накопившийся за время межзвездного перелета. Мусор полетел вниз, в атмосферу, а они отправились дальше, выполняя намеченную программу исследований. Оказавшись в воде, мусор этот вызвал некие химические реакции, положившие начало процессу, результатом которого стал феномен, известный... — теологов охватила паника. Камера безжалостно показывала их перекошенные лица, безумные глаза, отвисшие челюсти, — ...как жизнь на Земле.

Глава 13

По завершении недели отдыха я на прощание поцеловал Ширли, посоветовал Джеку не нервничать и отправился в Тусон, чтобы оттуда улететь в Лос-Анджелес. Ворнан со свитой, прибывшие из Сан-Диего, опередили меня лишь на несколько часов. Отголоски последнего интервью Ворнана все еще сотрясали Землю. Такого в истории человечества еще не было. В телевизионной передаче, которую одновременно смотрели на всех континентах, Ворнан опроверг основной теологический догмат. Все сразу узнали, что обязаны своей

жизнью мусору, выброшенному пришельцами в до того стерильное море. Просто и без затей Ворнан свел на нет веру четырех миллиардов человеческих существ. Оставалось только восхищаться его ловкостью. Джек, Ширли и я не отрываясь наблюдали за разворачивающимся действием. Ворнан заявил, что утверждения его основаны не на догадках, а на результатах скрупулезного расследования, подтвержденного информацией, полученной от инопланетян, посетивших Землю в его время. Как обычно, в подробности он не вдавался, ограничившись самыми общими положениями. Но те, кто поверил, что Ворнан прибыл к нам из 2999 года, восприняли, как само собой разумеющееся, и его версию сотворения мира. Так что на следующий день едва ли не все газеты порадовали читателей аршинным заголовком: «МИР СОТВОРЕН ИЗ МУСОРА», и идея эта с невероятной быстротой начала внедряться в общественное сознание.

Оживились апокалипсисты, в последние несколько недель ушедшие в тень. В различных городах они провели шумные митинги протеста. На экране мы видели их застывшие лица, сверкающие глаза, транспаранты с вызывающими надписями. Выяснилось, что мы знали об этом культе далеко не все. Я полагал, что в апокалипсисты могут пойти лишь бестолковая молодежь да бездомные и убогие. Но, к моему изумлению, в их рядах оказалось много верующих. Они не принимали участия в оргиях, не соревновались в эксгибиционизме, но свято верили в близкий конец света. И после сенсационного заявления Ворнана именно эти религиозные фанатики возглавили колонны апокалипсистов. Сами они, разумеется, не совокуплялись у всех на глазах, но вели прелюбодеев за собой, смиренно принимая окружающее их бесстыдство за свидетельство скорого конца. Ворнана эти люди считали антихристом и не могли представить себе большего святотатства, чем его версию сотворения мира из мусора.

Другие восприняли его слова как ИСТИНУ. Почитатели Ворнана появились теперь в каждом городе, для них он стал не просто пророком, но символом веры. Мы — отбросы и произошли из отбросов, а потому должны отбросить всю мистическую муть и примириться с реальностью, говорили эти люди. Бога нет, но Ворнан — его посланец! Прибыв в Лос-Анджелес, я обнаружил и первых, и вторых в полной готовности, не щадя себя, отстаивать свои убеждения, и Ворнана, окруженного усиленной охраной. С большим трудом удалось мне присоединиться к нашему комитету. Меня посадили в вертолет и доставили на крышу отеля в центре Лос-Анджелеса, ибо все прилегающие улицы запрудили вопиющие апокалипсисты и почитатели Ворнана, жаждущие показаться своему идолу. Крейлик подвел меня к ограждающему парапету, чтобы я посмотрел на гудящее людское море.

— И давно это продолжается? — спросил я.

— С девяти утра. Мы прибыли в одиннадцать. Я мог бы вызвать войска, но пока решил не прибегать к крайним мерам. Мне сказали, что до самой Пасадены улицы заполнены народом.

— Такое просто невозможно! Мы...

— Посмотрите сами.

Он сказал правду. Людская река заполняла мостовую, обтекала небоскребы реконструированного городского центра, протягиваясь до автострад и исчезая за горизонтом далеко на востоке. Несвязные крики и вопли долетали и до нас. Я больше не хотел смотреть вниз. Мы были в осаде.

А Ворнана явно забавлял джинн, выпущенный им на волю. Я нашел его в «люксе» на восемьдесят пятом этаже, с обычной свитой: Колфф, Хейман, Элен, Эстер, несколько журналистов. Не было только Филдза. Как я потом узнал, он дулся, в очередной раз подкатившись к Эстер и получив отказ. Когда я вошел, Ворнан восхищался калифорнийской погодой. Увидев меня, сразу поднялся, шагнул мне навстречу, взял за руки, заглянул в глаза.

— Лео, старина! Как нам вас недоставало!

Столь дружеский прием едва не лишил меня дара речи. С трудом я промямлил:

— Я следил за вашим турне по телевизору, Ворнан.

— Вы слышали интервью в Сан-Диего? — поинтересовалась Элен.

Я кивнул. Ворнан лучился самодовольством. Он махнул рукой в сторону окна.

— Внизу собралась большая толпа. Как по-вашему, чего они хотят?

— Ждут очередного откровения, — ответил я.

— Евангелие от святого Ворнана, — пробормотал Хейман.

Позднее Колфф поделился со мной малоприятными новостями. Компьютер в Колумбийском университете провел анализ языка, на котором, по утверждению Ворнана, говорили в тридцатом веке. Структура языка поставила компьютер в тупик, и он разложил все на фонемы, но без каких-либо выводов. Из компьютерного анализа следовало, что Колфф прав, полагая, что Ворнан говорит на языке, которому еще предстояло появиться. Но оставалась вероятность того, что с губ Ворнана слетал случайный набор звуков, и иногда их комбинация походила на видеоизмененное временем знакомое слово. Колфф впал в отчаяние. Находясь под впечатлением разговора с Ворнаном, он изложил свою точку зрения прессе и помог раздуванию всеобщей истерии. Теперь его мучили сомнения: правильно ли он истолковал услышанное от Ворнана?

— Ошибившись, я погубил себя, Лео, — делился он со мной своими тревогами. — У меня нет ничего, кроме репутации, а теперь я могу лишиться и этого.

Колфф дрожал, как лист на ветру. За те несколько дней,

что мы не виделись, он похудел на добрых двадцать фунтов. Упругая кожа стала дряблой, обвисла.

— А почему не сделать еще одну запись? — спросил я. — Пусть Ворнан повторит то, что наговорил в первый раз. А потом вы введете в компьютер обе записи, и он проведет сравнительный анализ. Если в первый раз он молот чужь, повторить то же самое ему не удастся.

— Друг мой, эта мысль первой пришла мне в голову.

— И что?

— Более он не желает говорить со мной на своем языке. Он потерял интерес к моим исследованиям. Отказывается произнести хоть одно слово.

— Мне это кажется подозрительным.

— Да, — печально вздохнул Колфф. — Конечно, это подозрительно. Я говорил ему, что, повторив запись, он сможет уничтожить всякие сомнения насчет его принадлежности к будущему, но он молчал. Ваш отказ, убеждал его я, поневоле наводит нас на мысль, что вы — шарлатан. Он ответил, что ему наплевать. Он блефует? Или лжет? Или ему действительно наплевать? Лео, я в транс.

— Но вы уже уловили некую лингвистическую конструкцию, в которую укладывались произносимые им слова?

— Разумеется, уловил. Но вдруг то была иллюзия... случайный набор звуков, — он покачал головой, словно раненый морж, что-то пробормотал на персидском или пуштунском, и, подволакивая ноги, двинулся прочь, сгорбленный, с поникшей головой.

И я понял, что Ворнан лишил нас одного из главных аргументов, говорящих за то, что он прибыл из тридцатого века. Лишил сознательно. Без всякой на то причины. Он играл с нами... со всем человечеством.

В тот вечер мы пообедали в отеле. Не могло идти и речи о том, чтобы куда-то поехать: прилегающие улицы заполнила многотысячная толпа. В тот вечер одна из телекомпаний показывала документальный фильм о поездке Ворнана по стране. Мы смотрели его на этот раз вместе с Ворнаном, хотя ранее его не интересовало, что говорят о нем средства массовой информации. Лучше бы он его не увидел. Режиссер сделал особый упор на воздействие Ворнана на массовое сознание, и он показал многое из того, о чем я даже не подозревал. Девушки-подростки в Иллинойсе извивались в наркотическом экстазе перед голограммой нашего гостя. Африканцы жгли ритуальные костры в его честь. Женщина в Индиане записывала на пленку все телетрансляции, посвященные человеку из будущего, а затем продавала их копии, уложенные в оригинальные футляры. Люди шли на запад. Толпы жаждущих увидеть Ворнана. Камера крупным планом показывала их закаменелые лица фанатиков. Они ждали от Ворнана откровений, пророчеств, слово истины, которое укажет им путь. Его появление в любом месте будоражило насе-

ление. И я уже представлял себе, что бы произошло, отдай Колфф журналистам запись речи Ворнана. В его чирикании все увидели бы путь к спасению. Меня охватил испуг. Изредка я поглядывал на Ворнана и видел, как тот удовлетворенно кивает, довольный тем эффектом, который оказало его появление на окружающих. Казалось, он упивался тем могуществом, что вложили в его руки любопытство и реклама. Все, что он говорил, выслушивалось с огромным интересом, обсуждалось и толковалось на все лады, чтобы стать истиной, признанной миллионами. Считанные люди в истории человечества обладали такой властью над людьми, и ни один из предшественников Ворнана не имел в распоряжении информационной системы, охватывающей всю Землю.

Прежде Ворнан не обращал ни малейшего внимания на то, как реагирует на его присутствие мир, отчужденно взирал на окружающую действительность, точно так же, как и в тот день, когда римский полицейский попытался остановить его, голышом поднимавшегося по Испанским ступеням. Теперь же возникла обратная связь. Он смотрел документальный фильм о самом себе. Наслаждался ли он теми беспорядками, что вызвал своим поведением? Специально готовил волнения? Ворнан, не ведающий, что творит, оставлял за собой хаос. Ворнан, действующий осознанно, мог уничтожить цивилизацию. Сначала я относился к нему с пренебрежением. Потом он забавлял меня. Теперь я его боялся.

Компания наша в тот вечер разошлась рано. Я видел Филдза, что-то горячо втолковывавшего Эстер. Та покачала головой, пожала плечами и отошла, оставив его пунцовым от злости. К нему подошел Ворнан, коснулся его руки. Не знаю, что он сказал Филдзу, но тот разозлился еще больше, развернулся и выскочил из гостиной. Потом ушли Колфф и Элен. Я немного задержался, не знаю почему. Мой номер соседствовал с номером Эстер. По коридору мы шли вместе, остановились у ее двери. У меня сложилось впечатление, что она собиралась пригласить меня провести эту ночь с ней. Была оживленнее обычного, ресницы ее подрагивали, ноздри раздувались.

— Как вы думаете, сколько еще может продолжаться наша поездка? — спросила Эстер.

Я ответил, что понятия не имею. Она сказала, что подумывает о возвращении в свою лабораторию, но затем призналась:

— Я бы уехала немедленно, но против своей воли увлеклась происходящим. И особенно меня интересует Ворнан. Лео, вы заметили, что он меняется?

— В каком смысле?

— Начинает осознавать, что происходит вокруг. В первое время он всем своим видом давал понять, что его это не

касается. Помните, он предложил мне принять с ним душ?

— Никогда не забуду.

— Будь это любой другой мужчина, я бы отказалась. Но Ворнан вел себя так естественно... словно ребенок. Я знала, что он не причинит мне вреда. Но теперь... он, похоже, хочет использовать людей. Он уже не осматривает достопримечательности. Он манипулирует всеми. И очень ловко.

Я признался, что те же мысли посетили и меня, когда мы смотрели телевизор. Глаза ее затуманились, на щеках выступили пятна румянца. Она облизала губы, и я ждал ее слов о том, что у нас много общего и нам пора лучше узнать друг друга. Но услышал иное.

— Я боюсь, Лео. Как бы я хотела, чтобы он вернулся, откуда пришел. Нас ждут серьезные неприятности.

— Крейлик и компания постараются их предотвратить.

— А сумеют ли? — Она нервно улыбнулась. — Ну, спокойной ночи, Лео. И добрых снов.

Она ушла. Я же еще долго стоял перед закрытой дверью, а память услужливо показывала мне обнаженное тело Эстер, увиденное без ее ведома. Ранее она не влекла меня. Собственно, я даже не воспринимал ее как женщину. А тут внезапно понял, что видел в ней Мортон Филдз. И страстно возжелал ее. Может, и тут сказалось влияние Ворнана? Я усмехнулся. Теперь я, кажется, склонялся к тому, чтобы винить его во всех грехах. Я поднес руку к контактной пластине двери Эстер, собрался было попросить ее впустить меня к себе, но передумал. И прошел в свой номер. Запер дверь, разделся, лег в постель. Но заснуть не смог. Встал, пересек комнату, посмотрел в окно. Толпа внизу рассосалась. Над городом сиял полумесяц. Я взял блокнот, дабы языком математики сформулировать гипотезу, пришедшую мне в голову за обедом. Задачу себе я поставил следующую: при условии, что путешествие во времени возможно, доказать, что перед прибытием в пункт назначения происходит обратное превращение антиматерии в материю. Работал я быстро, и вроде бы все у меня получалось. Я уже потянулся к телефону, чтобы связаться с компьютером, дабы он проверил мои выкладки. Но заметил ошибку в самом начале расчетов, глупую алгебраическую ошибку: перепутал знаки. Я смял исписанные листки и отбросил их в сторону.

И тут же в дверь постучали.

— Лео? — услышал я голос. — Лео, вы не спите?

Я включил сканнер, стоящий у моей кровати, и на экране увидел мутное изображение позднего визитера. Ворнан! Мгновенно я подскочил к двери, открыл ее. Он был в вечернем наряде, словно собирался в гости. Его появление изумило меня. Я знал, что Крейлик каждый вечер блокирует замок его двери, и Ворнан не может выйти из номера. Делалось это для того, чтобы защитить его от незваных гостей,

но, с другой стороны, превращало номер в тюремную камеру. Однако Ворнан стоял передо мной.

— Заходите. Что-нибудь случилось?

— Отнюдь. Вы спали?

— Работал. Пытался вычислить, как функционирует ваша чертова машина времени.

Ворнан рассмеялся.

— Бедный Лео. С этими расчетами можно и свихнуться.

— Если б вы действительно жалели меня, могли бы намекнуть, что к чему.

— И намекнул бы, если б мог. К сожалению, это не в моих силах. Я объясню, когда мы спустимся вниз.

— Вниз?

— Да. Предлагаю немного пройтись. Вы составите мне компанию, не так ли, Лео?

У меня отвисла челюсть.

— Там же беснуется толпа. Нас убьют.

— Я думаю, толпа уже разошлась, — покачал головой Ворнан. — И я позаботился о нашей безопасности, — он вытянул руку. На ладони лежали две маски, аналогичные тем, что мы надевали в чикагском борделе. — Нас никто не узнает. И мы сможем погулять по улицам этого чудесного города. Я хочу пройтись, Лео. Мне надоел постоянный надзор. Пора отдохнуть от него.

Я не знал, что и делать. Позвонить Крейлику, чтобы тот вернул Ворнана в его номер? Пожалуй, самый разумный выход. С масками или без мы подвергали себя немалому риску, покидая отель без охраны. Но тем самым я предавал Ворнана. Очевидно, он доверял мне больше, чем остальным. Возможно, хотел чем-то поделиться со мной наедине, вне зоны действия подслушивающих и подсматривающих устройств Крейлика. И я решил согласиться на его предложение, надеясь, что полученная от него ценная информация оправдывает принятое мною решение.

— Хорошо. Я пойду с вами.

— Тогда быстро. Если кто-то следит за происходящим в вашем номере...

— А в вашем?

Ворнан самодовольно рассмеялся.

— С моим все в порядке. Те, кто наблюдает за ним, полагают, что я у себя. Но если меня увидят еще и здесь...

Я не заставил просить себя дважды, и мы вышли в коридор. В холле крепко спали трое охранников. В воздухе вливалась зеленая сфера, баллон-анестезатор. Как только ее термодатчик уловил исходящее от моего тела тепло, она начала поворачиваться, дабы направить на меня струю парализующего газа. Ворнан ленивым движением руки взялся за пластиковый трос, на котором висела сфера, и притянул ее к самому полу. Заговорщицки улыбнулся. Он напоминал мальчишку, сбежавшего из дома. Одним прыжком пересек

холл, взмахом руки предложил мне следовать за ним. Открыл служебную дверь, за ней оказался пневмопровод, по которому транспортировалось постельное белье.

— Мы же попадем в прачечную, — запротестовал я.

— Что за глупости вы говорите, Лео. Мы выйдем задолго до конечной остановки.

Спорить я не стал. По тоннелю пневмопровода мы полетели вниз. Пока не упали на сеть. Я уж подумал, что мы угодили в ловушку, но Ворнан все мне объяснил.

— Это сеть безопасности. Установлена для того, чтобы случайно упавший в пневмопровод человек не попал на конвейер для белья. Я узнал об этом у горничных. Пошли!

Из сети — вероятно, она перекрывала тоннель по сигналам установленных в нем масс-детекторов, — он ступил на выступ, открыл дверь. Для человека, который не в силах понять, для чего нужна фондовая биржа, он куда как неплохо разбирался в конструктивных особенностях этого отеля. Едва я присоединился к нему, спасательная сеть ушла в стену. Сверху полетели грязные простыни, наволочки, пододеяльники на конвейер, предназначенный для того, чтобы доставить их в прачечную. Дверь вывела нас в узкий коридор, освещенный тусклыми лампочками. Из него мы попали на обыкновенную лестницу. Спустились в один из служебных вестибюлей и, никем не замеченные, вышли на улицу.

Вокруг царили тишина и покой. Но побывавшая здесь толпа оставила свои следы. Тротуар и стены пестрели надписями. Слова были разные, смысл — один: «КОНЕЦ БЛИЗОК, ГОТОВЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С СОЗДАТЕЛЕМ». Тут и там валялась порванная одежда. Застывшие хлопья пены показывали, что толпу пришлось разгонять. Кое-где, в самых темных местах, лежали люди. То ли мертвецы пьяные, то ли мирно уснувшие: полиция, похоже, их не заметила.

Мы натянули маски и двинулись в ночь. Центр города занимали отели и административные здания. В последних не светило ни огонька. Да и многие из проживающих в отелях спали. Пройдя два квартала, мы остановились у витрины магазина, торгующего подслушивающими устройствами. Ворнан, как зачарованный, уставился на выставленные образцы. Магазин, конечно, был закрыт, но как только кто-то из нас наступил на контактную пластину перед дверью, мелодичный голос сообщил нам часы работы магазина и пригласил заглянуть в него днем. Следующим наше внимание привлек магазин, в котором продавались рыболовные снасти. Вновь сработала контактная пластинка. «Вы сделали правильный выбор, — обратился к нам хрипловатый мужской голос, надо думать, бывалого рыболова, агитирующего, как выяснилось чуть позже, за глубоководную охоту. — У нас вы найдете все что угодно. Гидрофотометры, определители плотности планктона, илокопатели, ультразвуковые измерители расстояний, регистраторы прилива, гидро-

статические усилители, радарные буи, клинометры, детекторы наличия ила в воде, индикаторы...»

Мы двинулись дальше.

— Хорошие у вас города, — Ворнан повернулся ко мне. — Дома такие высокие, торговцы такие агрессивные. У нас нет торговцев, Лео.

— А что вы делаете, если вам вдруг потребовался определитель плотности планктона или детектор наличия ила?

— Они в полном нашем распоряжении. Но лично мне они никогда не требовались.

— Почему вы так мало рассказываете о вашем времени?

— Потому что я прибыл сюда, чтобы узнать новое, а не учить.

— Но мы ничего от вас не скрываем. Вы могли бы ответить взаимностью. Нам любопытно, какое будущее ждет наших далеких потомков. Из вас же и слова не вытянешь. Вот и у меня сложилась самая общая картина.

— Скажите, каким представляется вам мой мир?

— Численность населения меньше, чем теперь. Все спокойно, упорядоченно. Техника не на виду, но под боком. Получить требуемое не составляет никакого труда. Войн нет. Государств тоже. Простая, приятная, счастливая жизнь. Мне трудно в такое поверить.

— Вы все так хорошо описали.

— Но как вам это удалось, Ворнан? Вот что интересует нас больше всего! Посмотрите на мир, в который вы пришли. Супербомбы. Напряженность. Голод. Раздражение. Миллионы истеричных людей, готовых растерзать несогласных с ними. Что случилось? Почему мир утихомирился?

— Тысяча лет — долгий срок, Лео. Многое может случиться.

— А что все-таки случилось? Куда подевались нынешние страны? Расскажите мне о кризисах, войнах, переворотах.

Мы остановились под фонарем. Фотодатчики заметили нас, и тусклое свечение лампы сменилось ярким сиянием.

— Предположим, я попрошу вас, Лео, рассказать мне о возникновении, развитии и закате Святой Римской Империи.

— Откуда вы узнали о Святой Римской Империи?

— От профессора Хеймана. Скажите мне, что вам известно об этой империи?

— Ну... практически ничего. Какая-то конфедерация в Европе, существовавшая семьсот или восемьсот лет назад. И...

— Другого я и не ждал. Вы ничего о ней не знаете.

— Я же не историк, Ворнан.

— Я тоже. Так почему вы решили, что я должен знать об эпохе Очищения больше, чем известно вам о Святой Римской Империи? Для меня это древняя история. Я никогда не изучал ее. Она несколько меня не интересовала.

— Но, раз уж вы собирались отправиться в прошлое, вы

не могли не познакомиться с историей человечества. Выучили же вы английский.

— Английский я выучил по необходимости, чтобы общаться с вами. А история мне ни к чему. Я же не ученый, Лео. Всего лишь турист.

— И вы ничего не знаете о науке вашего времени?

— Абсолютно, — радостно признал Ворнан.

— Но что-то вы знаете? Что вы делали в две тысячи девятьсот девяносто девятом году?

— Ничего.

— У вас нет профессии?

— Я путешествую. Наблюдаю. Наслаждаюсь жизнью.

— Член общества богатых праздношатающихся?

— Да, только у нас нет богатых праздношатающихся. Полагаю, вам следует назвать меня бездельником, Лео. И кому же невежественным бездельником.

— В две тысячи девятьсот девяносто девятом году все такое, как вы? Работа и научные исследования давно забыты?

— О, нет, нет, нет, — покачал головой Ворнан. — Многие из нас очень трудолюбивы. Мой соматический брат Ланн Тридцать Первый собирает легкие импульсы, признанный авторитет в этой области. Мой хороший друг Мортель Девяносто Первый придумывает жесты. Пол Тринадцатый, чья красота тронула бы и вас, танцует на психодроме. У нас есть художники, поэты, ученые. Знаменитый Экки Восемьдесят девятый потратил пятьдесят один год на изучение Пламенных лет. Сатор Одиннадцатый изготовил кристаллические изображения всех Искателей. Своими руками. Я ими горжусь.

— А вы, Ворнан?

— А я — ничто. Я ничего не делаю. Ничем не выделяюсь, Лео. Обычный человек, — голос его звучал как никогда искренне. — Я пришел сюда от скуки, в жажде поразвлечься. Другие же заняты куда более полезными делами. Я — пустой сосуд, Лео. Я не сведущ ни в науке, ни в истории. О красоте я знаю самую малость. Я невежда. Очень ленив, — сквозь маску проступила его обаятельная улыбка. — Я предельно честен с вами, Лео. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я не могу ответить на вопросы, и ваши, и ваших друзей. Толку от меня чуть, кроме недостатков, во мне ничего нет. Моя честность опечалила вас?

— Не просто опечалила. Ужаснула.

Если только Ворнан не разыгрывал очередной спектакль, получалось, что он дилетант, прожигатель жизни, бездельник. Короче, никчемный человек, отправившийся в прошлое, чтобы поразвлечься среди дикарей, поскольку ему наскучила собственная эпоха. Становились понятными уклончивость его ответов, провалы в его знаниях. Неужели наш век не заслужил более компетентного путешественника во времени, чем Ворнан? Меня пугала легкость, с которой этот пустозвон, так, по существу, он охарактеризовал себя, забирал

власть над миром. Куда может завести его страсть к развлечениям? Есть ли у него хоть какие-то сдерживающие центры?

Мы зашагали дальше.

— Почему нас не посещали другие путешественники во времени? — спросил я.

Ворнан хохотнул.

— С чего вы взяли, что я первый?

— Мы никогда... никто не... их не было... — В голове у меня все перемешалось. Неужели путешествие во времени все-таки возможно?

— Я далеко не первый, — загерил он меня. — До меня в прошлом побывали многие.

— Но они сохраняли в тайне свою принадлежность к будущему?

— Разумеется. А я с удовольствием открылся вам. Другие, более серьезные личности, отдают предпочтение скрытности. Заканчивают свои дела и отбывают.

— И много их посетило нас?

— Понятия не имею.

— Они бывали в разных веках?

— Естественно.

— Жили среди нас под вымышленными именами?

— Да, да, конечно. Часто занимали заметное положение. Бедный Лео! Неужели вы приняли меня за уникума?

Мне стало нехорошо. Наш мир наводнен пришельцами из будущего? Они управляют нашими государствами? Сто, тысяча, пятьдесят тысяч путешественников мотаются взад-вперед во времени? Нет, нет. Мой разум этого не принимал. Ворнан просто посмеивался надо мной. Другого не могло быть. Я сказал Ворнану, что не верю ему. Он рассмеялся.

— Я позволяю вам не верить мне. Вы слышите этот шум?

Со стороны площади Першинга доносился шум водопада. Но водопадов там не было. Ворнан побежал к площади. Я попытался угнаться за ним, но отстал. Полтора квартала, и он остановился, дождался меня. Вытянул руку перед собой.

— Посмотрите, сколько их там! Как интересно!

Запрудившая площадь Першинга толпа двинулась на нас, по всей ширине улицы. Поначалу я не понял, кто перед нами, апокалипсисты или поклонники Ворнана, но затем увидел разрисованные лица, мерзкие лозунги, поднятые над головой металлические змеевики — символ адского пламени. К нам приближались пророки судного дня.

— Надо уходить. Возвращаемся в отель!

— Я хочу на них посмотреть.

— Нас затопчут, Ворнан!

— Нет, если мы будем осторожны. Вставайте рядом, Лео. Они обтекут нас стороной.

Я покачал головой. Лишь квартал отделял нас от авангарда апокалипсистов. С воплями, криками накатывали они на нас, словно прилившая волна. Будь мы простыми зеваками,

толпа могла бы разорвать нас в клочья. Если б, несмотря на маски, нас узнали, шансы остаться живыми равнялись бы нулю. Я схватил Ворнана за руку и потащил в боковую улицу. И впервые ощутил на себе мощь его электрозащиты. От легкого удара током я отдернул руку. Но вновь схватился за Ворнана и получил сильнейший разряд, отбросивший меня на несколько метров. Едва не теряя сознания, я упал на колени, а Ворнан, широко раскинув руки, весело затрусил навстречу апокалипсистам. Сблизился вплотную с первым рядом, нырнул меж двух бегущих и растворился в бурлящей людской массе. С трудом поднялся я на ноги, понимая, что должен найти его. Три, четыре неуверенных шага, и апокалипсисты поглотили и меня. Мне удалось удержаться на ногах, пока я окончательно не пришел в себя после электрошока Ворнана. Вокруг метались апокалипсисты, с лицами, разрисованными красной и зеленой красками. Густой запах пота стоял в воздухе. К собственному изумлению, на груди одного из них я заметил маленький шарик ионного дезодоранта. А мне-то казалось, что уж брезгливых среди апокалипсистов и быть не может. Толпа несла меня с собой. Ко мне прижалась девушка с голой грудью, на ее сосках светилась люминесцентная краска.

— Конец света близок! — прокричала она. — Живи, пока можешь!

Она схватила мои руки и прижала их к своей груди. Я обхватил ладонями теплую плоть, но ее тут же унесло в сторону. А на руках остались круги люминесцентной краски. Люди тащили какие-то древние музыкальные инструменты, исторгая из них немыслимые звуки. Трое парней, сцепившись руками, пинали всех, кто попадался им на пути. Здоровенный мужчина в козлиной маске гордо демонстрировал всем свой внушительных размеров фаллос. Тут же к нему бросилась женщина с полными бедрами, и они повалились на асфальт. Кто-то схватил меня за плечо. Я обернулся и увидел улыбающуюся физиономию, обрамленную длинными, золотистыми волосами. Девушка, подумал я, но блуза ее распахнулась, открыв плоскую грудь.

— Выпей! — Юноша сунул мне под нос фляжку.

Отказаться я не успел, и в рот потекло что-то густое и горькое. Отвернувшись, я все выплюнул, но во рту остался неприятный привкус.

Нас кружило, словно в водоворотах, но толпа все-таки продвигалась к отелю. Я же пытался пробиться в противоположном направлении, надеясь найти Ворнана. Меня то и дело хватали за руки, за плечи. Я споткнулся о парочку, слившись воедино на асфальте. О них спотыкались все, но они, похоже, не возражали. Происходящее вокруг напоминало карнавал, только участники предпочитали костюмам наготу.

— Ворнан! — крикнул я, и толпа подхватила. — Ворнан...

Ворнан... Ворнан... Убить Ворнана... Судный день... Огонь... Судный день... Ворнан...

То была песня смерти. Женщина возникла передо мной с изъеденным язвами лицом, беззубым ртом. Она подняла руку, сдвинула маску, чтобы поправить ее, и на мгновение глазам моим предстала милая мордашка. Мимо прошел парепь ростом не менее семи футов, с дымящимся факелом, векая о приближении судного дня. Девушка, мокрая от пота, освобождалась от остатков одежды. Двое юношей тем временем, смеясь, тискали ее груди.

— Ворнан! — вновь крикнул я.

Наконец я увидел его. Он спокойно стоял, словно скала в бурном потоке, ибо толпа огибала его с двух сторон, образуя круг с радиусом в несколько футов. Сложив руки на груди. Ворнан наблюдал за окружающим его безумием. Маска его порвалась, из-под нее выглядывала щека, одежду перепачкала краска. Я двинулся было к нему, но толпа отнесла меня в сторону, так что пришлось пробиваться обратно, распахивая апокалипсисов локтями. Приблизившись, я понял, почему Ворнана не затоптали. Вокруг него вповалку лежали люди. Поначалу мне показалось, что они мертвы, но тут девушка слева от Ворнана поднялась и растворилась в толпе. Ворнан протянул руку к ближайшему апокалипсису, мертвенно-бледному мужчине с гладким, как бильярдный шар, черепом. Одно прикосновение, и мужчина упал на то место, которое только что занимала девушка. Пользуясь электрозащитой, Ворнан отгородился от толпы стеной. Я перепрыгнул через нее. Наклонился к Ворнану.

— Ради Бога, уйдем отсюда! — крикнул я.

— Мы в полной безопасности, Лео. Успокойтесь.

— У вас порвана маска. Вдруг вас узнают?

— Мне есть чем защититься, — он рассмеялся. — Какое удивительное зрелище!

Теперь я уже не пытался схватить его за руку: не хотелось становиться кирпичиком живой стены. Так что не оставалось ничего другого, как стоять и наблюдать. Тяжелый сапог опустился на руку девушки, лежащей без сознания рядом со мной. Пальцы ее, освободившись из-под сапога, конвульсивно задержались. Ворнан вертел головой, стараясь ничего не упустить.

— С чего они взяли, что скоро наступит конец света? — спросил он.

— Откуда мне знать. Иррациональное мышление. Они обезумели.

— Столько людей сразу обезумели? Возможно ли такое?

— Как видите.

— И когда это случится?

— Первого января двухтысячного года.

— Совсем скоро. А что особенного в этом дне?

— Начало нового столетия. Нового тысячелетия. Некоторые ждут от этого дня экстраординарных событий.

— Но новое столетие начнется лишь с приходом две тысячи первого года, — удивился Ворнан. — Так говорил мне Хейман. Так что утверждение...

— Я знаю. Но им плевать. Черт побери, Ворнан, сейчас не время обсуждать календарь. Я хочу выбраться отсюда.

— Так уходите.

— Только с вами.

— Мне тут нравится. Посмотрите, Лео!

Я посмотрел. Практически голая девушка, разрисованная, словно ведьма, сидела на плечах мужчины, из лба которого торчали рога. Черные груди, оранжевые соски. Представление это мне уже изрядно надоело. Не надеялся я и на надежность возведенной Ворнаном баррикады. Если толпа разойдется... Появились полицейские вертолеты. Давно пора, подумал я. Они зависли между зданиями, в сотне футов над нами. Из белых фюзеляжей выдвинулись шланги. Тут же из них полилась пена. Апокалипсисов, похоже, это порадовало. Они устремились вперед, чтобы оказаться прямо под шлангами, на ходу срывая с себя остатки одежды. Пена, пузырясь, увеличивалась в объеме, густой ее слой заполнял улицу, препятствуя всякому движению. Как ни странно, на вкус она была сладкой. Я увидел, как ком пены упал на лицо девушки, залепив ей глаза, нос, рот. Она тут же исчезла под белым слоем, толщина которого уже достигала трех футов. Ворнан наклонился и поднял девушку. Очистил ее лицо от пены, провел рукой по влажной щеке. Когда он сжал ей грудь, девушка открыла глаза.

— Я — Ворнан Девятнадцатый, — представился он ей и поцеловал в губы.

Девушка отпрянула в сторону, а я, к своему ужасу, увидел, что Ворнан без маски.

Полицейские роботы, блестя металлом, катили по улице, разбивая демонстрантов на группы по десять-двенадцать человек, заталкивая их в свое бездонное чрево. Уборочные машины уже очищали мостовую от пены. Мы с Ворнаном сумели выбраться на боковую улицу. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

— Может, все-таки вернемся в отель? — в какой уж раз предложил я. — На сегодня приключений больше чем достаточно. Если Крейлик узнает о нашей прогулке, нам не поздоровится. Он ограничит вашу свободу передвижения, Ворнан. Выставит вокруг отеля кольцо охраны и будет караулить вас днем и ночью.

— Подождите. Мне кое-что нужно сделать, а потом пойдем.

Он нырнул в толпу. Пена затвердевала, уже напоминая тесто, и я начал опасаться, что Ворнану не удастся вырваться. Но он вернулся, таща за собой девушку лет сем-

надцати, насмерть перепуганную. Пена налипла на прозрачную блузку и скрыла ее тело.

— Теперь в отель, — скомандовал Ворнан. И добавил, обращаясь к девушке: — Я — Ворнан Девятнадцатый. В явном конце света не будет. Это я тебе докажу еще до рассвета.

Глава 14

Проскользнуть в отель не удалось: нас уже разыскивали. В квартале от улицы, залитой пеной, мы столкнулись с одним из детективов Крейлика. Сам он поджидал нас в вестибюле отеля, его трясло. Я уж подумал, что его хватит удар, когда Ворнан широким шагом направился к нему, таща за собой упирающуюся девушку. Извинился за доставленные хлопоты и попросил отвести его в номер. С девушкой. Едва они скрылись в лифте, Крейлик учинил мне разнос.

— Как он сумел улизнуть из номера?

— Понятия не имею. Наверное, открыл замок изнутри.

Охрана, однако, была усилена. По существу, из гостя Соединенных Штатов Ворнан превратился в узника. Естественно, узника почетного, принимали его с прежней помпой, но держали под постоянным наблюдением. Число охранников возросло, старые замки заменили усовершенствованными, появились специальные системы сигнализации, реагирующие на любого, кто выходил из номера Ворнана.

Принятые меры принесли желаемый результат, Ворнану более не удалось ускользнуть от бдительной стражи. Но мне представляется, что причина тому — решение самого Ворнана, а не усилия Крейлика. После общения с апокалипсистами Ворнан заметно присмирел, вновь превратился в обычного туриста, оставил на время свои выходки. Однако тревога моя только усилилась, ибо теперь он более всего напоминал мне дремлющий вулкан. Но он не нарушал общепринятых норм, никому не наступал на ноги, короче, вел себя как паинька. И оставалось лишь гадать, что он готовит для нас.

Ознакомительная поездка продолжалась. Мы посетили Диснейленд. Со времени моего последнего визита туда экспозиция значительно расширилась и обновилась, но Ворнан откровенно скучал. Его не интересовали подделки, он желал видеть наяву Соединенные Штаты образца 1999 года.

Мы привезли его в Ирвин и показали ускоритель мощностью в триллион ватт. Идея принадлежала мне: я хотел вернуться в кампус на несколько дней, заглянуть на кафедру и домой, убедиться, что все в полном порядке. Разумеется, я рисковал, приводя Ворнана на ускоритель, все помнили, что он учинил на вилле Уэсли Брутона. Но мы позаботились о том, чтобы не подпустить его к пультам управления. Он стоял рядом со мной, глядя на экраны, а я разбивал для него атом за атомом. Вроде бы его это заинтересовало, но я видел,

что это интерес ребенка, любующегося быстроменяющимся многоцветьем экрана.

Потом мы повезли его на атомную электростанцию. Я тайно надеялся, что смогу выудить из Ворнана какие-то сведения об источниках энергии тридцатого века. Сверхчувствительная совесть Джека Брайнта не давала мне покоя. Но попытка не удалась. Управляющий АЭС объяснил Ворнапу, как мы укротили ярость солнца, научившись черпать энергию, выделяющуюся при слиянии протонов в коконе магнитного поля, превращая водород в гелий. Ворнана допустили в обзорный зал, взглянуть на плазму, заданные параметры которой поддерживались специальными датчиками, функционирующими в ультрафиолетовом диапазоне. Естественно, мы видели не саму плазму, такое просто невозможно, но имитацию, воспроизводящую все колебания параметров ядерного супа, бурлящего в магнитной кастрюле. Последний раз я побывал здесь много лет тому назад. И теперь не мог скрыть своего восторга. Мы ждали пренебрежительных замечаний — их не последовало. Ворнап не счел нужным сравнить достижения дикарей с техникой будущего. Раньше Ворнан не упустил бы случая облить грязью гостеприимных хозяев.

Новый, покорный Ворнан стал для нас откровением, но публика в большинстве своем отдавала предпочтение откровениям Ворнана, которые он высказал в многочисленных январских и февральских интервью. Надо отметить, что интерес к поступкам и словам Ворнана нарастал с каждой неделей. Его пришествие, пожалуй, уже по праву могло считаться сенсацией века. Какой-то шустрый бумагомарака быстроенько слепил книжку о Ворнана и назвал ее «Новое откровение». По существу, в ней давался пересказ выступлений Ворнана на пресс-конференциях и различных встречах, начиная с его появления в Риме в канун Рождества. От себя автор добавил разве что общие фразы, позволяющие связать высказывания Ворнана в некое подобие единого целого. Книга увидела свет в середине марта, причем не только в виде дискет и видеокассет, как большинство книг, но и, как в не столь давние времена, была отпечатана на бумаге. Калифорнийский издатель выпустил ее в яркой красной обложке, на которой выпукло чернело название. Миллион экземпляров разошелся в течение недели. И тут же посыпались пиратские издания, несмотря на отчаянные попытки владельца авторских прав защитить свою собственность. Бессчетные миллионы «Нового откровения» заполнили Америку. Как-то раз я увидел, что книгу читает Ворнан.

Обожатели Ворнана, уже имея своего пророка, теперь получили и Евангелие. Я, правда, не понимаю, какое душевное утешение могло нести в себе «Новое откровение», но скорее всего в книге этой видели талисман, а не Священное писание. Люди чувствовали себя увереннее, имея при себе эту книгу, касаясь пальцами ее блестящей обложки. И теперь,

если Ворнана встречала толпа, над головами, словно флаги, вздымались красные книжицы с черными точками букв.

Появились переводы. На немецкий, польский, шведский, португальский, французский, русский. Все страны обзавелись собственным вариантом «Нового откровения». Один из сотрудников Крейлика приобретал новые издания и знакомил нас с ними. Колфф, тот просто начал их собирать. Книга завоевала и Азию. Мы получили ее на японском, суахили и хинди, китайском, корейском. Наконец появился перевод на иврите, истинном языке для святой книги. Колффу нравилось выкладывать эти издания перед собой, смотреть на два слова, написанных на разных языках. И мечтал он о собственном переводе на санскрит или язык древних персов.

После той памятной беседы с Ворнаном Колфф начал угасать. Его потряс компьютерный анализ записи речи Ворнана. Неоднозначность выводов компьютера поколебала его уверенность в том, что он слышал язык будущего, ему пришлось отказаться от собственных слов. Теперь у него уже возникли сомнения. Действительно ли Ворнан прибыл из тридцатого века? Уловил ли он в чириканье пришельца пусть и видоизмененные, но дошедшие из нашего времени слова? Колфф потерял веру в себя, не доверял более собственному опыту, короче, гибнул у нас на глазах. Разумеется, по ходу нашего достаточно долгого путешествия мы поняли, что от этого Фальстафа можно услышать всякую чушь. И при всей учености и несомненных достоинствах Колфф знал, что репутация его на протяжении десятилетий никем не ставилась под сомнение, а тут он вроде бы показал свою некомпетентность. Из жалости к Колффу я попросил Ворнана вновь записать на пленку все, что он сказал в первый раз.

— Нет смысла, — отрезал он и сменил тему разговора.

А Колфф все меньше ел, еще меньше говорил и к началу апреля так похудел, что мы едва узнавали его. Одежда висела на нем, как на вешалке. Двигался он словно во сне, не понимая, где он и почему. Крейлик, озабоченный его состоянием, хотел освободить его от всех обязанностей и отправить домой. Он поделился с нами своими соображениями, но Элен переубедила его.

— Он умрет, — твердо заявила она. — Подумает, что уволен за некомпетентность.

— Он тяжело болен, — упирался Крейлик. — Эти переезды...

— Тут он при деле.

— Но от него нет никакого прока. За последние недели я не слышал от Колффа ни одного дельного предложения. Он лишь сидит да перекладывает с места на место все эти книги. Его надо положить в больницу.

— Он должен остаться с нами.

— Даже если это его убьет?

— Да! — воскликнула Элен. — Лучше умереть в общей

упряжке. Во всяком случае, он не будет мучиться мыслью, что его выставили за дурь.

Крейлик смирился, но нам покоя не прибавилось, ибо Колфф слабел с каждым днем. Просыпаясь, я всякий раз ждал сообщения о том, что во сне он отошел в мир иной, но он выходил из номера, худой, с посеревшей кожей. Мы тем временем приехали в Мичиган, чтобы Ворнан мог познакомиться с проектом «Искусственная жизнь», которым руководила Эстер. За нами по лаборатории следовал и Колфф, представитель ходячих мертвецов, призванный засвидетельствовать возможность создания жизни в пробирке.

— Вот результат одного из наших первых успешных экспериментов, если это можно назвать успехом, — поясняла нам Эстер. — Мы так и не решили, в какой филлум* занести это существо, но нет сомнения в том, что оно живет и размножается, то есть нам удалось добиться желаемого.

Мы всматривались в чрево громадного аквариума. Меж подводных растений лениво плавали лазурные создания длиной в шесть или восемь дюймов, с протянувшимися вдоль всего туловища плавником, с тонкими, извивающимися щупальцами у пасти. Мне показалось, что их не меньше сотни. Размножались они почкованием, развивались на боках родителей, а затем пускались в самостоятельное плавание.

— В этом эксперименте предполагалось создание кишечнополостных существ, — продолжала Эстер. — Нам это удалось. Перед вами гигантская плавающая аемона. Но у кишечнополостных нет плавников, а у этих есть, и они знают, как им пользоваться. Манипулируя с генами, мы не закладывали этот плавник. Он развился сам. Плавник — элемент скелета, то есть атрибут более высокого филлума. Если судить по обмену веществ, это существо приспособляется к условиям окружающей среды гораздо лучше, чем большинство беспозвоночных. Оно живет и в пресной, и в соленой воде, в температурном диапазоне порядка ста градусов, питается любой пищей. Мы получили эдакого суперчервя. Нам хочется проверить его на выживаемость в естественных условиях, бросить бы нескольких в соседний пруд, но мы боимся выпускать его на свободу, — Эстер улыбнулась. — Сейчас мы перешли к созданию позвоночных, но продвигаемся куда меньшими темпами. Сюда, пожалуйста...

Она подвела нас к стеклянному кубу. На дне лежало маленькое, коричневое существо, по телу которого изредка пробегала дрожь. С двумя передними лапками, тонкими, изогнутыми, словно бескостными, и одной задней. Второй, похоже, никогда и не было. Существо, с длинным, похожим на хлыст, хвостом. Мне оно напомнило грустную саламандру. Эстер, однако, им очень гордилась. Существо имело скелет, глаза, развитую нервную систему, полный набор внутрен-

* В зоологии единица систематики.

них органов. Однако оно не размножалось. И сейчас лаборатория занималась устранением этого недостатка. А пока этих искусственных позвоночных приходилось создавать методами генной инженерии, что ограничивало возможности эксперимента. Впрочем, и уже достигнутые результаты производили впечатление.

Эстер, попав в родную стихию, не знала устали. Она вела нас из одного ярко освещенного зала в другой, третий, четвертый, мимо гигантских, серебящихся инеем сосудов, мрачных центрифуг, фракционных колонн, смесителей, в которые по прозрачным трубопроводам поступали разноцветные жидкости. Мы прикидывали к окулярам перископов, чтобы заглянуть в герметически закрытые камеры, в которых поддерживались постоянные освещенность, температура, уровень радиации, давление. Нам показывали увеличенные фотомикрографии и голограммы, иллюстрирующие строение клеток. Эстер трещала без умолку, щедро пересыпая речь специальными терминами, возможно, не имеющими хождения за пределами этой лаборатории. Мы слышали о фотометрических титраторах, платиновых тиглях, гидравлических плетисмографах, роторных микротоммах, плотномерах, электрофорезных камерах, коллоидионных пакетах, инфракрасных микроскопах, расходомерах, поршневых бюретках, кардиотахометрах. Удивительные, непостижимые слова. А Эстер уже рассказывала, как создавать новые клетки, как заставить их воспроизводить себе подобные. Все было просто и понятно, а кишечнополостные с плавниками и псевдосаламандры доказывали нам, что это не просто слова. Эстер действительно добилась многого.

Показывая нам лабораторию, Эстер с нетерпением ожидала замечаний Ворнана. Она знала о существовании в тридцатом веке разумных существ, происходящих не от человека, ибо в малопонятной форме он говорил нам о каких-то «сервиторах», не имеющих человеческого статуса. То были некие жизненные формы, ведущие свой род от наших «меньших братьев». Из сказанного Ворнаном следовало, что сервиторы — не искусственные существа, созданные на основе клеток, «сконструированных» методами генной инженерии, но преобразованные биотехнологией животные: люди-собаки, люди-кошки, люди-антилопы. Естественно, Эстер хотелось узнать об этом как можно больше, а потому не стоило удивляться, что любопытство ее осталось неудовлетворенным. Ворнан лишь вежливо улыбался да сам задавал вопросы.

— Когда, — спросил он, — Эстер сможет синтезировать человека?

Ответ последовал после короткого раздумья:

— Лет через пять, десять, пятнадцать.

— Если не наступит конец света, — добавил Ворнан.

Мы все рассмеялись, не от веселья, а чтобы снять напряжение. Даже Эстер, которая была явно не в ладах с юмором,

и та улыбнулась. А потом указала еще на один прозрачный куб.

— Это наш последний проект. Не знаю точно, в каком он сейчас состоянии, в лаборатории меня не было с января. Мы пытаемся синтезировать зародыш млекопитающего. Здесь у нас несколько зародышей на разных стадиях развития. Если вы подойдете поближе...

Я увидел несколько похожих на рыб существ, свернувшихся калачиком в маленьких, разделенных мембранами, блоках. У меня перехватило дыхание. Эти головастики, рожденные из смеси аминокислот, развивались, чтобы превратиться... кто знает в кого. Они произвели впечатление даже на Ворнана.

Ллойд Колфф произнес какую-то фразу на незнакомом мне языке. Три или четыре слова, коротких, изобилующих гортанными звуками. Мне показалось, что в них слышалась душевная мука. Я посмотрел на него. Колфф застыл, прижав одну руку к груди, вытянув перед собой вторую. Лицо его посинело, в испуге широко раскрылись глаза. Он стоял и стоял, а затем в горле у него что-то булькнуло, и он повалился вперед, на лабораторный стол. Горелки, пробирки, реторты посыпались на пол. А Колфф схватился за маленький аквариум, перевернул его, выплеснув на пол воду вместе с дюжиной искусственных лазурных созданий. Они затрепыхались у наших ног. Пальцы Ллойда ослабели, колени подогнулись, он начал сползать со стола. Упал на живое, перевернувшись на спину. Глаза его так и остались широко открытыми. Произнес еще одно предложение, чеканя каждое слово: прощальная речь Ллойда Колффа, обращенная к человечеству. Наверное, на каком-то древнем языке. Потом никто из нас не смог повторить ни одного слога. И умер.

— Аппарат первой помощи! — крикнула Эстер. — Быстро!

Два лаборанта притащили внушительных размеров агрегат. Крейлик тем временем пытался делать Колффу искусственное дыхание. Эстер решительно отстранила его, разорвала одежду, обнажив заросшую седым волосом грудь. По ее команде один из лаборантов протянул ей пару электродов. Она установила их и пустила ток через сердце Колффа, пытаясь заставить его забиться. Другой лаборант уже поднес к руке Колффа головку ультразвукового шприца. Тело Колффа ходило ходуном от электроразрядов и впрыскиваемых в него стимуляторов и гормонов. Правая рука поднялась на несколько дюймов, пальцы сжались в кулак, затем рука вновь упала на пол.

— Спазматическая реакция, — пробормотала Эстер.

Но она не сдавалась. Специальный компрессор начал вдувать воздух в легкие Колффа, она ввела в кровь антикоагулянты, чтобы не допустить ее свертывания, электроразряды вызывали сокращение сердечной мышцы. Колффа уже не было видно под нагромождением приборов и проводов.

Ворнан присел, всматриваясь в глаза Колффа. Протянул

руку, осторожно коснулся его похолодевшей щеки. Оглядел электроды, компрессор. Поднялся, повернулся ко мне.

— Что они с ним делают?

— Пытаюсь вернуть к жизни.

— Тогда это смерть?

— Да, смерть.

— Что с ним случилось?

— Отказало сердце. Вы знаете, Ворнан, что это такое?

— Сердце? Да, знаю.

— Сердце Колффа устало. И остановилось. Эстер старалась запустить его снова. Не получилось.

— Такое случается часто? Я про смерть.

— У каждого по меньшей мере один раз. — Прибежал врач, решил вскрыть Колффу грудную клетку. — А как приходит смерть в вашем времени?

— Только не столь внезапно. Такое просто невозможно. К сожалению, я об этом почти ничего не знаю.

Смерть, похоже, зачаровала его даже больше, чем создание жизни в этом самом зале. Врач пытался делать открытый массаж сердца. Колфф не реагировал. Мы стояли словно статуи. Лишь Эстер ползала по полу, собирая существ из перевернутого Колффом аквариума. Некоторые погибли от избытка воздуха, других растоптали, часть выжила. Эстер бросила их в другой аквариум.

Наконец врач встал, качая головой.

Я посмотрел на Крейлика. Тот плакал.

Глава 15

Колффа похоронили в Нью-Йорке со всеми полагающимися почестями. Из уважения к нему мы на несколько дней прервали поездку по стране. Присутствовал на похоронах и Ворнан. Его живо интересовало, как мы прощаемся с усопшим. Появление Ворнана едва не спровоцировало кризис, ибо убеленные сединами академики двинулись к нему, чтобы получше разглядеть пришельца из будущего, и в возникшей давке едва не перевернули гроб. Три книги отправились в могилу вместе с Колффом. Две — его собственные, третья — «Новое откровение» на иврите. Меня это привело в ярость, но Крейлик сказал, что такова воля Колффа. За три или четыре дня он дал Элен Макилуэйн запечатанную кассету, на которой изложил все свои пожелания относительно похорон.

Прощавшись с Колффом, мы вновь отправились на запад, чтобы продолжить прерванный его смертью тур. И на удивление быстро забыли о смерти нашего коллеги по комитету. И по мере того как дни сменялись днями, приближая лето, мы начали замечать изменения в общественном сознании. Распространение «Нового откровения» закончилось, ибо практически все обзавелись собственными экземплярами. И толпы, собирающиеся повсюду при появлении Ворнана,

становились все гуще. Появились пророки, толкователи послания Ворнана человечеству. Эпицентр этой активности приходился на Калифорнию, и Крейлик старался держать Ворнана подальше от этого штата. Зарождение нового культа тревожило Крейлика не меньше, чем нас. Лишь Ворнан радовался присутствию своей паствы. Но и у него иной раз возникало дурное предчувствие, особенно в аэропортах, когда, сходя с трапа, он видел перед собой море сверкающего на солнце красного глянца. У меня, во всяком случае, создалось ощущение, что ему было не по себе среди бурлящей толпы. Одна из калифорнийских газет на полном серьезе предложила избрать Ворнана в Сенат. Когда Крейлик увидел эту заметку, глаза у него едва не вылезли из орбит.

— Если она попадется Ворнану, быть беде, — изрек он.

Но по здравом размышлении мы пришли к выводу, что появление сенатора Ворнана нам не грозит, ибо кандидат в сенаторы должен был прожить в соответствующем штате не менее десяти лет. И едва ли суд признал бы жителя Централити гражданином Соединенных Штатов. Я сомневаюсь, чтобы Ворнан смог доказать, что Централити есть конституционно законный наследник государственности США.

В конце мая Ворнана ждал полет на Луну, где ему предстояло осмотреть недавно открытый там курорт. Я попросил освободить меня от этого путешествия: у меня не было ни малейшего желания отдыхать в дворцах удовольствий, построенных в кратере Коперника. И мне требовалось время, чтобы привести в порядок свои дела в Ирвине. Крейлик поначалу заупрямился: я уже брал один отпуск. Но он не мог заставить меня лететь на Луну, а потому я добился желаемого. Он же решил, что, оставшись вчетвером, члены комитета справятся со своими обязанностями ничуть не хуже.

Но к моменту старта число членов комитета, сопровождающих Ворнана, сократилось до трех.

Филдз подал в отставку буквально накануне отлета. Крейлик не мог этого не предчувствовать, ибо последние недели Филдз постоянно дулся и зудел, всем своим видом показывая, что обязанности члена комитета ему в тягость. Как психиатр, Филдз изучал реакцию Ворнана на окружающую среду и на основе своих наблюдений делал выводы, то и дело меняющиеся и исключаящие друг друга. В зависимости от собственного настроения Филдз объявлял Ворнана то шарлатаном, то пришельцем из будущего, причем и первое и второе утверждения подкреплялись убедительными доводами. С моей точки зрения, заключения Филдза не стоили и ломаного гроша. Поступки Ворнана он истолковывал субъективно и недостаточно глубоко, и не реже чем раз в две недели Филдз менял свое мнение на противоположное.

Причиной отставки Филдза стали, однако, не идейные соображения. К столь решительному шагу подтолкнула его

мелочная ревность. И при всей моей нелюбви к Филдзу я искренне пожалел его, узнав все обстоятельства дела.

Ушел он из-за Эстер. Филдз все еще домогался ее, хотя видел бесполезность своих усилий. У нас его потуги вызывали отвращение, его самого вгоняли в депрессию. Эстер не хотела его. Это было ясно всем, даже Филдзу. Но близость запретного плода весьма странно воздействует на мужское тщеславие, а потому Филдз не оставлял попыток добиться желаемого. Он подкупал портье в отелях, чтобы его и Эстер селили в соседних номерах, изыскивал возможности проникнуть ночью в ее спальню. Эстер все это раздражало, но адекватной реакции, какой можно было бы ждать от настоящей женщины, мы не видели. Во многом Эстер была такой же искусственной, как и сотворенные ею кишечнополостные, а потому не придавала значения чувствам и вздохам своего страстного поклонника.

Как рассказывала мне Элен Макилуэйн, подобное отношение все более выводило Филдза из себя. И, наконец, одним вечером, когда все собрались вместе, он прямо предложил Эстер провести эту ночь с ним. Она отказалась. И тогда Филдз выложил все, что он думает о либидо Эстер. Во весь голос, со злобой, вещал он о ее фригидности, извращенности, зловредности, короче, охарактеризовал ее как настоящую суку. Скорее всего говорил он правду, но забыл ввести одно ограничение: проявлялось все это с ее стороны безо всякого умысла. Не думаю, что она дразнила или провоцировала Филдза. Эстер просто не представляла себе, чего, собственно, он ждет от нее.

На этот раз Эстер, однако, вспомнила, что она женщина, и разделалась с Филдзом чисто по-женски. На его глазах, при всех, она пригласила Ворнана разделить с ней ее постель. Ясно дала понять, что предлагает ему себя всю, без остатка. Жаль, конечно, что я этого не видел. Элен сказала, что впервые Эстер и выглядела как женщина: глаза сверкали, щеки пылали, губы чуть разошлись. Ворнан, естественно, не отказался. Когда они уходили, Эстер сияла, как невеста перед первой брачной ночью. Скорее всего таковой она себя и ощущала.

Такого Филдз стерпеть не мог. Я не виню его. Эстер сожгла все мосты, не оставив ни малейшей надежды на примирение. Он сказал Крейлику, что подает в отставку. Крейлик, конечно, начал уговаривать его остаться, взывал к чувству патриотизма, научному долгу, другим абстракциям, которые мы, впрочем, и он сам ни во что не ставили. Ритуальная речь Крейлика не произвела впечатления на Филдза. В тот же вечер он собрал чемоданы и ретировался, ибо, по мнению Элен, не хотел лицедреть Ворнана и Эстер, выходящих из брачных покоев с радостными воспоминаниями о блаженстве прошедшей ночи.

Я в это время находился в Ирвине. Как и все остальные,

следил за поездкой Ворнапа по телеэкрану, если не забывал включить его по вечерам. Реальность нескольких проведенных с ним месяцев утрачивалась с каждым днем. Мне уже приходилось убеждать себя, что все это произошло наяву. Но то был не сон. Ворнан действительно ходил по Луне, сопровождаемый Крейликом, Элен, Хейманом и Эстер. Колфф умер. Филдз вернулся в Чикаго. В середине июня он позвонил мне. Сказал, что пишет книгу, в которой пытается обобщить свои впечатления от встреч с Ворнаном, и хочет кое-что уточнить. О мотивах, побудивших его к отставке, он не упомянул.

Я забыл о Филдзе и его книге, едва мы закончили разговор. Мне бы очень хотелось забыть и о Ворнане. Я вернулся к работе, не получая от нее ни малейшего удовольствия. Она навевала скуку и уж во всяком случае не сулила творческой удовлетворенности. Бесцельно слоняясь по лаборатории, я просматривал результаты проделанных экспериментов, включая компьютер, намечал новые, зевал, обсуждая дипломные работы выпускников. Наверное, я являл собой жалкое зрелище: король Лир среди элементарных частиц, слишком старый, слишком тупоумный, уже не способный сложить два и два. В тот месяц я то и дело ловил сочувственные взгляды моих молодых сотрудников.

Занятый самим собой, я не обращал внимания на два конфликтующих массовых движения, что будоражили мир. Одно набирало силу, второе сходило на нет. Апокалипсисты не исчезли в одночасье, их марши, оргии, дебоши продолжались, но деяния эти более всего напоминали вызываемое электроразрядами подрагивание руки мертвого Ллойда Колффа. Их время ушло. Не слишком много осталось на Земле людей, верящих, что первого января 2000 года наступит конец света. Да и как они могли в это поверить, видя перед собой Ворнапа Девятнадцатого, своим присутствием доказывающего обратное. И в рядах апокалипсистов остались только те, для кого оргии и разрушения составляли смысл жизни. Они не могли вести себя иначе, вне зависимости от того, наступит конец света в указанный срок или нет. К ним примыкали и те верующие, что с нетерпением ожидали судного дня, заслуженного человечеством за грехи свои, но почва быстро уходила из-под ног этих фанатиков. И уже в июле, за шесть месяцев до означенной даты, некоторые независимые обозреватели отмечали, что движение апокалипсистов заглухнет гораздо раньше. Теперь мы знаем, что этого не произошло. Я пишу это за несколько дней до окочания 1999 года, а апокалипсисты по-прежнему среди нас. Сегодня — канун Рождества, первая годовщина прибытия Ворнапа.

Если апокалипсисты в июне сдавали позицию за позицией, то другое движение поклонников Ворнапа набирало силу. У движения этого отсутствовали и идеологическая основа,

и цель. Участники его стремились лишь к одному: оказаться поближе к Ворнану и выразить ему свои теплые чувства. «Новое откровение» было единственной святой книгой этих людей: пересказ интервью и пресс-конференций плюс отдельные высказывания Ворнана. Я мог выделить лишь два догмата ворнанизма: жизнь на Земле — следствие беззаботности космических пришельцев, и мир не погибнет первого января следующего года. Возможно, некоторые религии создавались и на более зыбкой основе, но примеров привести не могу. И тем не менее ворнаниты все сильнее сплывались вокруг своего пророка.

Более всего волновала меня аморфность нового движения. Оно ожидало лидера. И будь на то воля Ворнана, он мог бы дать ему направленное движение и поставить цель, произнеся буквально несколько фраз. Он мог призвать к святым войнам, свержению правительств, танцам на улице, отказу от стимуляторов или повсеместному их использованию — миллионы повиновались бы беспрекословно. Пока он не пытался использовать свою власть над людьми. Возможно, только начинал осознавать, какие ему подвластны силы. Я видел, во что превратил Ворнан частную вечеринку одним лишь небрежным движением руки.

Мощь нового культа наводила ужас, поражала и скорость, с которой росло его влияние. Не стал помехой даже полет Ворнана на Луну. Покинув Землю, он с той же силой притягивал к себе людей. Слишком многим давал он то, что они хотели получить больше всего на свете. Кто-то был без ума от его нигилизма, другие хватались за него как за единственный символ стабильности в этом безумном мире. Не стану отрицать: в нем прежде всего видели божество. Не Иегову, не Вотана, не далекого от мира сего, бородатого Бога-отца, но симпатичного, активного, веселого молодого бога, порожденного весной и светом, соединившего в себе силы разрушения и созидания. Аполлона., Бальдра., Осириса. Но также Локи, то есть сочетание, которого и представить себе не могли сказители древних мифов.

Пребывание Ворнана на Луне несколько раз продлевалось. Полагаю, из стремления Крейлика, выполнявшего полученные инструкции, как можно дольше держать Ворнана подальше от Земли в надежде, что разыгравшиеся страсти, вызванные появлением пришельца из будущего в последний год тысячелетия, поутихнут. Вначале предполагалось, что вернется он в конце июня, но давно начался июль, а Ворнан все еще оставался на Луне. В выпусках новостей мы видели, как он плещется в гравитационных банях, осматривает теплицы, в скафандре гуляет по лунной поверхности, в компании знаменитостей играет в рулетку. Обратил я внимание и на то, что рядом с ним все чаще появлялась Эстер, в роскошных, так непривычных для нее нарядах. И лишь на заднем плане мелькали Элен и Хейман, которых связыва-

ла лишь взаимная нелюбовь, да грустная физиономия Крейлика, озабоченного разрешением нескончаемого потока проблем.

Пошла уже последняя декада июля, когда меня уведомили, что Ворнан возвращается, а потому требуются мои услуги. Неделью спустя меня ждали в космопорте Сан-Франциско, где должен был приземлиться Ворнан. А на следующий день я получил экземпляр книги, которая, вне всякого сомнения, могла вогнать Крейлика в глубокую тоску. На блестящей красной обложке, такой же, как и у «Нового откровения», красовалось другое название: «Новейшее откровение». Написал ее Мортон Филдз. Я получил экземпляр с подписью автора под адресованными мне наилучшими пожеланиями. Не вызывало сомнения, что в ближайшем будущем «Новейшее откровение» заполнит и страну, и мир, не по причине интересного содержания, а потому, что почитатели Ворнана хватали любую бумажку, на которой значилось имя их кумира.

В «Новейшем откровении» Филдз изложил свои воспоминания о поездках с Ворнаном. Естественно, материал подавался односторонне, Филдз приложил все силы, чтобы отомстить Эстер, вылить на нее всю накопившуюся в нем желчь. Имя ее не упоминалось. Полагаю, Филдз не хотел, чтобы его затаскали по судам, но вычислить Эстер не составляло труда, ибо в состав комитета входили только две женщины, а Элен Макилуэйн фигурировала среди действующих лиц. Представленный портрет Эстер ничем не напоминал Эстер Миккелсен, рядом с которой я провел несколько месяцев. Филдз показал ее хитрой, завистливой, похотливой обманщицей, навязывавшей себя мужчинам. По его версии, именно ее непомерный сексуальный аппетит стал причиной безвременной смерти Ллойда Колффа, а уж с Ворнаном она трахалась всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Среди ее более мелких преступлений отмечался садизм, который она выказывала в отношении единственного добродетельного и сохранившего рассудок члена нашей группы. Под последним, разумеется, подразумевался сам Мортон Филдз. Он писал:

«Эта порочная и развратная женщина получала удовольствие, оттачивая о меня свои когти. Я был для нее самой легкой добычей. Я с самого начала дал понять, что она мне не нравится, а потому она решила затащить меня в свою постель. А получив отказ, удвоила усилия, стремясь пополнить мною свою коллекцию. Провоцировала она меня со все большим бесстыдством, пока я наконец не устоял. И в тот самый момент, злобно ликуя, она обозвала меня Дон Жуаном, прилюдно унизив, а потом...»

И так далее, и так далее. Плаксивая интонация пропизывала всю книгу. При этом от Филдза досталось всем. Элен

Макилуэйн предстала перед читателем легкомысленной вертихвосткой, перезрелой, но все еще молодящейся. Ллойд Колфф — немощным старикашкой-болтуном с забитой эротическими стихами головой. Эф. Ричард Хейман — самодовольным занудой (тут я не могу упрекнуть Филдза в необъективности); Крейлик — государственным служкой, стремящимся угодить всем, готовым на любой компромисс, лишь бы избежать скандала. Весьма определенно высказался Филдз и о роли администрации во всей этой истории. Он прямо заявил, что президент приказал признать Ворнана пришельцем из будущего, чтобы нейтрализовать апокалипсисов. То была чистая правда, но никто ранее не признавал этого, во всяком случае, из ближайшего окружения президента или Ворнана.

Со мной Филдз обошелся по-божески: отшельник по натуре, легкомысленный, напыщенный, насмешник-философ, приходящий в ужас при возникновении сколь-либо серьезных проблем.

Главным в его эссе было «Новейшее откровение» — анализ Ворнана Деятнадцатого. Беспорядочный, путанный, высокопарный, пугающий, он доносил до читателя обаяние и магическую силу, исходящие от Ворнана, что, собственно, и определило бешеный успех книги Филдза.

Лишь несколько абзацев уделил он главному вопросу: мошенник ли Ворнан или пришелец из будущего? За проведенные с ним шесть месяцев Филдз неоднократно менял свои взгляды на эту проблему. Вот и сейчас он ушел от однозначного вывода, написав, что Ворнан скорее всего не шарлатан, но для нас будет хорошим уроком, если он все-таки окажется таковым, а вообще это не имеет ни малейшего значения. Главное — не сама личность Ворнана, но эффект от его появления в 1999 году. В этом я склонен согласиться с Филдзом. Мошенник или нет, он встряхнул человечество и изменил наш мир.

По Филдзу, двух мнений быть не могло. Ворнан — бог. Небожитель и пророк, слитые воедино. Отсюда и всемогущество, и необходимость самому доносить до масс свои идеи, дабы с ним отождествляли свои, еще не определенные, не осознанные до конца идеи миллионы тех, кто не может найти себя в этом жестоком, жестоком, жестоком мире. Он — бог нашего времени, мечущий не молнии, но электроразряды, источником которых могут быть, а могут и не быть вживленные в его тело конденсаторы. Бог, подобно Зевсу, увлекающий в свою кровать смертных. Бог-бунтарь. Лживый, уклончивый, потакающий своим желаниям бог, ничего не предлагающий, но многое требующий.

Главная мысль его книги заключалась в следующем: МЫ САМИ СДЕЛАЛИ ИЗ ВОРНАНА БОГА. Нам требовался идол, призванный помочь переступить порог нового тысячелетия,

ибо старых богов мы отринули. И своим появлением Ворнан удовлетворил нашу насущную потребность. Филдз анализировал человечество, а не оценивал Ворнана.

Но человечество не могло осознать столь тонкого отличия. Перед ним выложили книгу, в которой говорилось, что Ворнан — бог! Оговорки, выдумки, профессорское многословие отсталось с ходу. В книге видели официальное признание божественного статуса Ворнана! Слишком легко видопозменить утверждение «он — бог» на «Он — Бог». Так и «Новейшее откровение» вошло в разряд святых книг. Разве в пей черным по белому, печатными буквами, было написано о святости Ворнана?

Далее последовало естественное продолжение. Маленькую красную книжицу перевели на все языки планеты, ибо она объясняла, чем вызвано всеобщее поклонение Ворнану. Верующие получили еще один талисман, а Мортон Филдз стал апостолом Павлом повой религии. И хотя более опникогда не встречался с Ворнаном и не принимал ни малейшего участия в движении, которому, сам того не желая, помог окончательно оформиться, Филдз, похоже, обеспечил себе место в истории, среди святых новой церкви, жизнеописания которых еще предстояло написать.

Прочитав экземпляр, присланный мне Филдзом, я, разумеется, и представить себе не мог, какое воздействие окажет эта книга. Прочел я ее быстро, с чувством брезгливости, которое испытываешь, вывернув валун на берегу моря и обнаружив под ним извивающихся белых червей. Затем засунул ее в дальний ящик и думать о ней забыл. Конечно, ненадолго, поскольку пришлось признавать, что книга эта не обречена на забвение. В назначенный день я прибыл в космопорт Сан-Франциско, чтобы встретить возвращающегося с Луны Ворнана. Как обычно, были приняты все необходимые меры безопасности. И пока толпа бесновалась, Ворнан, приземлившийся на другой ракете на периферии космопорта, уже спустился в подземный тоннель.

Он крепко пожал мне руку.

— Лео, напрасно вы не составили нам компанию. Все было чудесно. Этот курорт на Луне — триумф вашего века. Что вы делали все это время?

— Читал, Ворнан. Отдыхал. Работал.

— Добились хороших результатов?

— Если откровенно, то никаких.

Выглядел он прекрасно, всем довольный, хорошо отдохнувший. Как обычно, уверенный в себе. Часть окружавшего его сияния передалась и Эстер, стоявшей позади Ворнана, всем своим видом показывающей, что этот мужчина принадлежит ей. Отстраненная, невзрачная, эфемерная Эстер, которую я помнил, исчезла. Ей на смену пришла страстная, чувственная женщина, наконец открывшая для себя радости жизни.

Не знаю, как удалось Ворнану сотворить это чудо, но преобразование Эстер, пожалуй, стало его самым значительным достижением. Перемены в Эстер впечатляли. Наши взгляды встретились, и она улыбнулась мне одними глазами. Элен Макилзуэйн, наоборот, осунулась и постарела. Волосы ее висели патлами, она ссутулилась, ссохлась. Впервые Элен выглядела на свой возраст. Потом я выяснил, что мучило ее: она уступила Эстер, ибо ранее Ворнан приходил за утешением к ней, а на Луне эта роль перешла к ее коллеге по комитету, которую она и не считала за соперницу. Не выдержал напряжения и Хейман. Его тевтонская тяжеловесность, которую я так не любил в нем, исчезла. Он говорил мало, едва поздоровался со мной, не пытался включиться в разговор. Он напомнил мне Ллойда Колффа в его последние недели. Похоже, длительное общение с Ворнаном таило в себе опасность. Даже Крейлик и тот был на пределе. Его рука дрожала, когда он протянул ее мне.

Со стороны могло показаться, что воссоединение наше прошло на редкость мирно. Никто ни на что не жаловался, не упоминалась и книга Филдза. В центр Сан-Франциско мы ехали в сопровождении кортежа мотоциклистов под приветственные крики горожан, запрудивших тротуары, иногда даже перегораживающих мостовую. То есть встречали нас как самых высоких гостей.

И мы вновь продолжили ознакомительное турне.

Ворнан уже объездил Соединенные Штаты вдоль и поперек, а потому путь наш теперь лежал за рубеж. Теоретически федеральная администрация снимала с себя всякую ответственность, едва Ворнан пересекал границу. Мы же не сопровождали его в первые дни пребывания в двадцатом столетии, когда он осматривал (и устраивал беспорядки) столицы европейских государств. Нам следовало перепоручить Ворнана правительствам тех стран, куда лежал его путь. Но все обстояло иначе. Сэнди Крейлик так долго обеспечивал безопасность Ворнана при постоянных переездах с места на место, что второго такого специалиста просто не было. Да и нас, Эстер, Элен, Хеймана и меня, привыкли видеть в свите Ворнана. Я не возражал. Ибо поехал бы хоть на край света, лишь бы не возвращаться к работе.

Первую остановку мы сделали в Мексике. Посетили древние города ацтеков, побродили среди пирамид майя, облетели Мехико, самый большой и густонаселенный город полушария. Ворнан вел себя на редкость тихо. Изменения в его поведении наметились весной, до полета на Луну, и сохранились летом, после возвращения на Землю. Он воздерживался от шокирующих собеседников реплик, избегал скабрезных шуток, не пытался нарушить намеченных планов. Он шел, куда его вели, смотрел на то, что ему показывали. И я мог лишь гадать, что с ним произошло. Может, он заблел?

Улыбка его по-прежнему ослепляла, энергия, которой она лучилась, исчезла. От Ворнана остался фасад, за которым открывалась пустота. Механически проделывал он все, что от него требовалось. Крейлик забеспокоился. Он тоже предпочитал Ворнана-демона Ворнану-роботу и не мог понять, куда подевалась присущая ему живость.

По ходу нашего зарубежного турне я проводил с Ворнаном много времени. Из Мехико мы перебрались на Гавайи, затем наш маршрут пролегал через Токио, Пекин, Ангкор, Мельбурн, Таити, Антарктиду. Я все еще не потерял надежды выудить из Ворнана хоть какую-то информацию о научных принципах перемещения во времени. В этом я потерпел неудачу, но выяснил, почему Ворнан столь подавлен.

Мы наскучили ему. Наши страсти, монументы, глупости, города, еда, конфликты, неврозы... он перепробовал все, и двадцатый век уже приелся ему. Он признался, что смертельно устал от бесконечных поездок и перелетов.

— Так почему бы вам не вернуться в ваше время? — спросил я.

— Еще рано, Лео.

— Но если мы вам так надоели...

— Думаю, я еще задержусь. Скуку можно и потерпеть. Я хочу увидеть, как все повернется.

Я передал наш разговор Крейлику, тот лишь пожал плечами.

— Будем надеяться, что это «все» повернется в самом ближайшем будущем. Не ему одному надоело мотаться с одного конца света в другой.

Темп нашего путешествия ускорился. Крейлик, похоже, решил сделать все от него зависящее, чтобы Ворнана затолкнуло от двадцатого столетия. Города и достопримечательности мелькали, как кадры на старой киноплёнке. Белые просторы Антарктиды сменила тропическая зелень Цейлона. Затем последовали Индия, Ближний Восток, долина Нила, откуда мы нырнули в дебри Центральной Африки. Одна за другой столицы раскрывали нам свои объятия. И везде, даже в Богом забытых странах, нас ожидала восторженная встреча. Многотысячные толпы приветствовали нового бога. К этому времени — а уже начался октябрь — «Новейшее откровение» достигло самых удаленных уголков планеты. Аналогии Филдса преобразовались в аксиомы. Ворнанитская церковь еще не оформилась юридически, но массовая истерия все более обретала черты религиозного движения.

Однако я напрасно опасался, что Ворнан возглавит это движение. Толпы наскучили ему не меньше лабораторий или электростанций. Из-за пуленепробиваемых стекол несколькими взмахами руки, словно Цезарь, приветствовал он своих ревущих от восторга почитателей, но я замечал, как

пренебрежительно подрагивали его ноздри и как боролся он с желанием зевнуть во весь рот.

— Чего они от меня хотят? — спрашивал он с раздражением в голосе.

— Они хотят любить вас, — отвечала Элен.

— Но почему? Неужели в душах их пустота?

— Бездонная пустота, — последовал едва слышный ответ.

— Вы ощутили бы их любовь, выйдя к ним, — добавил Хейман.

По телу Ворнана пробежала дрожь.

— Это неразумно. Они могут убить меня своей любовью.

Я вспомнил, как шестью месяцами раньше, в Лос-Анджелесе, Ворнан радостно бросился в толпу безумствующих апокалипсистов. Тогда он не боялся за свою жизнь. Да, на нем была маска, но все равно он подвергал себя немалому риску. Перед моим мысленным взором возник Ворнан, окруженный живой баррикадой. Как веселился он посреди людского хаоса! А вот теперь боялся любви толпы. Это был новый Ворнан, осторожный, осмотрительный. Возможно, он таки понял, какой джинн, не без его участия, выпущен из бутылки, и куда более серьезно оценивал грозящую ему опасность.

Середину октября мы встретили в Йоханнесбурге, откуда намеревались вылететь в Южную Америку. Там уже готовились к встрече. Началось организационное оформление ворнанитской церкви: в Бразилии и в Аргентине прошли массовые богослужения, собравшие десятки тысяч верующих. Мы слышали о вновь основанных храмах, но сведения к нам поступали разрозненные, заставляющие сомневаться в их достоверности. Ворнана новая религия ничуть не заинтересовала. Наоборот, как-то вечером, дня за два до отлета, он неожиданно зашел в мой номер.

— Я хотел бы отдохнуть, Лео.

— Желаете отменить вечернюю программу? — Его слова я истолковал неправильно.

— Нет, отдохнуть от путешествий. Толпы, шум, новые впечатления — этим я сыт по горло.

— Вам бы обратиться к Крейлику.

— Сначала я должен поговорить с вами. Несколько недель тому назад вы рассказали мне о ваших друзьях, которые живут в уединенном доме. Мужчина и женщина, ваш бывший ученик, понимаете, о ком речь?

Естественно, я понимал. И на мгновение оцепенел. Действительно, как-то раз я рассказал Ворнану о Джеке и Ширли, о том удовольствии, которое получал, укрываясь в их доме от суеты и забот. Заводя этот разговор, я надеялся, что Ворнан ответит взаимностью, поделится со мной подробностями своей жизни в будущем, которое оставалось для меня таким же нереальным. Но никак не мог ожидать подобной реакции.

— Да, — кивнул я. — Понимаю.

— Может, мы могли бы поехать туда, Лео. Вы и я. Побудем там вчетвером, без охраны, шума, толпы. Можем же мы незаметно исчезнуть. Я должен восстановить силы. Бесконечные переезды вымотали меня. И я хочу познакомиться с повседневной жизнью людей вашей эпохи. До сих пор мне показывали спектакль, маскарад. Просто посидеть, спокойно поговорить, как же этого хочется. Вы сможете это устроить, Лео?

Своим вопросом он застал меня врасплох. Столь внезапно проявившаяся человечность Ворпана обезоружила меня. Кроме того, я подумал, что нам многое удастся узнать о Ворпане. В узкой компании он, возможно, расскажет то, что останется сокрытым посреди людского моря.

— Я позвоню моим друзьям, — пообещал я. — И поговорю с Крейликом. Возможно, что-то и получится, Ворпан.

Глава 16

Крейлик поначалу обеспокоился нарушением тщательно спланированного графика. Южная Америка, сказал он, будет недовольна отсрочкой визита Ворпана. Но он смог оценить и положительные стороны моего плана. Действительно, смена обстановки, уединенный дом посреди безлюдной пустыни вместо толп, телекамер и сияния «юпитеров» могли принести свои плоды. Да, похоже, и ему самому хотелось отдохнуть от Ворпана. Короче, мое предложение он одобрил.

Тогда я позвонил Джеку и Ширли.

— Когда вы собираетесь приехать? — спросил Джек.

— Завтра, если вы сможете нас принять.

— Разумеется, сможем, — вставила Ширли.

Я всматривался в ее лицо, пытаюсь уловить признаки страсти к Ворпану, но не увидел ничего, кроме волнения.

— Нет проблем, — согласился и Джек. — Но скажи мне, к нам приедут и репортеры, и полиция? Это вот ни к чему.

— Нет, нет, — успокоил я его. — Местопребывание Ворпана будет храниться в секрете. Репортеров можете не опасаться. Дороги, ведущие к вашему дому, конечно же, возьмут под контроль, но едва ли охрана будет докучать вам. Скорее всего вы ее и не заметите.

— Хорошо, — Джек улыбнулся. — Тогда приезжайте.

Ширли и Джек ждали нас у дома, Джек — в застиранной рубашке и вылинявших джинсах, Ширли — в полупрозрачной блузке и шортах. Я не видел их с весны и лишь несколько раз говорил с ними по видеофону. Напряжение в их отношениях, которое я заметил, когда был у них в последний раз, за прошедшие месяцы усилилось. Один лишь приезд высокого гостя не мог быть причиной их суетливости, нервозности, внутренней зажатости.

Прежде всего я представил их друг другу.

— Это Ворнан Девятнадцатый. Джек Брайнт. Ширли.

— Рад познакомиться, — Ворнан не протянул руки, но поклонился, совсем как японец, сначала Джеку, потом Ширли. Последовала неловкая пауза. Мы стояли и смотрели друг на друга под жаркими лучами солнца. Ширли и Джек вели себя так, словно до сего момента не верили в существование Ворнана и теперь видели в нем внезапно ожившего сказочного персонажа. Джек так сжал губы, что они превратились в узкую полоску. Ширли не отрывала глаз от лица Ворнана, качаясь взад-вперед. Ворнан с дружелюбной улыбкой оглядывал дом, хозяев, окружающую пустыню.

— Позвольте мне проводить вас в вашу комнату, — прервала затянувшееся молчание Ширли.

Ширли поселила Ворнана в комнате, где обычно останавливался я, мне же досталась кладовка, окна которой выходили на соларий. Ее быстренько очистили от разного хлама, превратив еще в одну спальню. Я воспринял это как должное. Ширли осталась с Ворнаном, Джек прошел со мной.

— Я смогу поговорить с ним? — спросил Джек у меня.

— Конечно.

— Ты знаешь, о чем?

— Да. Говори, не стесняйся. Больше-то делать тут нечего. Но едва ли ты что-нибудь узнаешь, Джек.

— Попытка — не пытка, — он пожал плечами и добавил, понизив голос: — Мне казалось, он выше ростом. Но производит впечатление. Производит. Сразу видно, что может подчинять людей своей воле.

— Наполеон был коротышка, — напомнил я ему. — И Адольф Гитлер.

— Ворнан это знает?

— Вроде бы он не уделял много времени изучению истории, — ответил я, и мы оба рассмеялись.

Спустя какое-то время Ширли вышла из комнаты Ворнана и столкнулась со мной в холле. Она не ожидала увидеть меня, а потому маска, которую мы все носим на лице в присутствии посторонних, на мгновение спала, и мне открылись ее истинные чувства. Глаза, ноздри, губы — все дышало кипящими страстями. Я уж подумал, а не подкатился ли к ней Ворнан за те пять-шесть минут, что она провела в его комнате, ибо Ширли буквально источала сексуальность. А мгновение спустя заметила меня, и маска вновь заняла свое привычное место. Ширли нервно улыбнулась.

— Я ему все показала. Мне он понравился, Лео. Знаешь, я ожидала, что он будет холодный и недоступный, эдакий робот. А он вежливый и обходительный, настоящий джентльмен.

— Очаровывать он умеет, это точно.

Щеки ее зарделись.

— Ты думаешь, нам не следовало соглашаться на его предложение?

— Это еще почему?

— Неизвестно, что может произойти. Он прекрасен, Лео. Неотразим.

— Ты боишься собственных желаний?

— Я боюсь причинить боль Джеку.

— Тогда ничего не делай без согласия Джека, — я, похоже, вошел в роль дяди. — Держи себя в руках.

— А если я не смогу, Лео? Когда я была с ним в комнате... он смотрел на меня таким голодным взглядом...

— Так он смотрит на всех красивых женщин. Но ты же знаешь, как сказать «нет», не так ли, Ширли?

— Не уверена, что я этого захочу.

— Хочешь, чтобы я позвонил Крейлику и мы уехали?

— Нет!

— Тогда тебе самой придется сторожить собственное целомудрие. Ты уже взрослая, Ширли. И не ляжешь в постель к гостю вашего дома, если сочтешь, что делать этого не следует. Раньше у тебя с этим проблем не было.

От моих последних слов Ширли аж вздрогнула. Покраснела до корней волос. Уставилась на меня, словно у нее резко ухудшилось зрение, и она не могла разглядеть моего лица. Я же сердился на себя. Одной фразой втоптать в грязь десять лет нашей дружбы. Но напряжение спало. Ширли глубоко вздохнула и продолжила уже ровным, спокойным голосом:

— Ты прав, Лео. Это не проблема.

Вечер прошел на удивление тихо. Ширли приготовила бесподобный обед, и Ворнан не скупился на похвалы, отметив, что впервые он обедает у кого-то в гостях. Уже в сумерках мы вышли прогуляться. Джек шел рядом с Ворнаном, я — с Ширли, вплотную за ними. Джек показывал нам сумчатую крысу, выскочившую из одной норы и помчавшуюся к другой. Мы увидели американских зайцев, ящериц. Дикие животные, живущие на свободе, более всего поражали Ворнана. Потом мы вернулись в дом, как давние друзья расположились в гостиной, поболтали о пустяках.

И несколько последующих дней прошли спокойно. Мы спали допоздна, гуляли по залитой солнцем пустыне, ели, болтали, смотрели на звезды. Ворнан держался немного замкнуто, но больше, чем обычно, говорил о своем времени. Указывая на звезды, он пытался найти созвездия, которые знал, но не смог отыскать даже Большую Медведицу. Упоминал о табу, связанных с употреблением пищи, подчеркивая, что в аналогичной ситуации в 2999 году он бы не решился сесть за стол с хозяевами. С удовольствием предавался он воспоминаниям о тех десяти месяцах, что провел с нами.

В присутствии Ворнана мы не включали телевизор. Я не хотел, чтобы он знал о бунтах, прокатившихся по Южной Америке, когда стало известно, что приезд Ворнана откладывается. Не было у меня желания лицеизреть и охватившую

мир истерию, ибо все бросились искать припелца из будущего, знающего ответы на все загадки Вселенной. В одном из интервью Ворнан прямо заявил об этом, но утверждение это до сих пор ни в какой мере не соответствовало действительности, ибо Ворнан поставил куда больше вопросов, не дав, пожалуй, ни единого ответа. Так что имело смысл держать его в изоляции, не допуская до рычагов власти, которые сами просились ему в руки.

На четвертое утро я проснулся, когда солнце уже высоко поднялось. Ворнан загорал на солярии. Голый, он растянулся на шезлонге. Я постучал в окно. Он поднял голову, увидел меня, улыбнулся. А когда я вышел на солярий, поднялся мне навстречу. Казалось, тело его покрыто таким-то пластиком. Однотонная, без единого волоска кожа, мышцы не бугрились, но и не были дряблыми, как у старика, внушительных размеров фаллос.

— Как здесь хорошо, Лео. Раздевайтесь. Позагораем.

Честно говоря, такого я не ожидал. Я не рассказывал Ворнану о том, что в прошлые мои визиты мы предпочитали обходиться без одежды. А в этот раз все приличия соблюдались неукоснительно. Но, разумеется, Ворнан не видел в наготы ничего предосудительного. Он сделал первый ход, а Ширли тут же поддержала его. Она выпорхнула из дома, увидела, что Ворнан голый, а я — в пижаме, улыбнулась.

— Вот и правильно. Я еще вчера собиралась предложить то же самое. Здесь мы не стесняемся своих тел, — а чтобы слова не расходились с делом, она скинула с себя легкое платье и улеглась на деревянный настил.

Ворнан с любопытством наблюдал за раздевающейся Ширли. Но ее пышные формы, похоже, вызвали у него разве что теоретический интерес. За эти месяцы Ворнан изменился. Теперь он не набрасывался на каждую, оказавшуюся поблизости женщину. А вот Ширли — и это чувствовалось — было не по себе. Лицо, залитое краской, преувеличенно небрежные движения, короткий взгляд, брошенный на чресла Ворнана. И соски, внезапно набухшие от желания, выдавали ее. Она это поняла и перекатилась на живот. Когда я, Ширли и Джек загорали втроем, ни у кого не возникало сексуальных желаний. Сейчас же ее эрогенные зоны ясно показывали, какие чувства испытывала она, раздеваясь перед обнаженным Ворнаном.

Джек появился последним. То, что он увидел, несколько его озадачило. Ширли загорала спиной, Ворнан дремал лицом к солнцу. Я, в пижаме, мерил солярий пятами.

— Прекрасный день, — чересчур весело воскликнул он. Вышел он в шортах и вроде бы не собирался их снимать. — Ты покормишь меня завтраком, Ширли?

Ни Ширли, ни Ворнан не оделись в то утро. Ширли пыталась добиться той степени неформальности, что отличала мои прошлые визиты. Ее смущение, столь заметное понача-

лу, исчезло. Что меня удивило, так это полное безразличие Ворнана к ее телу. Я это осознал гораздо раньше самой Ширли. Напрасно она старалась привлечь к себе его внимание, выпячивая грудь или поводя бедром. Он ничего не замечал. В этом, наверное, не было ничего удивительного: он прибыл из тридцатого века, где одежда не считалась необходимостью и голое тело не вызывало удивления. Поражало другое: раньше Ворнан охотился за женщинами, а потому я никак не мог понять, почему он никак не реагирует на красоту Ширли.

Разделся и я. Почему нет? Во-первых, одежда сковывала, во-вторых, таковы были традиции этого дома. Но до конца расслабиться так и не смог. Я уже столько раз загорал вместе с Ширли, и никогда ранее вид ее обнаженного тела не вызывал у меня плотоядных мыслей. Теперь же от прилива желания у меня то и дело темнело в глазах.

И Джек вел себя более чем странно. Вроде бы нагота была естественной для него, а тут мы все разделись, а он еще полтора дня ходил в шортах. Ширли даже спросила его, почему он не раздевается. Джек как раз работал в саду под палящим солнцем, и шорты его промокли от пота.

— Они мне не мешают.

И не снял шорты.

Поднял голову и Ворнан.

— Надеюсь, не я тому причина?

Джек рассмеялся, расстегнул пуговицу, потом «молнию» и снял-таки шорты, предварительно повернувшись к нам спиной. Потом он обходился без них, но чувствовалось, что ему это не нравится.

Ворнан пленил Джека. Они долго беседовали. Ворнан слушал внимательно, изредка бросая редкую фразу, Джек говорил и говорил. Я не прислушивался. Они затрагивали политику, преобразование энергии, многое, многое другое. Всякий раз разговор быстро трансформировался в монолог. Опять же я не мог понять, с чего Ворнан так терпеливо слушает Джека, но, с другой стороны, чем еще он мог заняться? Я же просто лежал на солнце и отдыхал.

Я, конечно, чувствовал поднимающуюся в Ширли неудовлетворенность. Она ощущала себя отвергнутой, и даже я мог понять почему. Она хотела Ворнана, а Ворнан, переспавший с десятками женщин, не выказывал к ней никаких чувств, за исключением уважения. Он вел себя в полном соответствии с самыми строгими канонами буржуазной морали и не давал Ширли затянуть себя в ее игры. Словно кто-то сказал ему, что нельзя соблазнять жену хозяина дома. Раньше Ворнан не обращал внимания на приличия. Более того, делал все возможное, чтобы нарушить их, показывая, что законы двадцатого века писаны не для него. Он мог уложить женщину в свою постель только из озорства, как в случае с Эстер. Теперь ему, похоже, нравилось идти вопреки желаниям оча-

ровательной Ширли при всей ее наготе и доступности. Ворпан в своем дьявольском амплуа, подумал я, нет для него большего удовольствия, чем щелкнуть ближнего по носу.

Ширли от отчаяния не находила себе места. И меня, невольного свидетеля, оскорбляла неуклюжесть ее попыток соблазнить Ворнана. Она перегибалась через Ворнана, прижималась к его спине упругой грудью, чтобы взять банку пива. Одаривала приглашающими взглядами. Загорала, принимая неприличные позы, которых ранее всегда избегала. Ничего не помогало. Возможно, она могла бы получить желаемое, забравшись ночью в кровать Ворнана, но гордость не позволила ей зайти так далеко. А потому Ширли становилась все более грубой и раздражительной. Вновь вернулась ее манера пронизительно смеяться по поводу и без него. В ее репликах, брошенных Джеку, мне, Ворнану, слышалась плохо скрываемая враждебность. Все валилось у нее из рук. Меня это угнетало, я пребывал в точно таком же положении, что и она, не несколько дней, но десять лет. И смог устоять, не возжелал жену моего друга. Ворнану она предлагала себя, мне — нет. Но такой она мне не нравилась, и я насколько не радовался ее горю.

Джек не замечал мучений жены. Полностью поглощенный Ворнаном, он более ничего не видел. В уединении пустыни у него не было возможности завести новых друзей, а со старыми он практически не виделся. И к Ворнану привязался, как мальчик, не имеющий компании, привязывается к необычному человеку, только что переехавшему на его улицу. Сравнение это я привожу не случайно. В поведении Джека было что-то юношеское, даже детское. Он говорил беспрерывно, рассказывал о своей жизни, причинах, побудивших его уйти из университета, даже отвел Ворнана в свой рабочий кабинет, где я никогда не был, чтобы показать ту самую мифическую рукопись, над которой он работал столько лет. Джек открывал Ворнану душу, словно ребенок, выкладывающий перед новым другом самые дорогие игрушки. Всеми силами старался он завоевать внимание Ворнана. Джек воспринимал его как приятеля. Мне это казалось странным, ибо я полагал, что проще сблизиться с инопланетянином, чем с Ворнаном, и в душе я испытывал к нему безотчетный страх. Ворнана такое отношение радовало и забавляло. Иногда они уединялись в кабинете на несколько часов кряду. Я убедил себя, что Джек реализует намеченный им план, цель которого — получить от Ворнана требуемую информацию. Неплохая, между прочим, идея, сказал я себе, — под прикрытием дружбы выудить из Ворнана нужные сведения.

Но Джек ничего не узнал. А я в своей слепоте не подозревал о том, что происходило у меня на глазах.

Как я только мог проглядеть такое? Почему не заметил мечтательного выражения глаз Джека? Почему не насторо-

жился, видя, как он бросает недовольные взгляды на меня и на Ширли, всем своим видом показывая, что без нас ему было бы куда лучше? Даже рука Ворнана, по-хозяйски легшая на голое плечо Джека, не вызвала у меня подозрений.

В эти дни я проводил с Ширли куда больше времени, чем раньше, ибо Джек и Ворнан постоянно куда-то уходили. Предоставившуюся мне возможность сблизиться с ней я не использовал. Мы лежали на солнце, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Ширли напоминала комок нервов, подходящей темы для разговора я не находил, а потому предпочитал молчать. Аризона купалась в солнце. Под жаркими лучами не хотелось даже шевелиться, не то что разговаривать. Кожа Ширли блестела, как свеженачищенная бронза. Несколько раз Ширли порывалась мне что-то сказать, но в последний момент слова застревали у нее в горле. Подсознательно я чувствовал, что-то не так, но понятия не имел, откуда может прийти беда. И лишь случившаяся катастрофа открыла мне глаза.

Произошло это на двенадцатый день нашего визита. Октябрь подходил к концу, но жара и не думала спадать. В полдень солнце слепило глаза и так жгло кожу, что я не выдержал. Извинился перед Ширли — Джек и Ворнан опять отсутствовали — и ушел в свою комнату. Перед тем как затемнить окно, посмотрел на Ширли. Она лежала на спине, закрыв глаза и согнув левую ногу в колене. Грудь ее равномерно поднималась и опускалась. Красивая женщина, разморенная жарой. Но тут мой взгляд упал на ее левую руку. Она сжала пальцы с такой силой, что дрожал не только кулак, но и рука до самого локтя. Тут-то я понял, каким усилием воли достигается ее внешнее спокойствие.

Я затемнил окна и вытянулся на кровати. Воздух приятно охлаждал кожу. Наверное, я задремал. А открыл глаза, услышав приближающиеся к моей двери шаги. Сел.

В комнату влетела Ширли. Казалось, она обезумела. Глаза дико сверкали, губы дрожали, грудь тяжело вздымалась. Залитое румянцем лицо, капельки пота, их я видел особенно отчетливо на теле.

— Лео... — У нее перехватило дыхание. — О Боже, Лео!

— Что? Что случилось?

Волоча ноги, она пересекла комнату, остановилась, лишь уперевшись коленями в кровать. Была она словно в шоке. Губы шевелились, но с них не слетало ни звука.

— Ширли!

— Да, — пробормотала она. — Да. Джек... Ворнан... о, Лео, предчувствие не обмануло меня! Я не хотела этому верить, но, к сожалению, не ошиблась. Я их видела! Видела!

— О чем ты говоришь?

— Подошло время ленча, — она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. — Я проснулась и пошла их искать. Как обычно, они были в кабинете Джека. На мой стук не

ответили, я открыла дверь и увидела, почему они не отреагировали. Они были заняты. Друг другом. Друг... другом. Руки, ноги, все переплелось. Я видела. Я смотрела на них не меньше полминуты. О, Лео, Лео, Лео!

Рыдающую, потрясенную, я обнял ее, боясь, что она рухнет на пол. Тяжелые сферы ее груди ожгли мне кожу. Перед моим мысленным взором возникла описанная ею сцена. У меня словно открылись глаза. И винить во всем я мог только собственную глупость, бессердечность Ворнана, наивность Джека. Я аж скривился, представив себе Ворнана, облапившего Джека, словно гигантская доисторическая обезьяна, но дальнейшего развития мысль эта не получила. Ширли дрожала в моих объятиях, голая, потная, плачущая. Всем телом прильнула она ко мне, единственному островку стабильности в рушащемся мире. Поначалу я обнял ее, чтобы успокоить, но потом... потом я потерял контроль над собой, а она не сопротивлялась, наоборот, с радостью приняла меня, и мгновение спустя мы упали на кровать.

Глава 17

Несколько часов спустя я заставил Крейлика забрать нас. Ничего не объясняя. Просто сказал, что нам необходимо уехать. Мы даже не попрощались с хозяевами. Оделись, заpackовали вещи, и я повез Ворнана в Тусон, где нас встретили люди Крейлика.

Оглядываясь назад, я вижу, сколь паническим был мой отъезд. Наверное, мне следовало остаться с Ширли и Джеком. Помочь им прийти в себя. Но в тот момент я думал лишь об одном: побыстрее уехать. Меня переполняло чувство вины. Стыд за содеянное. Между Ворнаном и Джеком. Между мной и Ширли случилось то, что могло бы, но не произошло между Ворнаном и Ширли. И я, я привел змея в их рай. Когда же разразился кризис, оказался далеко не на высоте, сначала поддавшись плотскому желанию, а потом позорно сбежав.

Тогда я думал, что больше не увижусь с Ширли и Джеком. Я знал об их постыдном проступке и, словно человек, познакомившийся с пожелтевшими от времени письмами дорогих его сердцу людей, чувствовал, что знание это начисто отрезало меня от них. Теперь мнение мое меняется. Прошло два месяца, и этот эпизод представляется мне несколько под иным углом. Все трое, мы выглядели одинаково мерзкими слабачками, марионетками, послушно подчиняющимися веревочкам, за которые дергал Борнан. И осознание нашей общей слабости может вновь возродить нашу дружбу. На это еще оставалась хоть какая-то надежда. Ибо то, что связывало Джека и Ширли, разбилось вдребезги.

Передо мной проплывает череда лиц: Ширли, покрасневшая, охваченная страстью, с закрытыми глазами, полуот-

крытым ртом. Ширли, раздавленная стыдом, опустившаяся на пол, уползающая от меня, словно раненое насекомое. Джек, выходящий из кабинета, бледный, ничего не понимающий, словно жертва насилия, оказавшийся в незнакомом ему мире. И Ворнан, самодовольный, уверенный в себе, успешно выполнивший задуманное, особо удовлетворенный тем, что сотворили мы с Ширли. Я даже не залился на него. С его точки зрения, он не сделал ничего из ряда вон выходящего и не чувствовал за собой никакой вины. Он отверг Ширли не потому, что пресытился женщинами. Просто он наметил себе другую жертву.

Крейлику я ничего не сказал. Он, конечно, чувствовал, что отдых в Аризоне не удался, но^о подробностями интересоваться не стал. Мы встретились в Фениксе. Он вылетел из Вашингтона после моего звонка. И тут же ввел меня в курс дел. Путь наш лежал в Южную Америку. В следующий вторник нас ждали в Каракасе.

— Придется вам обойтись без меня, — я покачал головой. — Ворнаном я сыт по горло. И выхожу из комитета.

— Не делайте этого.

— Я должен. Это глубоко личное. Я отдал вам почти год, а теперь пора собирать воедино осколки моей жизни.

— Оставайтесь с нами еще на месяц, — взмолился Крейлик. — Это просто необходимо. Вы смотрели выпуски новостей, Лео?

— Нерегулярно.

— Мир охвачен ворнапоманией. Ситуация ухудшается с каждым днем. Две недели, которые он провел в пустыне, только добавили жару. Вам известно, что в Буэнос-Айресе в воскресенье объявился лже-Ворнан и провозгласил Латинно-американскую империю? В пятнадцать минут он собрал пятидесятитысячную толпу. Причиненный ущерб исчисляется миллионами. Они разнесли бы весь город, если б снайпер не застрелил этого человека.

— Застрелил? За что?

— Откуда мне знать? Это же чистое безумие. Толпа растерзала убийцу. И потребовалось два дня, чтобы убедить всех, что настоящий Ворнан жив-здоров и не показывался в Аргентине. А потом нашлись и другие лже-Ворнаны. В Карачи, Стамбуле, Пекине, Осло. Все му виной эта книга Филдза. Я бы с удовольствием содрал с него шкуру.

— А при чем тут я, Сэнди?

— Вы провели с ним больше времени, чем кто бы то ни было. Вы хорошо его знаете, а он знает и доверяет вам. Только вы сможете контролировать его.

— Контролировать его я не могу, — мне вспомнились Джек и Ширли. — Неужели вы этого не понимаете?

— По крайней мере, у вас есть такой шанс, Лео. Если Ворнан осознает, какая у него власть, он вывернет наш мир наизнанку. Одно его слово — и пятьдесят миллионов перере-

жут себе глотки. Вы отстали от жизни, Лео. Не можете представить себе, что тут творится. Возможно, вам удастся сдержать его, если он почувствует, что мир готов плясать под его дудку.

— Я же не смог сдержать его, когда он разрушил виллу Уэсли Брутона.

— Тогда игра только начиналась. Мы стали умнее, не подпускаем Ворнана к сложной технике. Но вилла Брутона — пример того, что он может сотворить со всей планетой.

Я хрипло рассмеялся.

— Так зачем рисковать? Убейте его!

— Ради Бога, Лео...

— Я не шучу. Это можно устроить. Вы слишком долго вращались в правительственных кругах, чтобы я читал вам лекцию по макиавеллизму. Избавьтесь от Ворнана, пока это в ваших силах, прежде чем он станет императором Ворнаном, которого возьмет под охрану десятитысячная гвардия. Сделайте это, Сэнди, и отпустите меня в мою лабораторию.

— Довольно шуток, Лео. Как...

— Я говорю серьезно. Если же вам не с руки убивать Ворнана, уговорите его вернуться в будущее.

— Мы не можем сделать и этого.

— Так что же вы намерены предпринять?

— Я же вам сказал: будем таскать его по всей Земле, пока ему не надоест. Держать под постоянным контролем. Удовлетворять все его желания. Подкладывать под него женщин...

— И мужчин, — вставил я.

— Если придется, даже маленьких мальчиков. Мы сидим на мегатонной бомбе, Лео, и потому должны сделать все возможное, но не дать ей взорваться. Если вы хотите покинуть нас в такой момент, воля ваша. Но, когда произойдет взрыв, вы почувствуете его даже в вашей башне из слоновой кости. Так каким будет ваш ответ?

— Я остаюсь.

Итак, я снова присоединился к этому странствующему цирку и присутствовал при развязке этой истории. Я не предполагал, что Крейлик сможет уговорить меня остаться. По крайней мере, за два часа до нашего разговора я пребывал в полной уверенности, что наши пути с Ворнаном разошлись навсегда. Я не испытывал к нему ненависти за то, что он сотворил с моими друзьями, но считал его абсолютным злом. И говорил серьезно, предлагая Крейлику уничтожить его. И теперь мне вновь пришлось сопровождать Ворнана. Но на этот раз я решил держать его на расстоянии вытянутой руки, уже не создавая иллюзии дружбы. Ворнан знал, что тому причина. В этом я не сомневаюсь. Но его, похоже, не волновала возникшая между нами отстраненность.

Огромное множество людей стекалось, чтобы увидеть Вор-

нана. И раньше он собирал большие толпы, но происходящее теперь поражало воображение. Больше ста тысяч человек заполнили одну из площадей в центре Каракаса. Сто тысяч глоток приветствовали нас на испанском языке. Ворнан вышел на балкон, помаhal рукой, словно папа, благословляющий верующих. Собравшиеся внизу требовали, чтобы он выступил с речью. Микрофон и систему громкой связи приготовили заблаговременно, но говорить Ворнан отказался. Лишь улыбался и махал рукой. Навстречу ему вздымалось море красных книжиц. Или «Нового откровения», или «Новейшего». Разницы, собственно, не было.

В тот же вечер он дал интервью венесуэльскому телевидению. Испанского Ворнан не знал, но студия пригласила переводчика-синхрониста. С каким напутствием, спросили его, могли бы вы обратиться к народу Венесуэлы?

— Мир — прекрасен и удивителен, — изрек Ворнан. — Жизнь священна. Вы можете создать рай и на этом свете.

Я остолбенел. Ранее мы не слышали таких благостных слов от нашего злокозненного приятеля. Похоже, он замыслил какую-то новую пакость.

В Боге народу собралось еще больше. Разреженный воздух плато вибрировал от нескончаемых криков. Ворнан говорил вновь, слова чуть изменились, суть — нет.

Обеспокоился и Крейлик.

— Он что-то затевает, — поделился он со мной своими тревогами. — Такого еще не было. Он пытается обратиться к ним напрямую, без посредников.

— Отмените турне.

— Невозможно.

— Запретите ему произносить речи.

— Как?

Вопрос его остался без ответа.

И Ворнана изумляло число пришедших к нему людей. То были не зеваки, случайно забредшие, чтобы взглянуть на заезжее чудо, а искренне уверовавшие в пришествие нового бога. Разумеется, он ощущал свою власть над ними и начал проявлять ее. Я, однако, заметил, что более он не стремился к физическому контакту с толпой, предпочитая балконы и герметично закрытые салоны автомобилей.

— Они просят вас сойти к ним, Ворнан, — сказал я ему, когда мы стояли над заполненной ревущей толпой площадью в Лиме. — Разве вы их не слышите?

— Я бы с удовольствием.

— Вас никто не останавливает.

— Да, да. Но их так много. Может начаться давка.

— Наденьте «защиту от толпы», — предложила Элен Маклуэйн.

Ворнан обернулся к ней.

— А что это такое?

— Их носят политики. Сферическое силовое поле, окру-

жающего того, кто надевает защитную оболочку. Создано именно с целью защиты знаменитостей, решивших выйти к людям. Любой приблизившийся получает удар током. Вы будете в полной безопасности, Ворнан.

— Правда? — Ворнан посмотрел на Крейлика. — Вы сможете достать мне такую броню?

— Полагаю, проблем не будет, — ответил Крейлик.

На следующий день, в Буэнос-Айресе, мы получили защитную броню из американского посольства. В последний раз она использовалась президентом Соединенных Штатов во время его латиноамериканского турне. Сотрудник посольства надел ее на себя. Электроды располагались по всему периметру, аккумулятор — на груди. Он же показал, как ею пользоваться.

— Попытайтесь подойти ко мне. Все вместе.

Мы двинулись к нему. И тут же его окружило желтоватое сияние. Еще шаг, и мы уперлись в непроницаемый барьер, отпрыгнули назад от удара током. Легкого, практически безболезненного, но весьма эффективного. От сотрудника посольства нас отделяло три фута. Демонстрация брони Ворнану понравилась.

— Дайте-ка я попробую.

Сотрудник надел на него броню, еще раз проинструктировал Ворнана, какие надо нажимать кнопки и в какой последовательности. Ворнан в точности выполнил все его указания.

— А теперь напирайте на меня. Все вместе. Сильнее! Сильнее! — Ближе чем на три фута никто из нас подойти не смог. Ворнан удовлетворенно рассмеялся. — Отлично. Теперь я смогу ходить среди моих людей.

— Неужели вы ему это позволите? — спросил я Крейлика, когда мы остались одни.

— Он сам этого просил.

— Но вы могли сказать, что защита барахлит, придумать другой предлог. Сэнди, а вдруг защита откажет в самый критический момент?

— Такого не может быть. — Крейлик взял броню в руки, открыл панель на задней стенке аккумулятора. — В ней только одно слабое место — вот эта интегральная плата. При перегрузке она имеет тенденцию выходить из строя. Но есть байпасная цепь, которая мгновенно включается в работу. Так что силовое поле пропадает разве что на две микросекунды. В общем, защита может отказаться только в одном случае, если кто-то сознательно ломает ее. К примеру, разорвет байпасную цепь, а интегральная плата не выдержит перегрузки. Но я не думаю, чтобы кто-либо пошел на такое.

— А Ворнан?

— Да, от Ворнана можно ждать чего угодно. Но едва ли

он захочет ломать собственную броню. По-моему, он не стремится к непосредственному общению с народом.

— Но разве вы не боитесь того, что может произойти, если он выйдет к людям и захочет повести их за собой?

— Боюсь, — честно признал Крейлик.

В Буэнос-Айресе Ворнана ждал самый восторженный прием. Именно в этом городе объявился лже-Ворнан, и приезд Ворнана настоящего не оставил равнодушным ни одного аргентинца. Широкую, обсаженную деревьями Авениду 9 Июля загромодила плотная толпа. Наш кортеж с трудом пробивался сквозь нее. Ворнан был в броне, мы же первоначально ехали на сиденьях лимузинов. Время от времени Ворнан открывал дверцу и выходил из машины. Защита работала, никто не мог приблизиться к нему, но само присутствие Ворнана повергало окружающих в экстаз. Они облепляли силовую сферу, а внутри Ворнан ослепительно улыбался и кланялся.

— Мы стали соучастниками безумия, — сказал я Крейлику. — Не следовало этого делать.

Крейлик криво усмехнулся и посоветовал мне успокоиться. Но о каком спокойствии могла идти речь? Вечером Ворнан вновь дал интервью, полное утопических заявлений. Назрела необходимость скорейших реформ. Слишком большая власть сконцентрирована в руках лишь нескольких человек. Эра всеобщего благоденствия неизбежна, но приход ее возможно ускорить лишь общими усилиями.

— Мы рождены из мусора, но можем стать богами. Я это знаю. В моем времени нет болезней, нет бедности, нет страдания. Нет даже смерти. Но почему человечество должно ждать тысячу лет, чтобы обрести все эти блага? Действовать надо сейчас. Незамедлительно.

Его слова звучали как призыв к революции.

Однако конкретной программы Ворнан не выдвигал. Лишь произнес расхожие фразы о необходимости реформирования нашего общества. Но даже они в корне отличались от всего того, что он говорил в первые месяцы пребывания в двадцатом веке. Он превращался в бунтаря, осознав, что может принести куда больше вреда, обращаясь непосредственно к массам, а не издеваясь над отдельными личностями. Крейлик понимал это не хуже моего. И я никак не мог взять в толк, почему он не отрежет Ворнану доступ к глобальной информационной системе. Похоже, он не мог остановить ход событий, воспрепятствовать революции, подготовленной его же руками.

Мотивы Ворнана оставались для нас тайной. На второй день пребывания в Буэнос-Айресе он вновь вышел к народу. На этот раз люди из всех сил стремились пробиться к Ворнану, прикоснуться к нему рукой. Нам удалось вызвать его лишь с помощью вертолета. С него сбросили лестницу, по которой он и ретировался. Бледный, потрясенный,

снял он броню. Впервые я увидел на его лице испуг. Он бросил на броню скептический взгляд.

— Может, она не уберегает от опасности? Надежна ли эта броня?

Крейлик заверил его, что все слабые места в интегральной плате дублированы, а потому надежность защиты не вызывает сомнений. Но Ворнана, похоже, не убедил. Тот отвернулся, пытаясь взять себя в руки. Я, однако, нисколько не огорчился, узнав, что и Ворнану ведом страх. Такая толпа могла перепугать любого, в броне или без оной.

В ночь на 19 ноября мы вылетели из Буэнос-Айреса в Рис-де-Жанейро. Я пытался уснуть, но к моему креслу подошли Ворнан и Крейлик. Последний держал в руках «броню от толпы».

— Наденьте.

— Зачем?

— Чтобы научиться ею пользоваться. В Рио вам придется ходить в ней.

Остатки сна улетучились.

— Послушайте, Сэнди, если вы думаете, что я собираюсь выйти к этим людям...

— Лео, — прервал меня Ворнан, — я хочу, чтобы вы были рядом со мной.

— Ворнану не по себе от всех этих толп, и он не хочет ходить среди них один. Он попросил меня уговорить вас сопровождать его. Только вас.

— Это правда, Лео, — кивнул Ворнан. — Другим я не доверяю. А рядом с вами мне не страшно.

Убеждать он умел. Один взгляд, одна улыбка, и я готов сопровождать его в обезумевшей толпе. Я сказал ему, что согласен, и он, тронув за руку, трогательно поблагодарил меня. Но, едва он ушел, заговорил инстинкт самосохранения, и когда Крейлик протянул мне броню, я отвел его руку.

— Не могу. Позовите Ворнана. Скажите ему, что я передумал.

— Перестаньте, Лео. С вами ничего не случится.

— Если я откажусь, Ворнан не выйдет к людям?

— Совершенно верно.

— Вот мы и решили эту проблему. Я не падену эту броню, и Ворнан не сможет ходить среди толпы. Мы перекроем ему кислород. Разве не этого вы хотите?

— Нет.

— Нет?

— Мы хотим, чтобы Ворнан имел возможность обратиться к людям. Они его любят. Нуждаются в нем. Мы не в праве отнять у них их героя.

— Так выдайте им этого героя. Но без меня.

— Не заставляйте меня повторяться, Лео. Он просит, что-

бы вы, и только вы, сопровождали его. Если он не появится в Рио, возможны международные осложнения и еще бог знает что. Мы не можем раздражать толпу, не допуская к ней Ворнана.

— Значит, меня бросают на съедание волкам?

— Броня гарантирует абсолютную безопасность, Лео! Не отказывайтесь. Помогите нам в последний раз.

Он приводил все новые доводы и в конце концов убедил меня сдержать данное Ворнану слово. И пока мы летели на восток, на высоте двадцати миль над Амазонской впадиной, Крейлик учил меня пользоваться броней. Наука оказалась несложной, так что еще до посадки я полностью овладел ее премудростями. Ворнан не скрывал своей радости. Теперь он уже говорил о том, какое восхитительное волнение испытывает он, находясь среди людей, как отзываются они на исходящее от него обаяние. Я слушал и молчал. Пристально смотрел на него, стараясь запомнить выражение лица, сияние улыбки, ибо у меня было предчувствие, что его визит в нашу средневековую эпоху близок к завершению.

Такого скопища народу, как в Рио, видеть нам еще не доводилось. Предполагалось, что Ворнан встретится с ними на берегу океана. Наш кортеж катил по улицам великолепного города, но берега мы так и не увидели, только море голов, заполнившее широкую полосу от отелей на набережной до самой воды. Многие стояли и среди волн. Проникнуть в эту плотную толпу не было никакой возможности, а потому пришлось прибегнуть к помощи вертолетов. Мы поднялись в воздух, полетели вдоль набережной. Ворнан раздувался от гордости.

— Ради меня. Они пришли ради меня. Где мой компьютер-переводчик?

Крейлик снабдил его еще одной игрушкой. Компьютер, настроенный на голос Ворнана, переводил его речь на португальский. Ворнан говорил, пока мы летели над лесом черных рук, и слова его разносились в теплом летнем воздухе. Не могу поручиться за перевод, но по-английски говорил он красноречиво и трогательно. О мире, из которого он пришел, безмятежном и гармоничном. Свободном от страданий и тревог. Где каждый человек уникален и самоценен. Он сравнивал будущее с нашим суетливым, безрадостным временем. Толпа, которую он видит внизу, невозможна в его эпоху, ибо только голод может собирать вместе столько людей, а там, где он живет, с голодом навеки покончено. Почему, спрашивал он, вы сами выбрали такой образ жизни? Почему вам не избавиться от ваших нерушимых принципов и гордыни, не отбросить догмы и идолов, не сокрушить барьеры, разделяющие сердца? Пусть каждый человек возлюбит ближнего, как брата своего. Пусть снизойдет новый век доброты.

Он не придумал ничего нового. Другие пророки предлагали то же самое. Но говорил он с такой искренностью и страстью, что избитые фразы казались откровениями. Ужели это был Ворнан, который смеялся миру в лицо? Ужели тот Ворнан, что играючи манипулировал людьми? Этот блестящий, ни с кем не сравнимый оратор? Этот святой? Даже у меня от его слов наворачивались на глаза слезы. Так что вы можете себе представить, какой эффект производил он на тех, кто собрался на берегу, кто слушал его, прильнув к телеэкранам.

Ворнан поднялся на вершину. Стал центром нашего мира. Мы принадлежали ему. Сменив насмешку на искренность, он покори нас всех.

Ворнан закончил проповедь. И повернулся ко мне.

— А теперь выйдем к ним, Лео.

Мы надели броню. Меня трясло от ужаса. Даже Ворнан, сдвинув бортовую панель, заколебался, глянув на ревущую внизу толпу. Но его ждали. И крики любви вздымались до небес. Магнетизм сработал в обратную сторону: Ворнана притягивало к людям.

— Идите первым, — попросил он меня. — Пожалуйста.

С отвагой камикадзе я вылез на лесенку, и меня спустили вниз с высоты в двести футов. Люди раздались в стороны. Я почувствовал ногами песок. Толпа устремилась ко мне. Но, увидев, что я — не пророк, замерла. Некоторых отбросили назад электроразряды. Я понял, что неуязвим, и успокоился. Желтоватое сияние создавало непреодолимый барьер между мной и теми, кто хотел подойти вплотную.

Спустился Ворнан. Радостный вопль вырвался из тысяч глоток. Его узнали. Он стоял рядом со мной, в сиянии собственного могущества, гордый, безмерно радостный. Я знал, о чем он думает: далеко не всякому удавалось пройти такой путь. И очень немногие становились богами еще при жизни.

— Идемте со мной, — приказал Ворнан.

Он воздел руки и неспешно запягал вдоль берега, величественный, вызывающий благоговейный трепет. На меня внимания не обращали. Все стремились пробиться к нему. Лица их исказились, глаза остеклели. Но никто не мог прикоснуться к нему. Силовое поле сохраняло вокруг Ворнана магические три фута пустоты. Толпа раздавалась, чтобы пропустить нас, но тут же смыкалась позади. Никто не желал верить в непроницаемость брони. Даже находясь под ее защитой, я чувствовал напор толпы. Возможно, нас окружал миллион бразильцев, возможно, пять миллионов. То был величайший триумф Ворнана. Он шагал и шагал, улыбаясь, кивая, принимая как должное воздаваемые ему почести.

Черный гигант, голый по пояс, возник перед ним с блестящей от пота кожей. На мгновение застыл на фоне бездонного синего неба.

— Ворнан! — прогремел его голос. — Ворнан!

Он протянул руки к Ворнану...

И схватил его за рукав.

Образ этот навсегда остался в моей памяти: черные пальцы на светло-зеленом одеянии Ворнана. И Ворнан, хмуриющийся, уставившийся на руки негра, внезапно осознавший, что броня более не защищает его.

— Лео! — завопил он.

Но тут же с ревом надвинулась толпа. Люди обезумели.

Передо мной повисла нижняя переключательная сброшенной с вертолета лестницы. Я схватился за нее, и меня потянуло вверх. Вниз я посмотрел лишь с борта вертолета. Бесформенная масса тел копошилась внизу. Меня передернуло.

В свалке погибло несколько сотен человек. Следов Ворнана не нашли.

Глава 18

Первое действие закончилось, второе, похожее, только начинается. Я не знаю, к чему приведет исчезновение Ворнана: укрепит наш дух или, наоборот, сбросит в пропасть безумия. Чтобы это понять, требуется время.

Шесть последних недель я живу в Рио. В полной изоляции, словно на Луне. Все уехали, но я остался. Квартирка у меня маленькая, лишь две комнатки, неподалеку от того места, где разыгрался последний акт трагедии. Более месяца я не выхожу за порог. Еду мне передают по тоннелю пневмопочты. Я не гуляю по городу, не купаюсь. Друзей в Рио у меня нет. Я не понимаю ни слова по-португальски.

С пятого декабря я надиктовываю воспоминания, работа эта близится к завершению. Публиковать мои мемуары я не собираюсь. Но считаю себя обязанным максимально подробно, насколько, разумеется, позволит память, написать обо всем, что мне известно о пребывании Ворнана среди нас и о моих с ним взаимоотношениях. Затем я запечатаю пленку и положу в сейф с указанием вскрыть не ранее чем через сто лет. У меня нет желания вносить свою лепту в поток уже появившихся сплетен. Надеюсь, мои показания не потеряют своей актуальности и через столетие, но, уж во всяком случае, они не раздуют пожар, что и так полыхает в нашем мире. А более всего мне бы хотелось, чтобы тот, кто прослушает эти пленки, не сразу понял бы, о чем речь, ибо события эти давно уже уйдут в историю. Но, откровенно говоря, не верю в такой исход.

Слишком много осталось неясностей. Разорвала Ворнана толпа или он вернулся в свое время? Был ли черный гигант присланным за ним курьером? Или Ворнан перенес себя в будущее, как только защита вышла из строя? Не знаю. И почему сломалась защита? Крейлик клялся и божился в ее стопроцентной конструктивной надежности.

И вывести ее из строя могли лишь намеренно. Неужели это сделал сам Крейлик из страха перед растущим могуществом Ворнана? И использовал меня как пешку, убедив пойти навстречу желаниям Ворнана. Я согласился сопровождать его, а Крейлик подсунил ему поврежденную броню. Если так, то я был невольным соучастником убийства, я ярый противник насилия. Но у меня нет уверенности, что Ворнана убили. Я даже не знаю наверняка, погиб ли он. Одно лишь не вызывает сомнений: он ушел из нашего мира.

Я думаю, он мертв. Мы не могли позволить ему и дальше ходить среди нас. Заговорщики, убившие Цезаря, полагали, что действуют на благо общества. Ворнан ушел, но вопрос остался: сможем ли мы пережить его уход?

Мы написали достойную мифа концовку. Когда молодой бог вышел к нам, мы его убили. И теперь он разрубленный на части Осирис*, умерший Таммуз**, оплакиваемый Бальдр***. Грядет час искупления грехов и воскрешения из мертвых, и я его боюсь. Живой Ворнан мог бы развенчать себя, показать миру, какой он эгоистичный, тщеславный, невежественный, аморальный, эдакая помесь петуха и волка. Ушедший Ворнан — совсем другое дело. Теперь он вне нашего контроля, ибо мы превратили его в мученика. Те, кому он нужен, будут ждать его преемника, того, кто заполнит образовавшийся вакуум. Не думаю, что мы будем испытывать недостаток в преемниках. Мы вступаем в век пророков. Грядет эра новых богов. Мы входим в век огня. Боюсь, что мне доведется увидеть эпоху Очищения, о которой говорил Ворнан.

Достаточно. Скоро полночь, подходит к концу тридцать первый день декабря. С последним ударом часов век предыдущий уступит место веку последующему. На улице царит веселье. Люди танцуют и поют. Я слышу громкие крики, в окне видны отблески фейерверков. Возможно, где-то и остались апокалипсисы, с содроганием или в блаженстве грезящие о приближении судного дня. Скоро наступит двухтысячный год. Двухтысячный. Слово это звучит для меня непривычно.

И мне пора покидать квартиру. Я выйду на улицу, к людям, чтобы отпраздновать с ними рождение нового года. Защита мне не нужна. Я в полной безопасности. Если что меня и тревожит, так это оставшиеся годы жизни. Столетие умирает. Я иду к людям.

Перевел с английского В. ВЕБЕР

* Согласно легенде Сет разрубил Осириса на 14 частей и разбросал их по всему Египту.

** Таммуз — у шумеров бог плодородия, умирающий и воскресающий каждые полгода.

*** Хозяйка хель (царства мертвых) соглашалась отпустить убитого Бальдра при условии, что его будет оплакивать все мертвое и живое. Плакали все, кроме великанши Текк, обличье которой принял Локи.

К. Хедли БАРКЕР ТУЗ НЕСЧАСТЬЯ

Самым, наверное, обидным во всей этой абсурдной истории Харберту Долишу представлялось то, что, не оказавшись проклятая официантка такой ленивой, он никогда бы не совершил убийство.

Все началось минут за десять до отправления поезда. Нестерпимый голод загнал его в привокзальное кафе. Как назло, официантка еле переставляла ноги, и Долиш, нервно ерзая на стуле, поминутно вынимал часы из кармана жилета. В конце концов заказ был ему подан, но слишком поздно — у Долиша оставалось всего-навсего две минуты, чтобы проглотить чашку чая со сдобной булочкой.

Когда он выскочил на перрон, поезд уже тронулся, и вагон, в котором он обычно играл в карты со стародавними попутчиками, был для него недосягаем.

Поезд между тем набирал скорость. Оставив мечты о преферансе, Долиш покрепче ухватил саквояж и побежал. Ему едва удалось запрыгнуть на подножку заднего вагона.

Его визави и единственный пассажир в купе — развязный щеголь, носивший галстук с булавкой в виде подковы и штилеты с вызывающе квадратными посами, — окинул Долиша любопытным взглядом и произнес обычные в подобных ситуациях фразы о смертельной опасности, которой Долиш подвергался, вскакивая на ходу в поезд. Затем он пустился в пространный, с чудовищными подробностями рассказ о несчастном случае с неким Томасом Бигсом, которому, в отличие от Долиша, не повезло при попытке сесть в отходящий поезд, и он угодил под поезд.

Херберт Долиш, в то время далекий от самой даже мысли об убийстве, тоже разглядывал человека, которого он вскоре лишит жизни. Глупых людей он всегда переносил с трудом, его же теперешний попутчик представлялся ему самым что ни на есть ярко выраженным дураком. Тем не менее, когда тот предложил вдруг перекинуться в картишки, Долиш заметно оживился. Будучи страстным картежником, он с жадностью ухватился за это предложение.

— Я прихватил даже с собой колоду карт, — сообщил он.

При этом его пальцы соприкоснулись с каким-то твердым предметом. Он вытащил его из кармана, смущенно улыбаясь.

— Не вздумайте только пугаться, — шутливым тоном обратился он к попутчику, кладя на стол пистолет. — Я вовсе не грабитель — купил эту штуковину сегодня в городе. В стрелковом клубе открылась секция стрельбы из пистолета. Поверьте, это весьма увлекательный вид спорта.

Попутчик в знак согласия кивнул.

— Вы позволите? — спросил он, взял со столика пистолет и стал его рассматривать с видом знатока. — Потрясная штучка! Черт меня побери, да он еще и заряжен!

— Э-э-э... Да, я купил к нему патроны, однако пусть это вас не тревожит — пистолет поставлен на предохранитель. Так во что мы сыграем? Вы умеете в суасант-сис?

— Отлично! По-нашему — шестьдесят шесть. Играл я в эту игру за океаном. Никогда не забуду, как однажды...

И Херберт Долиш начал сдавать карты.

— Какую назначим ставку? — как бы непароком поинтересовался он, снова оглядывая туалет своего попутчика. — Ну, скажем, пять шиллингов.

Долиш был удивлен. Он привык к значительно менее крупным ставкам, но решил не возражать, ибо считал себя достаточно опытным и способным постоять за себя игроком.

Очень скоро Долишу стало ясно, что сидевший напротив него субъект с подковкой в галстук далеко не простой любитель карточной игры. Он удивительно ловко тасовал, трескучими каскадами пересыпая колоду из одной ладони в другую. Метал же он, привычно посплюнявив языком кончики пальцев, и атласные карты, скользя в его проворных руках, точно намыленные, так и мелькали над столиком.

А Долиш проигрывал. Пять шиллингов... Десять... Пятнадцать... Тридцать пять... Пятьдесят... Он выплатил уже шесть фунтов. На его широких скулах выступил нездоровый румянец. Хватив для поднятия духа изрядный глоток из карманной фляжки, он решил сосредоточить свое внимание на том, чтобы отыгаться. Но еще задолго до остановки поезда в Чатеме его проигрыш возрос до сорока шести фунтов. Стремясь во что бы то ни стало взять реванш, Долиш играл рискованно, даже безрассудно. Сердце его сжималось от тошнотворного страха — ему слишком крупно не везло, и он потерял уже гораздо больше, чем мог себе позволить. Сегодня был срок ежеквартальных платежей, и деньги, которые он проигрывал, предназначались для уплаты по счетам.

Когда проигрыш достиг семидесяти фунтов, Херберт Долиш откинулся на спинку и дрожащей рукой стер пот со лба. Его лицо побледнело, а уголки губ подрагивали.

— К сожалению, — объявил он, — я не смогу продолжить игру, просадил все, до последнего шиллинга.

— В самом деле? Ну что же, не повезло тебе, корешок. А жаль, хорошая была игра. Как мы славно сражались!

— Послушайте, — заискивающе улыбаясь, обратился к нему Долиш, — это, конечно, не совсем обычная просьба, но... Короче, не могли бы вы одолжить мне эти деньги? Я вскоре верну вам свой проигрыш, но в настоящий момент мне... Видите ли у меня...

Ловкач в неопишемом удивлении вытаращил на него глаза и нагло захохотал.

— Ну ты даешь! Приду домой, обязательно расскажу благоверной. Вот уж кто выплатит все свои глазоньки — она у меня сердобольная. Слушай, кореш, что с возу упало, то пропало. Здесь тебе не благотворительный фонд.

— Позвольте же объяснить, — в отчаянии взмолился Долиш, — вы не так меня поняли. Все обстоит несколько...

— Мой тебе совет, кореш: позабудь про эти денюжки и в следующий раз никуда без няньки не ходи. Эй, какого!..

— Поднять руки, — злобно щерясь на него из-за дула пистолета, произнес Долиш. — Выше!

Даже и в этот момент ни о каком убийстве Долиш не помышлял. Ему лишь хотелось припугнуть ловкача, чтобы отобрать у него свои деньги. Он не мог себе представить, как объяснит жене потерю семидесяти фунтов стерлингов.

Однако игры с оружием всегда рискованны. Глаза у ловкача вдруг сузились, и он бросился на Долиша, а тот, зажмурившись от испуга, произвольно нажал на курок.

Смерть наступила мгновенно, и ловкач медленно завалился на пол, словно черт знает чем набитый мешок, а во лбу появилось отверстие, отливающее зловещей синевой.

Усилием воли Долиш овладел собой и стал обдумывать пути выхода из этой кошмарной ситуации.

Он уже собрался было спровадить тело под откос, когда на глаза ему попались наручные часы ловкача, и тут его осенила идея. Он решил перевести стрелки этих часов на пять пятьдесят, рассчитывая, что при ударе они остановятся, и если тело обнаружат не сразу, следствие решит, что погибший следовал не в этом, а в предыдущем поезде.

Переведя часы, он открыл дверь вагона и выпихнул тело из купе, отметив при этом, что скорость поезда не меньше сорока миль в час.

Сотрудник Скотленд-Ярда Веннер сел на следующее утро в поезд, отправлявшийся на Лондон в восемь сорок. Появление Долиша он и двое других его попутчиков встретили в вагоне, как обычно, грубовато-шутливыми приветствиями. Вот уже десять лет все четверо ездили на работу в одном купе и коротали дорогу за игрой в карты.

— Скорее, старый душегуб! Не забыл взять с собой карты? — кричали они. — Где это вы изволили болтаться вчера вечером, если не секрет?

— Опоздал, — отвечал Долиш. — Пришлось бежать за поездом, едва успел вскочить в последний вагон. Читали в газетах об убийстве в пятичасовом?

Смит, пересчитывая карты в переданной Долишем колоде, утвердительно кивнул.

— Бедняге всю бабку разможило, от лица почти ничего не осталось. Хотя вряд ли он уже что-либо чувствовал. Веннер, тебе известны какие-нибудь подробности, о которых газеты не сообщили?

— Мне известно много чего, о чем болтать не положено, — отозвался полицейский. — Между прочим, я осматривал это тело спустя два или три часа после убийства.

— Послушай, старина Долиш, — воскликнул Смит, — да у тебя не вся колода! Куда ты заныкал туза несчастья? Смит называл так туза пик.

— Остался, наверное, в кармане, — предположил Долиш.

— Может, и в кармане, да только не в твоём, — с неожиданного серьёзным видом произнес сотрудник Скотленд-Ярда. — Вот он, если не ошибаюсь.

И Веннер положил на столик того самого пикового туза, которого не хватало в колоде.

— Клянусь всевышним, это и в самом деле он! — вскричал Смит. — Черт поberi, Веннер, как эта карта оказалась у тебя, старый ты шулер?

Веннер пристально взглянул Долишу в глаза.

— Долиш, — произнес он, положив свою руку на его плечо, — мне чертовски неприятно, но я должен тебя арестовать. Этот пиковый туз был обнаружен в рукаве убитого.

Перевел с английского Г. ДМИТРИЕВ

Редактор Евгений КУЗЬМИН

Художник Павел ИЛЬИН

Художественный редактор Валерий КУХАРУК

**Учредитель литературного приложения «Искатель» —
трудовой коллектив редакции журнала «Вокруг света»**

Главный редактор журнала Александр ПОЛЕЩУК

Рукописи не рецензируются

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а
Тел. 258-88-84

Сдано в набор 16.07.93. Подписано в печать 13.08.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 9,4.

Усл. кр.-отт. 7,56.

Уч.-изд. л. 11.

Тираж 250 000 экз. Заказ 32112.

Типография АО «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Роберт СИЛВЕРБЕРГ
К. Хедли БАРКЕР

Индекс 70424

